

Серия

2012

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

Выпуск 1 (9)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Founder: Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Professional Education «Perm State National Research University»

Серия «Философия. Психология. Социология» издается философско-социологическим факультетом Пермского государственного национального исследовательского университета с 2010 г.

Тематика статей серии «Философия. Психология. Социология» отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований. Приоритетным правом на публикацию пользуются статьи молодых ученых.

Subjects of articles of a series «Philosophy. Psychology. Sociology» reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles. The papers of young scientists use the priority right to the publication.

Издание включено в национальную информационно-аналитическую систему Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия (ПИ № ФС77-39902 от 19 мая 2010 г.)
Территория распространения — Российская Федерация

© ФГБОУ ВПО ПГНИУ, 2012

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внутских (профессор, докт. филос. наук)

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергфельд (доцент, канд. психол. наук)

ФИЛОСОФИЯ

Владимир Николаевич Железняк (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Владимир Васильевич Ким* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *Михаил Иванович Ненашев* (профессор, докт. филос. наук, Киров), *Владимир Вячеславович Орлов* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Сергей Владимирович Орлов* (профессор, докт. филос. наук, Санкт-Петербург), *Александр Владимирович Перцев* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург)

ПСИХОЛОГИЯ

Виктор Дмитриевич Балин (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Асия Гарафовна Исмагилова* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Елена Васильевна Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Наталья Анатольевна Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Ирина Анатольевна Мироненко* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Людмила Александровна Мосунова* (профессор, докт. психол. наук, Киров), *Александр Октябрьнович Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Елена Евгеньевна Сапогова* (профессор, докт. психол. наук, Тула)

СОЦИОЛОГИЯ

Анатолий Григорьевич Антипов (профессор, докт. социол. наук, Пермь), *Вячеслав Борисович Житенев* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *Евгения Анатольевна Когай* (профессор, докт. филос. наук, Курск), *Галина Ивановна Осадчая* (профессор, докт. социол. наук, Москва), *Валерий Германович Попов* (профессор, докт. социол. наук, Екатеринбург), *Татьяна Николаевна Юдина* (профессор, докт. социол. наук, Москва)

Международный редакционный совет

Джорджи Де Маркис (профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Испания), Стивен МакДауэлл (профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, США), Майкл Рьюз (профессор философского факультета, Университет штата Флорида, США), Дьёрдь Сарвари (доктор философии, директор Neosys Organisational Development Consulting, Венгрия), Александр Строканов (профессор, руководитель департамента социальных наук, директор Института русского языка, истории и культуры, государственный колледж в Линдоне, Вермонт, США), Дмитрий Широканов (профессор, докт. филос. наук, акад. Национальной академии наук Беларуси, Минск, Белоруссия), *Жига Кнап* (профессор, докт. философии, Люблянский университет, Словения), *Иссак Эберштейн* (профессор социологии, заведующий кафедрой социологии, университет штата Флорида, США)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. +7(342) 2396-617, +7(342) 2396-834.
E-mail: abergfeld@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.
Web-site: [http:// www.psu.ru/](http://www.psu.ru/)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

«Глобальный антропный принцип» современного естествознания и интерпретация смысла человеческого бытия <i>А.Ю. Внутских</i>	4	«Holistic antropic principle» of modern natural sciences and interpretation of human being sense <i>Aleksandr Y. Vnutskikh</i>
Смысл жизни как психологический феномен и философская проблема (к вопросу о роли философии в интеграции научных представлений о сущности и смысле жизни) <i>Ю.В. Маслянка</i>	10	The sense of human life as a psychological phenomenon and philosophical problem (on the role of philosophy in the integration of scientific ideas about the nature and sense of human life) <i>Julia V. Maslyanka</i>
Проблема сознания и языка в структурной эпистемологии М. Фуко <i>И.В. Рязанов</i>	19	The problem of consciousness and language in the structural epistemology M. Foucault <i>Ivan V. Ryazanov</i>
Творческая индивидуальность в русской эстетике Серебряного века (о познании творческой индивидуальности) <i>Л.А. Волошина</i>	35	The creative individuality in the Russian aesthetics of the Silver Age (Cognition of the creative individuality) <i>Ludmila A. Voloshina</i>
Заимствования и национальная картина мира <i>И.Н. Щукина, Ж.Р. Кнап</i>	41	Foreign words and the national picture of the world <i>Irina N. Shukina, Zhiga R. Knap</i>

ПСИХОЛОГИЯ

Установки в отношении мусульман среди православных россиян: эксплицитный и имплицитный аспекты <i>С.А. Щебетенко, Е.Ю. Артамонов</i>	46	Explicit and implicit attitudes toward muslims among russian undergraduates identifying themselves with orthodox church <i>Sergei A. Shchebetenko, Yevgeny Y. Artamonov</i>
Представления о сновидениях: основные модели <i>Д.Г. Трунов, М.А. Воденикова</i>	59	The representations about dreams: the basic models <i>Dmitry G. Trunov, Mariya A. Vodenikova</i>

СОЦИОЛОГИЯ

Америка в поисках новой идентичности: концепция свободного агента Д. Пинка <i>К.В. Патырбаева</i>	70	America is searching new identity: D. Pink's theory of free agent <i>Kseniya V. Patyrbaeva</i>
А. Турен о причинах кризиса социологии и путях выхода из него <i>А.Г. Антипов, Ю.С. Маркова</i>	81	A. Touraine about causes of sociology crisis and ways of its overcoming <i>Anatoly G. Antipiev, Yulia S. Markova</i>
К проблеме информационной открытости органов местного самоуправления <i>С.Е. Гасумова</i>	92	To a problem of an information openness of local governments <i>Svetlana E. Gasumova</i>
Визуальные представления российских интеллектуалов о власти <i>Е.А. Алтынцева</i>	103	Visual representations of the Russian intellectuals about authority <i>Ekaterina A. Altinceva</i>

ФИЛОСОФИЯ

УДК 128

**«ГЛОБАЛЬНЫЙ АНТРОПНЫЙ ПРИНЦИП» СОВРЕМЕННОГО
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СМЫСЛА
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ****А.Ю. Внутских*

В статье обсуждаются предпосылки появления в современном естествознании «глобального антропо-го принципа». Данный принцип связан с представлением о закономерном появлении человека во Вселенной. По мнению автора, система фактов современной науки свидетельствует о существовании объективных оснований появления человеческого смысла.

Ключевые слова: антропный принцип; развитие природы и общества; смысл человеческого бытия.

Как известно, традиционная точка зрения заключается в том, что естественные науки, как науки «точные», номотетические, призваны лишь формулировать законы однозначного действия и *объяснять* происходящее посредством выявления причинно-следственных связей в массивах однородных, повторяющихся явлений. Соответственно, положения естественных наук обычно понимаемые как теоретические конструкты, достаточно далеки от внутреннего человеческого смысла. Свет с длиной волны 760-780 нм при определенных условиях способен дать красивейший закат. Но какой смысл в красоте заката, который никто не наблюдает? Ценности и смысл в мир превносит только человек. Напротив, науки гуманитарные — «идеографические» — традиционно считались «обителью смыслов», поскольку именно они направлены на *понимание* смысла уникальных событий. Их предмет включает в себя человека, его сознание и выступает как текст, имеющий собственно человеческий смысл.

С этими тезисами, конечно, сложно спорить. Однако вопросы их интерпретации, при-

званной помимо прочего раскрыть существо неразрывной (как нам представляется) связи естественных и социально-гуманитарных наук в отношении осознания действительного смысла человеческого бытия, представляются нам весьма актуальными, особенно в эпоху отмирания старых общественных форм, перманентные попытки воспроизводства которых представители Пермской философской школы, давно изучающие проблему смысла, справедливо интерпретируют как бессмысленные. Подчеркнем — эти попытки, а не человеческое бытие как таковое. Адекватное понимание бесконечной по своей природе сущности человека как раз внушает сторонникам научно-философского подхода определенный оптимизм, поскольку дает осознание перспективы преодоления столь характерного для социокультурной ситуации XX-XXI вв. субъективизма и его неизбежного следствия — отчуждения [2, 3, 14, 15].

Как известно, акцент на методе «понимания» или «толкования» (объяснения) жизни в «науках о духе», в противоположность эмпирическому анализу естественных наук, пожалуй,

* Статья подготовлена при поддержке гранта ЕЗН Минобрнауки «Философия как инновационный фактор науки и образования» № 1.13.11.

впервые предельно четко реализовал в своих работах В. Дильтей еще в XIX в. В итоге, на рубеже XIX — XX вв., как отмечал М. Вебер, во многом под влиянием таких крупных мыслителей, как Л. Толстой, на этой основе сформировалось даже массовое радикальное неприятие естественной науки как лишенной человеческого смысла, науки «бесчеловечной», в том числе у учащейся молодежи. Вебер писал: «...естественные науки дают нам ответ на вопрос, что мы должны делать, *если* мы хотим *технически* овладеть жизнью. Но *хотим* ли мы этого и *должны* ли мы это делать и *имеет* ли это... смысл — подобные вопросы они оставляют совершенно нерешенными или принимают их в качестве предпосылки для своих целей <...> необходимо освобождение от научного интеллектуализма <...> Сегодня... у молодежи появилось... чувство... что мыслительные построения науки представляют собой лишенное реальности царство надуманных абстракций, пытающихся своими иссохшими пальцами ухватить плоть и кровь действительной жизни но никогда не достигающих этого <...> необходимо освобождение от научного интеллектуализма» [2].

Такого рода тенденцию можно проследить и в наши дни — опыт Освенцима и Чернобыля многому научил человечество и заставил быть гораздо осторожнее в оценке достижений естественных и технических наук. Вопрос, однако, заключается в том, насколько правы сегодня, в начале XXI в., сторонники «абсолютной специфики» гуманитарного знания, считающие, что естествознанию в общем-то о смысле человеческого бытия сказать нечего. Тем более нечего в ситуации «антропологической катастрофы», когда, согласно М. Мамардашвили, для терапии зомбированного, переставшего осмыслять действительность, человека акцент должен делаться отнюдь не на природном и даже не на социальном контексте — а сугубо на восстановлении его (человека) внутреннего пространства [10].

Однако, разбирая эту позицию, следует согласиться с мнением академика В.С. Степина о том, что в современной науке присутствуют

мощные интегративные тенденции: «жесткая демаркация между науками о природе и науками о духе имела свои основания для науки в XIX столетии, но она во многом утрачивает силу применительно к науке уже последней трети XX века... в естествознании наших дней все большую роль начинают играть исследования сложных развивающихся «человекоразмерных» систем, которые обладают «синергетическими характеристиками» и включают в качестве своего компонента человека и его деятельность. Методология исследования таких объектов сближает естественнонаучное и гуманитарное познание, стирая жесткие границы между ними» [20]. Однако, на наш взгляд, важно, что на основании системы данных частных наук современная форма научной философии обоснованно настаивает на необходимом характере появления человека в ходе единого закономерного мирового процесса и отмечает факт «вписывания» человеческой проблематики в положения фундаментального естествознания [16]. Действительно, во всех фундаментальных отраслях естествознания появились многочисленные «ссылки на человека». В этой связи мы рискуем выдвинуть тезис, согласно которому во второй половине XX — начале XXI вв. идет процесс «антропологизации», так сказать, **«очеловечивания естествознания»** через формирование общего для всех естественных наук **глобального антропного принципа**.

Поясним сказанное. Пионером в этой области стала физика, точнее космология. Английский физик Б. Картер в 1973 г. (а до него отметим — советские исследователи А.Л. Зельманов и Г.М. Идлис) сформулировал т.н. **«сильный антропный космологический принцип»**, согласно которому Вселенная, т. е. ее «физика», значения фундаментальных констант, должна быть такой, чтобы на определенном этапе своей эволюции она могла породить разумного наблюдателя [11]. Сказанное отнюдь не означает, что человек буквально является целью эволюции природы. Телеология как таковая представляет собой вчерашний день естествознания. Однако свойства Метагалактики (наблюдаемой Вселенной), значения фундамен-

тальных физических констант таковы, что появление разумного наблюдателя где-нибудь во Вселенной оказывается в целом достаточно вероятным процессом, хотя, разумеется, не на каждой планете это происходит (здесь мы видим известное диалектическое дополнение необходимости случайностью). Иллюстрацией «сильного» АКП, отражающего закономерный, направленный характер космической эволюции, может служить, может быть, самый важный факт, открытый космологией в XX в. — факт расширения и остывания Метагалактики, которая благодаря этому **сама эта система формирует условия для появления в ней все более сложных структур** в ряду: элементарные частицы — ядра — атомы — молекулы — галактики — звезды — планеты. В результате, на одной из планет, почти наверняка не на единственной, в свете открытия в других звездных системах сотен экзопланет, в том числе земного типа [9], появляется Жизнь, а потом и Разум.

Не отстала со своим антропным принципом и химия. В 1969 г. Д. Кеньон и Г. Стейнман сформулировали **«принцип биохимического предопределения»** на всех этапах эволюции от возникновения элементов до появления протоклеток, когда наблюдается устойчивая тенденция к появлению живых систем, основанных на углероде [7]. Таким образом, и в случае химической эволюции мы видим в целом закономерный и самодетерминированный процесс (который, конечно, не исключает действия случайности, «расшатывающей» прежнюю необходимость и рождающей новую необходимость в форме случайной флуктуации). Приведем один пример. Существует достаточно обоснованное предположение, что жизнь на Земле в форме бактерий и сине-зеленых водорослей впервые возникла в древнем океане. Первоначально она не могла пойти по пути прогресса через освоение суши по многим причинам — и в том числе потому, что жесткое ультрафиолетовое излучение уничтожало все живое, не прикрытое озоновым экраном (кислорода, превращающегося в верхних слоях атмосферы в озон, в то время было очень мало). Но благода-

ря фотосинтезу сине-зеленых водорослей и других фотосинтезирующих растений содержание кислорода в атмосфере медленно, но неуклонно возрастало и в итоге — благодаря, кстати, тому же УФ-излучению — сформировался озоновый экран. В результате жизнь сумела выйти на сушу и породить именно здесь свои наиболее сложные формы.

Наконец, в биологии, замыкающей триаду фундаментальных наук о природе, англичанин Д. Хаксли и советский биолог К. Михайлович Завадский по сути формулируют концепции, выступающие как элементы антропного биологического принципа. Хаксли выдвинул концепцию **неограниченного прогресса** [22], а Завадский — концепцию **мегаарогенеза** [5]. Так, по Хаксли неограниченный прогресс — это направление эволюционного процесса, который не ставит пределов на пути собственного продолжения, т.е. за счет накопления универсальных приспособлений не уходит в «тупики» узкой специализации. Дело в том, что специализированные, прекрасно приспособленные к узким, «локальным» условиям среды виды рано или поздно вымирают, поскольку условия эти меняются и специализированные «не пластичные» виды не имеют шансов на выживание. Наблюдается же «неограниченный прогресс» только в линии, ведущей на человека. Причем это направление — мегаарогенез как последовательность крупных ароморфозов по К.М. Завадскому — представляет собой результат развития всей живой природы в целом, которая, начиная с бактерий, не претерпевших существенного усложнения за миллиарды лет, его обуславливает.

Таким образом, современные науки о природе фактически утверждают, что **«мир человека», что он чреват человеком**, закономерен порождает его и потому не может быть ему враждебным. Подчеркнем, что идея глобального антропного принципа естествознания имеет серьезные философские предпосылки — достаточно вспомнить идеи русских космистов, причем не только, может быть, несколько мечтательных Н. Н. Федорова и К. Э. Циолковского, но и гораздо более «жесткого» естественника

В. И. Вернадского. Согласно общей для всех русских космистов идее, природа закономерно порождает человека, который и вселяется во Вселенную как в предуготовленный ему дом [18].

Какое это имеет отношение к проблеме смысла человеческого бытия? Самое прямое, поскольку в целом закономерно порождающая человека природа содержит если не сам смысл, то **объективные основания для ценностного отношения человека к миру и собственно для возникновения человеческого смысла**. Повторимся: если «мир человекен», если он чреват человеком, если он закономерно порождает его — он не может быть ему враждебным. Как справедливо отмечает в этой связи Ю.В. Маслянка, можно говорить об иерархии человеческих смыслов, отражающей бесконечную, иерархически выстроенную, систему мира, схваченную концептуальной схемой единого закономерного мирового процесса [13].

В результате, правда, возникает еще один связанный и очень важный вопрос — **ставит ли природа пределы для развития человека уже после его появления?** Что, например, есть **человеческий индивид**, как не «бытие к смерти»? Многие авторитетные отечественные исследователи вслед за М. Х. и Э. Левинасом полагают, что конечность, смертность индивида и есть наиболее очевидный и неустранимый предел человека, одновременно придающий его жизни смысл и ценность [19]. Подчеркивается, что в более-менее отдаленной перспективе *технически* индивида можно сделать практически бессмертным. Отметим, что, скорее всего, это уже не абстрактная, а все более реальная возможность, особенно если учесть, что генетически запрограммированная индивидуальная смерть появляется отнюдь не вместе с жизнью, а является исторически сформировавшимся биологическим приспособлением вида, которое возникает только с многоклеточностью; соответственно, генетические механизмы этого явления могут быть познаны и скорректированы. Технологические же возможности для такого рода коррекции в связи с внедрением «конвергентных» технологий в медицинскую практику

за последние десятилетия неизмеримо выросли [3]. Однако будет ли это бессмертное существо человеком? Многие авторитетные исследователи полагают, что это отнюдь не факт, поскольку предел индивидуальной смертности прямо определяет основу человеческой субъективности и ответственности, его открытости для другого, открытости для следующих поколений [19]. Не вдаваясь в детальный анализ этого важного тезиса, подчеркнем, что, по-видимому, индивид бессмертный (очень долго живущий), как и индивид смертный, в принципе может обладать сознанием как единством субъективного и объективного. Каким образом такой индивид сможет *сохранить* автономию своей субъективности и интенцию к осмыслению действительности в условиях зомбирующего социального прессинга, о котором говорил М. Мамардашвили, вопрос именно *социальный*, выходящий за пределы проблемы индивидуальной смертности. Во всяком случае, мы можем констатировать, что собственно *природа* не накладывает фатального, абсолютно непреодолимого запрета на практически бесконечное существование человеческого индивида.

А как быть с **внешними природными ограничениями** существования уже возникшего — пусть и закономерно — **человечества**? В эпоху очевидной пробуксовки проекта Просвещения, основанного на наивной вере в возможность бесконечного «фронтального» прогресса, в пору экологического кризиса и эсхатологических ожиданий этот вопрос кажется риторическим. Проще всего, конечно, смириться с этой «самоочевидностью» и сказать, что непреодолимые ограничения на развитие человеческого общества природой, конечно, наложены. Однако не следует забывать мнение Аристотеля о том, что собственно философия возникает из удивления перед вещами, которые неожиданно перестают быть «само-собой-разумеющимися».

Для адекватного ответа на вопрос, являются ли экологические, генетические, космические лимиты для человечества фатальными, следует прежде всего понять, каким — случайным или необходимым — является появление самого

человека в ходе природной эволюции. Во-первых, как мы уже отмечали, система фактов современного естествознания убедительно свидетельствует о закономерном в целом появлении в наблюдаемой Вселенной углеродной жизни и ее разумной разновидности, способной преобразовывать природу. Выражаясь языком научно-философской концепции отбора, можно сказать, что в ходе единого закономерного мирового процесса реализуются те единичные и особенные возможности, реализация которых способствует или не противоречит реализации ряда общих возможностей, т. е. продолжению развития как интегрального прогресса [4]. Во-вторых, если человек случаен, может ли он *утверждать* что-либо о случайности или необходимости своего появления? Думается, что утверждение такого рода противоречит само себе, поскольку обоснованно судить о своем месте в мире, о связи случайного и необходимого и своем месте в этой связи может лишь существо как раз необходимое, появляющееся в целом закономерно [17]. Но, **может быть, природа создает человека, чтобы затем его столь же закономерно уничтожить?** Как известно, Ф. Энгельс и Э. В. Ильенков, например, полагали, что это именно так — с той разницей, что по Энгельсу человечество не сумеет избежать гибели при угасании Солнца [21], а по Ильенкову человек сам в далеком будущем сформирует условия, в которых умирающая в «энтропийной яме» Вселенная сможет возродиться к новому циклу развития [6]. Относительно тезиса Ф. Энгельса следует отметить, что начавшаяся менее шестидесяти лет назад космическая эра уже принесла существенные практические результаты, а начиная с работ К.Э. Циолковского из теории космических полетов исчез запрет на межзвездное сообщение. Относительно же тезиса Э.В. Ильенкова подчеркнем, что с позиций современной космологии наша физическая Вселенная может быть не единственной — ни теория относительности Альберта Эйнштейна, ни квантовая физика не накладывают запрета на предположение о множественности физических миров [14; 15] — что не может не привести к существенной корректировке пессимистической картины необратимого роста энтропии в «обреченной» Вселенной.

А может быть, мы просто живем в период отмирания старого способа существования че-

ловечества, первого (но далеко не последнего!) глобального цивилизационного кризиса, что и провоцирует нас на создание катастрофических сценариев как единственно возможных?... В своей знаменитой книге «Выбор катастроф» А. Азимов приходит к обоснованному выводу о том, что катастрофы эти могут произойти *с какой-то вероятностью*, и человечество отнюдь не обречено именно потому, что люди способны осознать эти угрозы и предпринимать практические действия по их преодолению [1]. Проблема, скорее, в другом. По оценке современных социологов, так называемые глобальные проблемы человечества могут быть решены только в случае, если 90% человечества будут солидарно участвовать в их решении [8]. Примеры такого рода солидарных действий в истории человечества есть, хотя их немного. Следовательно, проблема — не в природе, она — в нас самих, в том, сможет ли человечество в очередной раз «сбросить старую кожу», как это ему уже приходилось делать неоднократно, например, в эпоху неолитической революции.

Таким образом, если угодно, мир стоит того, чтобы его осмыслять и осмысливать, во-первых, потому, что закономерно развивающаяся природа — предмет естествознания — создала все необходимые предпосылки для появления, развития человека, для такого осмысления и осмысливания им мира, а во-вторых, природа не является сугубо враждебной человеку и в настоящее время, хотя, разумеется, в известном смысле и противостоит ему. И то, **будет ли человек продолжать эту глобальную тенденцию развития природы в ходе исторического процесса своей мыслью и своим трудом или же попытается отказаться от этого, обессмысливая свою жизнь, не может не сказаться на том, как человек понимает смысл бытия вообще и собственного бытия в частности.** Таким образом, на наш взгляд, современному естествознанию, безусловно, есть что сказать о человеческом смысле. Более того, по нашему мнению, **без равноправного диалога с естественными науками философии, комплексу гуманитарного знания в целом будет очень трудно найти пути выхода из той антропологической катастрофы**, о которой справедливо говорил Мамардашвили, и из которой мы, в случае отсутствия такого диалога, действительно рискуем не выбраться.

Список литературы

1. *Азимов А.* Выбор катастроф. СПб., 2002. С. 7.
2. *Береснева Н.И.* Вопросы оптимизма в системе воспитания человека // *Философия образования.* 2006. № 1. С.227 – 230.
3. *Береснева Н.И., Береснев В.Д.* Развитие идей субъективного идеализма в XX-XXI вв. // *Вестник Пермского университета. Сер. Философия. Психология. Социология.* 2010. № 1. С. 14 – 18.
4. *Вебер М.* Наука как призвание и профессия [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/POLITOLOG/weber.txt> (дата обращения: 1.02.2012).
5. *Внутских А.Ю.* От nanoиндустрии к постинформационному обществу // *Вестник Вят. гос. гум. ун-та.* 2011. № 2. С. 6 — 11.
6. *Внутских А.Ю.* Парадокс отбора и его возможное решение // *Вестник Перм. ун-та. Сер. Философия. Социология. Психология.* 2011. № 3. С. 5 — 11.
7. *Завадский К.М.* Проблема прогресса живой природы // *Вопросы философии.* 1967. № 9. С. 124 — 136.
8. *Ильенков Э.В.* Космология духа // *Философия и культура.* М., 1991. С. 415 — 437.
9. *Кеньон Д., Стейнман Г.* Биохимическое предопределение. М., 1972.
10. *Кондратьев К.Я., Кражевин В.Ф.* Численное моделирование динамики системы «природа-общество» // *Энергия.* 2005. № 12. С. 17 — 22.
11. *Ксанфомалити Л.В.* и др. Планетные системы ближайших звезд // *Природа.* 2010. № 9. С. 3 — 13.
12. *Мамардашвили М.К.* Сознание и цивилизация // *Как я понимаю философию.* М., 1992. С. 107 — 121.
13. *Мартынов Д.Я.* Антропный принцип в астрономии и его философское значение // *Вселенная,* астрономия, философия. М., 1988. С. 58 — 65.
14. *Маслянка Ю.В.* Проблема смысла жизни: современное состояние и перспективы // *Вестник Перм. ун-та. Серия Философия. Психология. Социология.* 2010. № 3. С. 4 — 11.
15. *Маслянка Ю.В.* Смысл жизни как психологический феномен и философская проблема (к вопросу о роли философии в интеграции научных представлений о сущности и смысле жизни) // *Вестник Перм. ун-та. Серия Философия. Психология. Социология.* 2012. № 1.
16. *Мостепаненко А.М.* Проблема «возможных миров» в современной космологии // *Вселенная, астрономия, философия.* М., 1988. С. 84.
17. *Новиков И.Д., Полнарев А.Г., Розенталь И.Л.* Численные значения фундаментальных постоянных и антропный принцип // *Проблема поиска жизни во Вселенной.* М., 1986. С. 36 — 40.
18. *Орлов В.В.* XXI век и проблема научности философии // *Вестник Перм. ун-та. Серия Философия. Психология. Социология.* 2010. № 1. С. 12
19. *Орлов В.В.* Природа и предыстория человеческого интеллекта // *Новые идеи в философии.* 2006. Вып. 15. Т. 1. С. 19.
20. *Русский космизм: Антология философской мысли.* М., 1993.
21. *Сокулер З.А.* Значение конечности человека в философии Э. Левинаса // *Философия и парадигмы современной науки.* М., 2011. С. 26.
22. *Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А.* Философия науки и техники // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philosophy.ru/library/fnt/vved.html> (дата обращения: 1.02.2012).
23. *Энгельс Ф.* Диалектика природы // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1961. Т. 20. С. 362.*
24. *Huxley J.* Evolution. The modern synthesis. London, 1942.

«HOLISTIC ANTROPIC PRINCIPLE» OF MODERN NATURAL SCIENCES AND
INTERPRETATION OF HUMAN BEING SENSE
Aleksandr Y. Vnutskikh

Perm State National Research University, 15 Bukirev str., Perm, Russia, 614990

The background of modern natural sciences «holistic antropic principle» appearance is discussed in the article. This principle is connected with concept of human being obligate emerging. Author regard that system of facts of the modern natural sciences witness about objective basis of human being sense emerging.

Key words: antropic principle, evolution of nature and society, the human being sense.

УДК 128

СМЫСЛ ЖИЗНИ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН И ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА (К ВОПРОСУ О РОЛИ ФИЛОСОФИИ В ИНТЕГРАЦИИ НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СУЩНОСТИ И СМЫСЛЕ ЖИЗНИ)

Ю.В. Маслянка

В статье анализируются психологический феномен и философская теория смысла жизни, ее различные уровни и стороны. Обосновывается идея ведущей роли конкретно-всеобщей философской теории и методологии в интеграции научных представлений о сущности и смысле жизни.

Ключевые слова: смысл жизни; смысловая структура сознания; конкретно-всеобщая теория развития; интеграция науки.

Смысл жизни как специфический психологический феномен, обнаруживающий себя в сознании человека, является объектом психологического анализа и реконструкции. Однако в рамках психологических концепций данный термин употребляется напрямую. «Метапотребности, самоактуализация, самореализация и осуществление являются только различными трактовками этой проблематики» [7, с. 219]. Не вызывает сомнений, однако, что для современной психологической теории и практики экспликация проблематики смысла жизни и, шире, смысла приобретает парадигмальный характер. Именно в XX в. (особенно во второй половине) профессионалы в массовых масштабах столкнулись с так называемым *экзистенциальным неврозом*, вызванным не столько социальной дезадаптацией, сколько своеобразной самостной дезадаптацией, потерей человеком себя. Как отмечает В.Франкл, «сегодня мы, по сути, имеем дело уже с фрустрацией не сексуальных потребностей, как во времена Фрейда, а с фрустрацией потребностей экзистенциальных. Сегодняшний пациент уже не столько страдает от чувства неполноценности, как во времена Адлера, сколько от глубинного чувства утраты

смысла, которое соединено с ощущением пустоты...» [12, с. 24]. Феноменология «экзистенциального вакуума», специфического ощущения утраты смысла в XX в. становится лейтмотивом многих художественных произведений, экзистенциальной философии.

Исследовательский интерес к феномену смысла жизни (переживания, поиска, утраты смысла) выявил его исключительный характер в структуре субъективного мира личности (как психологической метапотребности, «смысловой вертикали сознания личности») и инициировал процесс философского фундирования психологической теории, интеграции ее теории и методологии. Наиболее адекватным выражением этого процесса, с нашей точки зрения, следует считать формирование отечественной психологической теории деятельности, начало которой было положено еще в трудах Л.С.Выготского. Принципиальное развитие данная теория получает в работах А.Н.Леонтьева и его многочисленных последователей. В 70-80-е гг. прошлого века она бурно развивается — формируется куст понятий, описывающих структурные элементы смысловой сферы личности (А.Г.Асмолов, Б.С.Братусь,

* Статья подготовлена при поддержке гранта ЕЗН Минобрнауки «Философия как инновационный фактор науки и образования» № 1.13.11.

В.К.Вилюнас, В.В.Столин, Е.В.Субботский и др.); предложены классификации смысловых образований (Е.Е.Насиновская и др.), концепции смысловой динамики (Ф.Е.Василюк) и смысловой саморегуляции (Б.В.Зейгарник, В.А.Иванников) [5, с. 103]. В данном контексте особый интерес представляют идеи А.Н.Леонтьева о *личностном смысле*, предметной деятельности индивида как основе смыслопорождения, иерархии мотивов и целей личности, подчиненных в конечном счете главной человеческой цели, которая есть «человек Человечества», чья жизнь резонирует миру, обусловливает, способствует его благу» [1, с. 85]. Проясняя содержание этих идей, Б.С.Братусь пишет следующее: «В каждой смысловой внутренней реалии так или иначе присутствует, явно или смутно отражен весь смысловой ряд, вся смысловая вертикаль, иерархия данного человека. Разрушение ее означало бы разрушение главного стержня, который удерживает конкретные деятельности, без чего они обесцениваются, обесцвечиваются, теряют самый вкус жизни. В клинике известен так называемый экзистенциальный невроз — человек все может делать и даже во всем способен преуспевать, но жизнь лишается смысла, и он бессильно повисает, как марионетка, которую уже никто не держит» [1, с. 85]. Здесь на уровне психологической теории мы обнаруживаем важное для нас понимание того, что каждая смысловая реалия, личностный смысл, или просто смысл помимо своего специфического, особенного (и уникального) содержания, всегда несет некое общее содержание, связывающее его с другими смыслами, единицами субъективности и структурами субъективного мира личности. Вместе с тем серьезный анализ ряда современных вариантов психологической теории деятельности (Б.С.Братусь, Д.А.Леонтьев и др.) обнаруживает заметный дрейф данной теории в сторону идеалистической трактовки социального действия и социальной реальности в целом. В определенном аналитическом контексте мы можем рассматривать *образ Я, отражение-переживание себя* (самосознание) как то общее содержание, которое интегрирует и в известном

смысле формирует субъективную картину реальности, но мы не имеем права гипостазировать, распространять это представление на реальность в целом, на социальную реальность, жизнь и деятельность личности. Психология смысла здесь неизбежно сталкивается с проблемами, выходящими за пределы ее сугубо специфического (особенного) анализа в сферу общего (всеобщего). Проблематика смысла, таким образом, выявляет специфические пределы, ограниченности психологической теории, в рамках которой невозможно ответить на вопросы о фундаментальных онтологических механизмах смыслопорождения, формирования смысловых иерархий (внутренней архитектуры смысла), его роли в деятельности человека; о подлинной диалектике значения и смысла, «предметного» и «личностного» смысла (особенного и общего в содержании смысла). Психологическая теория как таковая не в состоянии ответить на принципиальный для нее вопрос, откуда в сознании появляется потребность в смысле, и, соответственно, ответить на вопросы о причинах современного «экзистенциального вакуума», действительных механизмах преодоления этой ситуации в обществе.

Проблематика смысла жизни с выраженным индивидуализированным содержанием, акцентированием проблематичности смысла, адекватного миро- и самопонимания выдвигается на первый план в философии XX в. Феномен *осмысления* жизни становится центральным для целого ряда направлений современной философии — феноменологии (которую нередко определяют как *философию смысла* [2, с. 16]), философии жизни, неокантианства, философской антропологии, экзистенциализма. Так, по М.Хайдеггеру, основным вопросом философии является вопрос о смысле бытия, который раскрывается в присутствии, т.е. переживании бытия человеком. А.Камю еще более определенно называет основным философским вопросом — вопрос о смысле жизни: стоит ли жизнь того, чтобы быть прожитой... Анализ *конкретных смысловых единств* — «жизненного мира», «экзистенции», «бытия-в-мире» и пр., данных нам непосредственно, в переживании, делает

излишним, элиминирует, по мнению представителей современной неклассической философии, традиционный основной вопрос философии и связанную с ним систему фундаментальных философских абстракций. Именно такая конкретная философия, отвергающая всевозможные «измы», по образному выражению Г.Марселя, производит впечатление «ожога от реальности» [6, с. 52]. С одной стороны, мы согласны с тем, что логика развития современной философской теории, обладающей практической значимостью, предполагает движение (восхождение) от абстрактного к конкретному, философский анализ различных особенных сторон и аспектов реальности. С другой, обнаруживаем, что в рамках современной неклассической философии, в том числе и претендующей на статус научной аналитической философии [10], данная тенденция приобретает странный, парадоксальный характер — формирования псевдоконкретной философии или, точнее, псевдофилософской теории, распадающейся на фрагменты и утрачивающей возможность глубоко раскрывать, реконструировать конкретное. Бросается в глаза и основной порок такой логики, согласно которой предметом философии может быть только конкретное, или «нюансы», уникальные моменты действительности. Это парадоксальная, не диалектическая трактовка связи общего и единичного, бесконечного и конечного, объективной и субъективной реальности.

Предметом философии в традиционном абстрактно-всеобщем ключе является всеобщее, в современном конкретно-всеобщем понимании всеобщее и сжатое, концентрированное объяснение особенного, когда восхождение от абстрактного к конкретному предполагает и включает в себя в снятом виде обратный процесс. Элиминация всеобщего, наиболее фундаментального плана объяснения действительности, связанного с движением от конкретного к абстрактному, выявлением наиболее существенного, основного содержания действительности, неизбежно ведет и к элиминации особенного, специфического содержания действительности. Устранение всеобщего и, соответственно, де-

терминирующих связей, скрепляющих все многообразие особенных и единичных сторон действительности, неизбежно ведет к «восстанию» особенного и единичного, «философскому самоубийству», утверждению псевдофилософской эклектичной картины действительности.

Наиболее глубоко выражая практическую мощь философии, направленность всеобщего на особенное и единичное, проблема смысла жизни не устраняет, а, напротив, включает в качестве своего ядра, фундамента традиционный основной вопрос философии об отношении мышления к бытию, сознания к материи. Сформулированный и в основном описанный Ф.Энгельсом, он представляет собой пример правильно поставленной научной проблемы, выявляя единственно возможный способ определения сущности бесконечного мира, всеобщего содержания действительности и, соответственно, фундаментального содержания особенного и единичного. Экспликация наиболее фундаментального уровня основного вопроса философии, представленного системой трех уровней [9], с нашей точки зрения, в сжатом виде демонстрирует логику развертывания философской теории от абстрактного к конкретному. При этом проблема смысла жизни (сущности человека, включающая в качестве подчиненного момента проблему сознания, возможностей социального (само)отражения), представляет собой модификацию и предельную конкретизацию традиционного основного вопроса философии. Логика конкретно-всеобщего анализа действительности (опосредованная абстрактно-всеобщим подходом и формирующаяся на его основе) выявляет исключительный характер социальной материи, интегрирующей и структурирующей действительность в целом. В данном контексте человек предстает как особенное особенное и особенное единичное, несущее и выражающее всеобщее как целое; предстает как такая предметная форма, предметное существо, в котором достигается принципиальное тождество всеобщего и единичного, бесконечного и конечного. На этом уровне анализа раскрывается наиболее общая природа человека в отношении к сущности материаль-

ного мира в целом, единому мировому процессу и в отношении к другим особым областям реальности; выявляются наиболее общие перспективы развития человека-субстанции.

Однако философская проблема и теория смысла жизни не исчерпываются своим наиболее фундаментальным и значимым общефилософским уровнем. Данная проблематика далее насыщается особым содержанием на уровне социально-философского анализа. Здесь исследовательская мысль так же первоначально движется от конкретного (феноменально фиксируемого богатства социальной действительности) к абстрактному, выявляя наиболее общую природу социальной материи, сущность социального детерминизма, схваченных фундаментальным вопросом об отношении общественного сознания к общественному бытию. Как только такая наиболее общая природа социальной материи выявлена и схвачена в системе понятий, становится возможным и обоснованным обратный процесс восхождения от абстрактного к конкретному, реконструкции всего богатства социальной жизни как иерархически выстроенной и интегрированной (образованной) *трудом* системы [6]. Труд при этом предстает не как рядовая сущностная сила, свойство человека, а как наиболее полное и аутентичное выражение его сущности, как способности быть причиной самого себя; предстает как «сущностная сердцевина» реальности, где достигается предельное и постоянно углубляющееся в себя тождество всеобщего и единичного, бесконечного и конечного, родового и индивидуального. Понятно, что задача научного анализа состоит не в том, чтобы свести все особенные стороны и моменты социальной действительности к труду, а в том, чтобы раскрыть их своеобразие, специфику, логику развития, что становится возможным лишь в отношении к труду, в котором достигается предельное тождество человека себе. Реализация конкретно-всеобщего подхода здесь позволяет не только подметить повторяемость в жизни различных обществ и выстроить общую картину их жизни, но и представить ее в развитии как закономерную смену специфических форм,

определенных способов производства и соответствующих им смысловых систем. Как и в случае с общефилософской теорией проблематика смысла жизни является предельной конкретизацией содержания социальной философии, ее квинтэссенцией. Итогом специфического конкретно-всеобщего анализа общества должна быть система представлений об основных, наиболее благоприятных возможностях его развития на *определенном историческом этапе*.

Логика конкретно-всеобщего анализа проблемы смысла жизни далее предполагает философски фундированное исследование и изложение того, что выше было названо *конкретными смысловыми единствами*, т.е. конкретного богатства нравственных, эстетических, философских представлений эпохи (того, что классики называли *идеологией* общества). Так, по мнению В.А. Капанова, общефилософский и социально-философский уровни исследования обязательно должны дополняться анализом этики, эстетики, социальной психологии смысла жизни [3, с. 132], призванных давать оценку существующим смысловым системам, формировать образцы поведения, нравственный, эстетический и социально-психологический портрет и, одновременно, идеал человека определенной эпохи.

Кроме того, современная научная теория смысла жизни и, шире, смысла должна включать в себя и интерпретировать наработки других, иногда только формирующихся областей исследования, находящихся на стыке философии и частных наук. К ним сегодня следует в первую очередь отнести комплекс когнитивных исследований сознания. Важно при этом учитывать, что логика развертывания различных особенных, относительно более частных уровней и аспектов проблемы задается логикой развертывания общефилософского уровня теории. Всеобщее понятое и развернутое как подлинно-всеобщее, конкретно-всеобщее, несущее особенное «*в зачатке, в тенденции, зародыше*» [8, с. 70], позволяет действительно глубоко анализировать особенное, реконструировать его логику развития и богатство содержания. Интег-

рируя научное знание в целом, конкретно-всеобщая философская теория работает в «подпочвенном слое» науки, определяя основное содержание, смысл частнонаучных понятий и логики. Серьезные деформации современной науки, выражающиеся в эклектизме, фрагментации теоретического пространства, дистрофии объяснительной и прогностической функций основных естественных и общественных наук, методологической травме исследователя [11], следует связывать с *кризисом ее философского фундамента*. Если отвлечься от конечных, объективных причин этой ситуации, лежащих за пределами и науки, и общественного сознания в целом, то следует констатировать, что современный кризис фундаментальных основ науки связан с трудностями в создании развернутой системы категорий научной философии и, соответственно, развернутой картины природного и социального детерминизма.

Традиционный для гуманитарных дисциплин интерес к «смыслу», значимости для человека тех или иных вещей, явлений и процессов, собственного существования, в XX в. становится характерным и для естествознания. Внимание к конкретным смысловым единствам, углубленный анализ субъективности, специфики познавательного процесса является неизбежным следствием сложной преобразовательной деятельности человека, обнаруживающей и постоянно подтверждающей его исключительное место в мире. Понятие смысл, которое во многом стихийно используется в современной науке, с нашей точки зрения, выражает конкретное тождество бесконечного и конечного, всеобщего, особенного (и единичного) в сознании, субъективном мире человека, специфическую «предметность» сознания, являющуюся производной от объективной самоусложняющейся предметности мира. Смысл обладает необходимой для развертывания целостной картины субъективной реальности «массовидностью». Но, главное, он обладает необходимым для этого богатством содержания, позволяя обогащать или, точнее, разворачивать скрытое содержание всеобщего, фундаментальных философских абстракций.

Как и понятие образ, смысл фиксирует данность в сознании сущности предмета (мира в целом), объективного содержания реальности. Однако в отличие от образа (центрального понятия ленинской теории отражения) смысл, по видимому, более точно выражает связь объективного содержания сознания с его субъективной формой, той формой, которая задается социальной предметностью, отражением-переживанием человеком себя. Смысл в современных исследованиях ассоциируется с деятельной природой социального субъекта, творческим, конструктивным и даже «опережающим отражением» (П.К. Анохин) действительности (что, впрочем, в той же мере может быть отнесено и к философскому понятию субъективного *образа* мира). Кроме того, смысл («смыслью») выявляет специфику сознательного, связанного с трудом и речью, языком отражения действительности, включающего в себя в снятом виде собственно чувственное, бессознательное отражение действительности.

Смысл, далее, более явно выражает интенциональную (направленную) целерациональную природу сознания: смысл — это всегда смысл чего-либо, конкретных предметов, ситуаций, действительности в целом. В данном понятии схвачена исходная, базовая структура сознания — высвечивание, фиксация предметных форм в отношении к сущности человека как *принципиальной предметной форме, принципиальному предметному существу*.

Необходимо отдать должное тем современным исследованиям сознания, которые вышли на феномен смысла и обнаружили неординарную связь самоосмысления и предметного смысла. Однако следует констатировать, что в рамках современной неклассической философии и новейших частнонаучных исследований сознания не сформулированы четко или не верно сформулированы исходные принципы анализа и развертывания *онтологии субъективности*, смысловой структуры сознания и роли в ней социального самоосмысления. Это следует связывать с кризисом фундаментальной философской теории и методологии, попытками анализа смысла (сознания) «изнутри», как суб-

станциальной и единственной реальности, «выведением за скобки» объективных содержаний сознания, когда смысл оказывается в теоретическом плане «просто X» (Э.Гуссерль). При этом анализ смысловой структуры сознания теряет конкретно-всеобщий характер. Утрачена возможность выявления специфики смысла (сознания), причин и механизмов развертывания субъективной картины мира. Смысл, субъективная реальность «заслоняет» человека как своего носителя и объективную реальность в целом, в отношении к которой только и могут быть выявлены собственная природа и богатство субъективной реальности.

Как представляется, в качестве исходных принципов развертывания научной онтологии субъективности, смысловой структуры сознания должны использоваться принципы и установки марксистской гносеологии. В данном контексте смысл предстает как единица, элементарная «клеточка» субъективной, вторичной, производной от материи, реальности. Смысл интегрирует различные уровни и стороны субъективности (психики человека), реализуясь лишь в системе, иерархической структуре субъективности, как опосредующий момент материальной, иерархически выстроенной предметной активности человека. Сознание рассматривается как материя, лишенная собственного интегративного качества «быть причиной самой себя», порождать саму себя. Сознание, субъективная реальность или идеальное есть момент небытия или, точнее, «инобытие» материальной субстанции, ее акцидентальное проявление [4, с. 48]. Безусловно, обладая реальностью, специфической формой существования, сознание не является основой, источником развертывания бытия как такового, во всем бесконечном многообразии его сторон и моментов, сложности действительности. Сознание, всегда представленное своему носителю в виде конкретных смысловых единств, иерархии смыслов, есть высшая форма самоотражения и самоотрицания материи, фиксация ее различных содержательных сторон и моментов в отношении к высшему, принципиальному предметному существу — человеку. Для проясне-

ния феноменологии сознания весьма эффективна метафора «*мерцающей субъективности*» (С.В.Комаров) или «мерцающей смысловой структуры и, одновременно, образа (смысла) Я», отражающей объективно разворачивающуюся социальную предметность.

Очевидно, что феноменологически ориентированные направления современной философии и тяготеющие к ним в силу специфики предмета частнонаучные исследования сознания пытаются решить в отношении субъективной реальности ту же проблему, которую в основном решил и продолжает плодотворно решать в отношении объективной реальности современный конкретно-всеобщий материализм. Речь идет о создании целостной, не только внутренне, но и внешне непротиворечивой, т.е. практически подтверждающейся, развернутой картине «субъективного детерминизма». На этом пути, однако, закономерно возникают непреодолимые, с нашей точки зрения, трудности. Феноменологически ориентированные исследования сознания не учитывают тот факт, что субъективная реальность не имеет внутренней, самостоятельной сложности (предметности). Не имеет она и внутреннего критерия сложности (осмысленности) собственных феноменов. Если, конечно, не брать во внимание в качестве такового «самоочевидность», как следствие непосредственной данности тех или иных субъективных феноменов их носителю. Отрываясь (абстрагируясь) от реальной материальной практики человека (концентрированно представленной в системе естественных и общественных наук), феноменологически ориентированные исследования сознания неизбежно ограничиваются абстрактными, довольно тривиальными представлениями о содержании, структуре и динамике смысла: центре (фокусе) и периферии внимания; чувственном и логическом, неязыковом и языковом, бессознательном и сознательном уровнях психики человека и т.д. Следует обратить внимание на то, что эти и многие другие структуры и механизмы функционирования психики человека выявляются и становятся объектом непосредственного восприятия только в результате материальной ак-

тивности человека как в ходе его исторического, так и индивидуального развития.

Еще одна закономерная трудность, естественно выливающаяся в ошибку феноменологического анализа сознания, — вовлечение в сферу «сугубо феноменологической рефлексии», когда она стремится стать конкретной, вовлечение объективных детерминант субъективности — ценностей, установок, образцов поведения и пр.

С материалистических позиций, мы не можем говорить о самостоятельной сложности, внутренней детерминации и, следовательно, иерархической структуре субъективности. Однако можем говорить об *отраженной, производной от объективной, сложности и структуре смысла*.

Объективная сложность действительности есть следствие субстанциальной активности материи, ее высшего цвета — человека. Она (объективная сложность), в отличие от предметных форм, определяется их совпадением, тождеством со всеобщим и бесконечным содержанием субстанции, а поскольку принципиальное тождество единичного и всеобщего, конечного и бесконечного достигается в человеке, то совпадение объективной сложности с последним. Понято, что отмеченное тождество непрерывно подрывается изнутри и снимается новым, высшим содержанием и совпадением бесконечного и конечного, целостным интегративным качеством человека-субстанции.

Субъективная сложность, или смысл, тех или иных предметных форм, в конечном счете, определяется их объективной сложностью, фиксируемой в отношении к высшему объективному качеству человека. Смысловая архитектура сознания, таким образом, представляет собой отражение, «инобытие» объективной иерархии действительности на базе человека, как субъекта отражения и, главное, субъекта материальной активности.

В первом приближении смыслы различаются как более или менее сложные, отражая более или менее значимые для субъекта материальной активности объективные предметные формы (предметы, явления, процессы и их различ-

ные стороны). Далее мы можем говорить о бесконечной, углубляющейся «в себя», иерархии смыслов, отражающей бесконечную, иерархически выстроенную, систему мира, схваченную концептуальной схемой *единого закономерного мирового процесса* [2, 3, 11]. Как и объективно разворачивающаяся иерархия действительности, смысловая архитектура сознания не есть простая смена высшего и низшего. В своем непрерывно усложняющемся рисунке она воспроизводит открытые конкретно-всеобщим материализмом закономерности соотношения высших и низших предметных форм, магистральной и тупиков развития; аккумулятивную и конвергентную закономерности развития, закономерность «оптимумов и максимумов», закономерность отбора и другие [2, 5, 12]. В конечном счете, смыслы естественных (природных) предметных форм подчиняются и интегрируются смыслом социальной реальности. Последний так же имеет сложную архитектуру, отражая объективное содержание, логику развития и иерархическую структуру социальной жизни.

Объективная сложность социальной действительности производится человеком и определяется совпадением, тождеством различных особенных сторон и моментов социальности с трудом как всеобщим выражением социальной предметности, ее магистральным направлением развития. Здесь так же обнаруживаются, структурируя социальную реальность, упомянутые выше конкретно-всеобщие законы и закономерности развития. Субъективная сложность, или смысл, тех или иных социальных практик, в конечном счете, определяется их объективным содержанием, тождеством труду. Однако и сам труд как бесконечный и всеобщий процесс включает свои конечные, особенные и единичные стороны и моменты, несущие в себе и по-разному выражающие его бесконечное, всеобщее, субстанциальное содержание. Объективная сложность особенных и единичных моментов труда и интегрированных ими материальных практик определяется их совпадением, тождеством со всеобщим содержанием труда, реализующегося каждый раз в своих новых ма-

гистральных особенных и единичных моментах.

Таким образом, вся бесконечная смысловая иерархия личности, в конечном счете, подчиняется и интегрируется смыслом нового материального состояния человека, его нового объективного качества, более полно и глубоко выражающего тождество всеобщего, особенного и единичного, бесконечного и конечного, родового и индивидуального.

Переживание (осмысление) жизни в широком смысле слова — это вся бесконечная совокупность переживаний человека (общества) от элементарных единичных ощущений до сложных теоретических построений. Однако это не аморфный и не поддающийся структурированию и анализу «поток переживаний», как уверяют иррационалисты, акцентирующие внимание на единичных и особенных моментах существования. Несмотря на многообразие случайностей и некоторую неопределенность, психическая жизнь человека имеет вполне определенную и поддающуюся анализу смысловую структуру, отражая вполне определенную, закономерно развивающуюся и сложно структурированную объективную реальность.

Переживание жизни в узком смысле, или *собственно смысл жизни*, — это отражение *наиболее общего магистрального направления развития личности, реализуемого человеком способом преобразования природы, себя, общества, и наиболее общего, концентрированного содержания особенных сторон жизни* (производственных и классовых, семейных и этнических отношений). Термин «смысл жизни» чаще всего употребляется именно в узком смысле, раскрывающем его практическую и теоретическую ценность. Пережить, осмыслить жизнь во всем бесконечном богатстве ее объективных сторон и моментов (включая бесконечное многообразие возможностей и случайностей) невозможно. Невозможно это не только в отношении чужой, но и своей собственной жизни. Главное — в общем охватить в сознании фундаментальное содержание, логику и тенденции развития своей жизни, жизни других людей, народов и обществ. Это содержание всегда ре-

конструируется целостным человеком, субъектом труда, отношений, смыслов и насыщается тем самым всеобщим, особенным и единичным содержанием жизни данного определенного человека. Опорой анализа, объективным критерием сложности жизни определенных людей, народов и обществ выступают для нас реализованные в том или ином обществе производственные отношения. Однако не они являются источником и конечной основой объективной сложности и, соответственно, осмысленности нашей жизни и жизни других людей. В качестве такой конечной основы выступает сама наша материальная жизнь, точнее, ее сердцевина — наша социальная предметность и, чем она сложнее, тем глубже мы понимаем себя, других людей, логику и тенденции общественного развития.

Очевидно, что сложно структурированная и непрерывно усложняющаяся материальная практика человека (общества) или, если конкретизировать, жизнь и деятельность личности, с необходимостью предполагает сложное духовное опосредование в виде смысловой организации, иерархической структуры сознания. Даже самые элементарные социальные практики немыслимы вне смысловой организации, иерархии сознания, фиксирующей объективную сложность тех или иных предметных форм. Отражая объективные противоречия социальной жизни, прежде всего, противоречие между высшим и низшим в труде, смысловые противоречия в обществе способствуют выявлению и утверждению прогрессивных материальных практик и стилей жизни. Особенно обостряются эти противоречия в сложные, переломные моменты истории, характеризующиеся сосуществованием и борьбой противоположных (высшего и низшего) способов производства общественной жизни. Не случайно именно наше время — время вырождения товарной экономики, капиталистического способа производства и завершения «предыстории» человечества, по К.Марксу, — характеризуется как никогда острыми смысловыми конфликтами, формируя у целых социальных групп и народов мира ощу-

щение утраты смысла, ценности, значимости жизни.

Ощущение утраты смысла, формирующееся у отдельных людей, социальных групп и народов, в конечном счете, отражает объективную ситуацию вырождения конкретных стилей жизни или целого способа производства общественной жизни, образующего и интегрирующего все многообразие особенных сторон и моментов жизни того или иного общества. Таким образом, как истоки, так и средства преодоления «экзистенциального вакуума», смысловой потерянности, кризиса смысла лежат в объективном пространстве общественной жизни. Только объективные социальные практики, выражающие становление нового способа производства человека и общества, — применительно к современности, всеобщего труда и соответствующих ему отношений, — могут служить прочной основой подлинной осмысленности бытия.

Список литературы

1. *Братусь Б.С.* Смысловая вертикаль сознания личности // *Вопр. филос.* 1999. № 11.
2. *Внутских А.Ю.* Парадокс отбора и его возможное решение // *Вестник Пермского университета. Серия Философия. Социология. Психология.* 2011. № 3. С. 5-11.
3. *Внутских А.Ю.* «Глобальный антропный принцип» современного естествознания и интерпретация смысла человеческого бытия // *Вестник Пермского университета. Серия Философия. Социология. Психология.* 2012. № 1.
4. *Гуссерль Э.* Избранные работы. М., 2005.
5. *Капранов В.А.* Нравственный смысл жизни и деятельности человека. Л., 1975.
6. *Корякин В.В.* Общественно-экономические формации: сущность, структура, закономерности развития // *Вестник Пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология.* 2010. № 2. С. 4-20.
7. *Корякин В.В.* Труд и единый закономерный исторический процесс. Пермь, 2008. Ч. 2.
8. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 1999.
9. *Марсель Г.* Опыт конкретной философии. М., 2004.
10. *Обуховский К.* Галактика потребностей. Психология влечений человека. СПб., 2003.
11. *Орлов В.В.* История человеческого интеллекта. Пермь, 1999. Ч. 3.
12. *Орлов В.В.* Основы философии. Часть первая. Общая философия. Вып. 1. Пермь, 2001.
13. *Суровцев В.А.* Аналитическая философия: всеобщее и нюанс // *Вопр. филос.* 2010. № 8.
14. *Татарова Г.Г.* Методологическая травма социолога. К вопросу интеграции знания // *Социс.* 2006. № 9.
15. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990.

THE SENSE OF HUMAN LIFE AS A PSYCHOLOGICAL PHENOMENON AND PHILOSOPHICAL PROBLEM (ON THE ROLE OF PHILOSOPHY IN THE INTEGRATION OF SCIENTIFIC IDEAS ABOUT THE NATURE AND SENSE OF HUMAN LIFE)

Julia V. Maslyanka

Perm State National Research University, 15 Bukirev str., Perm, Russia, 614990

In the article the psychological phenomenon and philosophical theory of the sense of human life, its different levels and directions are analyzed. Held idea the leading role of the concrete-universal philosophical theory and methodology for the integration of scientific representations of the nature and sense of human life.

Keywords: sense of human life, the sense structure of consciousness, a concrete-universal theory of development, the integration of science.

УДК 130.121.3

ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ И ЯЗЫКА В СТРУКТУРНОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ М. ФУКО

И.В. Рязанов

Анализируется проблема сознания и языка в структурной эпистемологии французского философа М. Фуко. Обосновывается концептуальное различие понимания природы сознания между трансцендентальной феноменологией и археологией знания. Определяется процесс деонтологизации художественного образа, являющийся в археологии знания эпистемологической моделью.

Ключевые слова: структурная эпистемология; сознание; самосознание; художественный образ; археология знания; трансцендентальная феноменология; эпистемологическая модель; язык.

И поскольку вся метафизика преимущественно занималась субстанцией и свободой воли, её можно обозначить как науку, трактующую об основных заблуждениях человека, но только так, как будто это были основные истины.

Ф. Ницше

Поскольку проблема сознания и самосознания в творчестве М. Фуко требует анализа основных его «археологических» сочинений, то структурная эпистемология (в терминологии французского мыслителя — археология знания) станет главным предметом исследовательского интереса в данной статье. Проблема историографического описания тех или иных аспектов творчества М. Фуко содержится в биографических монографиях Д. Эрибона и А.В. Дьякова [19; 9], а также во вступительной статье Н.С. Автономовой в книге Мишеля Фуко «Слова и Вещи» [11]. В первую очередь нас интересует маргинальная составляющая его воззрений на природу познания и человека, поскольку именно она существенно повлияла на концептуальные основания современных гуманитарных наук.

Определив безумие в работе «История безумия в классическую эпоху» [15] в качестве маргинального дискурса «пространства слов», М. Фуко обращается к «пространству вещей». Ключевым понятием для него в этот период

служит понятие эпистема, которую он определяет и как сеть отношений между словами и вещами или способ обозначения смысловых различий. В силу этого и возникает проблема сознания и самосознания в его творчестве, которая, на наш взгляд, может быть представлена как проблема различия трансцендентальной феноменологии и археологии знания. На первый взгляд, несмотря на всю парадоксальность слов и вещей, мы можем довольно отчётливо обозначить основную процедуру западного мышления, которая у Э. Гуссерля оформилась строгим призывом «Назад к самим вещам». Поэтому структура интенционального в виде номатической корреляции предметности вещи и структура археологического в виде «опыта Тожественного и Иного» ведут к одному и тому же: упорядочиванию вещей. Вместе с тем необходимо обратить внимание на различие феноменологии и археологии знания, заключающееся в смысловом пределе — границе, которая в одном случае есть изначальный опыт и эйдетическая способность мышления созерцать чистые сущности, а в другом — является «пределом нашего мышления».

Структура упорядоченности в трансцендентальной феноменологии всегда была связана с многоступенчатым синтезом, конституирующим свои объекты, в силу чего каждый интенциональный объект рассматривался в ней как

структура. Более того, интенциональный опыт, вне зависимости от того, безумен он или нет, представляет всегда бесконечную структуру, так как мышление — это «универсальная сущностная форма структуры трансцендентальной субъективности» [7]. Можно сказать, что структура в феноменологии выражена принципом самоистолкования трансцендентального субъекта. Э. Гуссерль, например, всегда подчёркивал, что истолкование смысла по большому счёту является систематическим раскрытием самой феноменологии. Принцип упорядоченности вещей, таким образом, в трансцендентальной феноменологии имеет абсолютно рациональное обоснование.

В археологии знания французский философ, структурируя смысл вне критерия рациональной ценности, пишет: «Нам бы хотелось выявить эпистемологическое поле, эпистему, в которой познания, рассматриваемые вне всякого критерия их рациональной ценности или объективности их форм, утверждают свою позитивность» [16, с. 34]. Если история безумия была представлена в «археологический» период творчества М. Фуко книгами, которые исследовали данное явление в аспекте «истории Иного» и обозначали нижний порог смысла, то верхний порог, представленный теперь «мышлением Тожественного», вбирает в себя весь объём метафизического вопроса: «Как возможно познание, отказывающее себе в абсолютно рациональном обосновании?» Как видим, в структурной эпистемологии акцент переносится на модальные возможности познания, при этом, если воспользоваться терминологией И. Канта, то априорность археологического внутренне определена порогами или границами смысла. М. Фуко, вполне в духе начала введения к «Критике чистого разума», будет утверждать, что в познании нет ничего, что по какому-либо праву наделяло бы его способностью познавать мир. Что позволило в таком случае археологии знания определить себя в качестве структурной эпистемологии, в первую очередь, — это знаменитая «Китайская энциклопедия» аргентинского писателя Х.Л. Борхеса, вызвавшая, по словам автора «Слов и Вещей», у него

смех и эпистемологическое подозрение, связанное со сближением несовместимого.

Многие из исследователей творчества аргентинского писателя выделяли ключевую для его книг смысловую ось тождества и различия; единого и многого в смысловом отношении эта ось обозначает границу перехода смысловых крайностей. Эстетика таких границ будет связана с пространством языка, а поскольку «языком вечности говорит желание», то пространственная аналогия языка во многом определит и эпистемологические поиски французского мыслителя. Какой семиологический смысл могут иметь метафоры Х.Л. Борхеса, если они связаны с пониманием культуры как некой криптограммы, к которой нет доступа? На что может быть направлена такая метафора, если одновременно она является точкой перехода границы сосуществующих смыслов, столь несовместимых и парадоксальных. И одновременно указывает на вектор движения, подчинённый художественному принципу, в соответствии с которым культура есть текст, а точнее тотальная библиотека и порядок мира, в котором утопическое будет определять любое различие несовместимого и его возможную интерпретацию. В каком месте пространства «утопии утешают: ибо, не имея реального места, они, тем не менее, расцветают на чудесном и ровном пространстве» [16, с. 35].

Любые пространственные характеристики места смысла станут археологически возможными, если такая «утопическая» структура определит смысловые границы, взаимоисключающие единство рационального обоснования. Парадокс структурной эпистемологии заключается в том, что саморазрушение места интерпретации позволяет обозначить её пределы, структурно проявленные в форме пространства познания. Поэтому опыт работы «Тожественное и Иное» есть «опыт-предел», отказывающий трансцендентальной феноменологии в проекте универсального познания и самопознания, а истолкование смысла становится «разрывом в порядке вещей».

Таким образом, различие между трансцендентальной феноменологией и археологией

знания по своей природе является герменевтическим, точнее, изменением того места, которое в истории философии было представлено смыслом человеческого присутствия. Если ранее созданный М. Фуко проект истории безумия обозначил границы, в которых стало возможным появление идеи человека, то в археологии знания эти границы не более чем «смысловые разрывы» в эволюции познания. В археологическом смысле человек — это не более чем «странное формообразование знания», т. е. форма знания без идеи человека. В силу чего эпистемологические поиски французского мыслителя, отталкивающиеся от «китайской энциклопедии» Х.Л. Борхеса, обретают форму критики метафизики присутствия, которая традиционно располагается в границах онтологии. Если общим местом единства феноменологической герменевтики может быть только метафизика присутствия, то «феноменология присутствия есть герменевтика в исконном значении слова, означающим занятие толкования» [18, с. 37], т. е. различие феноменологического и археологического будет строиться на деонтологизации самой герменевтики.

Помимо «Китайской энциклопедии» Х.Л. Борхеса на археологический проект М. Фуко существенное влияние оказал феномен барочного иллюзионизма, который в книге «Слов и Вещей» представлен в качестве проблемы, связанной с деонтологизацией художественного образа картины испанского художника Д. Веласкеса «Менины или придворные дамы». В этом смысле «Китайская энциклопедия» Х.Л. Борхеса и «Менины...» Д. Веласкеса образуют два крайних полюса археологии, позволивших французскому мыслителю изменить герменевтическую модель, основанную на онтологической репрезентации художественного образа. Поэтому проблема сознания и самосознания в структурной эпистемологии М. Фуко — это проблема различия не только археологии знания и трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля, но и фундаментальной онтологии М. Хайдеггера. Обратимся к анализу данного различия для более ясного понимания проблемы сознания и самосознания в творчестве М. Фуко.

В своей статье «Исток художественного творения» М. Хайдеггер превращает традиционное для своей онтологии различие бытия и сущего в проблему онтологического истока. Такая трансформация онтологической апории бытия и сущего в пространственные характеристики «спора мира и земли» нашла у немецкого мыслителя художественно — изобразительное воплощение в картине Ван Гога «Башмаки». В современном хайдеггероведении онтогерменевтическая модель философа рассматривается в качестве медиальной структуры: «так или иначе — всё противонаправленное осуществляется для Хайдеггера в имманентности медиальности» [10, с. 98]. Медиальная структура «Башмаков» Ван Гога в интерпретации М. Хайдеггера напоминает архетипическую живопись, например, в картинах В. Кандинского или М.-К. Чюрлёниса архетипические символы превращают пространство в систему цветовых, фигурных переходов и порой нельзя зафиксировать, где происходит развёртывание художественного образа. В «Истоке художественного творения» интерпретируемый образ пространственно размыт: башмаки находятся в неопределённом месте, но герменевтическая модель имманентно или медиально присутствует в произведении искусства. В картине Ван Гога художественный образ онтогерменевтически связан с субъектом, он непосредственно репрезентирует метафизику присутствия в силу единства языка и самого образа. Отношения языка и живописи построены таким образом, что модель чтения, предложенная немецким мыслителем, заставляет читателей «Источка художественного творения» надевать эти башмаки.

Существует ли возможность перечитать картину Ван Гога «Башмаки»? В терминологии французского мыслителя необходимо сформулировать вопрос об её возможной археологии. Модальность этого вопроса указывает на нарушение единства языка и художественного образа, т. е. на разрыв, который связан с саморазрушением герменевтической модели. За этим вопросом, на наш взгляд, скрывается деидентификация образа, если рассматривать её как

герменевтическую, то, несомненно, отношение языка к живописи определит и пространство интерпретации, в котором возможно или невозможно найти смысл человеческого присутствия. Французский философ извлекает смысл, в котором «слова», — т. е. «Китайская энциклопедия» Х.Л. Борхеса и «вещи», т. е. картина Д. Веласкеса «Менины или придворные дамы», позволяют «оставить открытым отношение языка и видимого и говорить, не предполагая их адекватности» [16, с. 47]. Итак, структурная эпистемология М. Фуко возникает на саморазрушении имманентной медиальности, на разрыве визуального и вербального, поэтому структура картины Д. Веласкеса «Менины...» — это изменение онтологической репрезентации художественного образа и наполнение пространства интерпретации археологическим смыслом.

Репрезентация в онтологическом смысле имманентно включала в себя двустороннее отношение с художественным образом, который, по словам Х.Г. Гадамера, сущностно «прирастал бытием», поскольку в диалектике отношений изображения и первообраза «собственное содержание изображения онтологически определяется как эманация первообраза» [4, с. 188]. В таком случае художественный образ онтологически зависим от способа представления, так как язык замыкал на себя функцию первообраза и был представлен посредством произведения искусства.

В интерпретации картины Д. Веласкеса «Менины...» М. Фуко изменяет онтологическую зависимость образа от представления и тем самым структурирует отношение «видимое — невидимое» в качестве археологической репрезентации феномена барочного иллюзионизма. Археологическая репрезентация настолько нарушает принцип онтологической репрезентации, насколько художественный образ не представлен в представлении, вместе с тем зависимость пространственных характеристик от оптических создаёт иллюзию пространственного развёртывания образа. На картине Д. Веласкеса децентрировано пространство, поскольку художественный образ одновременно расположен

в границах видимого и невидимого, это приводит к тому, что изображаемое и отражаемое зеркально повторяют друг друга. Например, образ зеркала на картине испанского художника у М. Фуко определится и как образ, который «устремляется за пределы картины», и как эпистемологический принцип, в соответствии с которым археология структурирует себя в качестве маргинальной герменевтики субъекта, позволяющей характеризовать способ познания, в котором «изъят сам субъект», отождествляющий себя с самим собой. В этом отношении показательна маргинальная форма связи слов и вещей в каждой из трёх эпистем, структурированных М. Фуко в тексте «Слов и Вещей». В качестве иллюстрации представим эпистемологическую структуру XVI в. [8]. В этой структуре категория сходства репрезентирует себя как художественный образ в барочной живописи Д. Веласкеса, у неё свои пространственные и зрительные аналогии, которые в эпистемологической проекции указывают на структуру знания. Поэтому её, на наш взгляд, необходимо понимать с точки зрения археологии языка, основанного в ту эпоху на визуальной модели самопредставляемого сходства. В этом отношении реконструируемая М. Фуко эпистемологическая структура XVI в. наследует идею К. Леви — Стросса, переносящую модели, служащие объектом структурного анализа, в сферу эпистемологии. В структурной антропологии К. Леви Стросс выносит понятие социальной структуры из этнологии в сферу эпистемологии.

Репрезентация в структурной эпистемологии М. Фуко является моделью, отвечающей всем четырём условиям, которые автор «Структурной антропологии» предъявляет к понятию структура. Репрезентация как структура — повторение есть: 1) сходство и система, состоящая из элементов, при которых изменения каждого из этих элементов приводят к структурной реорганизации всего пространства; 2) сходство и подобия у М. Фуко находятся в том же отношении, что и отношения модели, находящейся у К. Леви-Стросса в переходе от одного типа к группе других, соответствующих мно-

жеству преобразований; 3) сходство репрезентирует себя так же, как модель реагирует на изменения своих структурных составляющих; 4) сходство как модель охватывает всё эпистемологическое пространство.

Исходя из вышесказанного, анализ знания в эпистеме XVI в. можно понимать в качестве подтверждения гипотезы К. Леви-Стросса об аналогии между природой явлений языка и природой структурно изучаемых социальных явлений. Такая аналогия ставит археологическую проблему условий существования языка и вместе с тем указывает на маргинальную форму, в которой имеет место переход к проблемам, связанным с природой языка как знаковой системы, с природой самого знака, с исследованием функций культуры, направленных на воспроизводство языка и т. д.

Показательно, что М. Фуко в процедуре реконструкции классического рационализма Р. Декарта исходит из того факта, что человек есть «причудливая двойственность эмпирического и трансцендентального», в силу чего в процессе реконструкции картезианское *cogito* подвергается переинтерпретации. Между мыслью и существованием обнаруживается немислимое, отказывающееся не только очевидности «я существую», но и очевидности «я мыслю». В противовес феноменологической традиции, интерпретировавшей *cogito ergo sum* в контексте интенциональности, «каждое *cogito* имеет в себе как разумеемое своё *cogitatum*» [6, с. 12], в структурной эпистемологии *cogito* «укореняется в немислимом». Отсюда возникает основной эпистемологический вопрос: «Как мысль может быть под видом немислимого? Тогда и основное свойство форм сознания в археологическом смысле, в которых «я» живёт в качестве немислимого, есть маргинальность. Поскольку «на археологическом уровне человек и немислимые современники» [16, с. 47], то в герменевтике «слов и вещей» человек — это отсутствующая структура в пространстве познания, он мыслит там, где не существует, а существует там, где не мыслит.

Таким образом, структурная эпистемология французского мыслителя воспроизводит не-

мыслимое в силу специфики дискурса безумия, которое не только конституирует эпистемологическую проблему *cogito*, но и отражает это немислимое, следуя художественной логике построения барочного иллюзионизма.

Поскольку человек в структурной эпистемологии археологически разорван, то возникает проблема различия дискурса безумия и дискурса, который М. Фуко назовёт классическим. Это различие французский философ, следуя интенции Ф. Ницше, обозначит как границу безумия и языка, пролегающую в той области, в которой неразрешимость человеческого существования будет связана с пределом любой возможной интерпретации. В особой герменевтике «слов и вещей» человек — это отсутствующая структура пространства познания, он во многом тождественен дискурсу безумия. Поэтому возможная интерпретация безумия означает для М. Фуко и возможную интерпретацию такого объекта, как человек. Вопрос о человеке — это вопрос о том, кто спрашивает о безумии? Кто интерпретирует безумие как немислимое в природе человека. А поскольку мы интерпретируем в той мере, в какой способны вместить немислимое в свою интерпретацию, то исторически она дана нам в качестве языка, говорящего или умолкшего. Исходя из чего аподиктичность *cogito* в феноменологической традиции XX в. необходимо включает в себя и археологию немислимого: «феноменология, таким образом, есть не столько восстановление прежней цели западного разума, сколько чуткое, точно сформулированное признание того разрыва, который произошёл в современной эпистеме» [16, с. 34]. В современной эпистеме археология знания трансформируется в археологию дискурсивных практик, а разрыв обозначает точку поворота, связанную с изменением проблемы познания, что говорит о том, что структурная эпистемология уступает своё место онтологии языка.

Итак, проблема сознания в структурной эпистемологии невозможна без анализа той теории высказывания, которую французский мыслитель обосновал в своей последней археологии, во многом определившей его позицию

по отношению и трансцендентальной феноменологии и структурной лингвистике.

Так как анализ высказывания занимает внутри фундаментально-онтологической проблематики М. Хайдеггера исключительное место, то самоопределение М. Фуко к проблеме, поставленной немецким мыслителем в работе «Бытие и Время», здесь тоже вполне очевидно. Проект деструкции метафизики был во многом обусловлен поставленным М. Хайдеггером вопросом «была ли в истории онтологии вообще интерпретация бытия». В силу чего археологический масштаб вопроса «что такое язык?», как правило, затронут изменением герменевтической модели.

И если маргинальная эпистемология уступает место маргинальной онтологии языка, то отношение слов и вещей будет представлено герменевтическими характеристиками в различии между теми или иными дискурсивными практиками. Например, во введении к «Археологии знания» М. Фуко обозначит пространственное изменение всего поля интерпретации, и это, главным образом, затронет структуру архитектурного разрыва. Структура прерывного теперь одновременно является «инструментом и объектом исследования», а понятие прерывности организует дискурсы, направленные на периоды больших длительностей. Это понятие трансформируется в различие себя как объекта, поэтому и требует прояснения вопрос, каким образом «специализируются различные концепты прерывности (пороги, разрывы, изъятия, изменения, трансформации): исходя из каких критериев можно выделить единицы описания?» [14, с. 9].

Исследование концептов прерывности, а точнее, их археологическая реконструкция начинается с редукции важнейших понятий европейской культуры мышления. Такие понятия, как традиция, влияние, эволюция, ментальность, дух и т.д., заключаются почти в феноменологические скобки и исключаются из пространства, в котором интерпретация имеет дело только с «общностью рассеянных событий», а не с понятиями, чья структура строго не кон-

цептуальна, а функции связывают во временное единство различные дискурсы.

Более строгое различие проводится по отношению к концептам книги и произведения. Книга материализует вербальную артикуляцию содержаний сознания, она использует определенные знаки и ограничивает себя в пространстве. Археологической редукции подвергается именно материальное единство книги, поскольку, во-первых, эта материальность условна с точки зрения ее внутренней конфигурации, а во-вторых, в сложном поле дискурса М. Фуко навязывает книге реальность означающего. Книга всегда отсылает к другим книгам, ее единство относительно и изменчиво, поскольку оцениваются позиции особой функции существования знаков. В силу чего изменение границ интерпретации дематериализует книгу как лингвистический феномен, начинается критический анализ границы лингвистической однородности. Книга существует и оценивается теперь как реальность дискурсивной единичности, тем самым в археологической реконструкции понятия прерывности на стадии критической редукции происходит различие уровней анализа. Уровень высказывания концептуально прерывает и разрывает единство лингвистической формы. Факт высказывания больше не связан с лингвистической фразой, язык больше — не критерий для описания единиц дискурсивной событийности.

Еще большую сложность представляет концепт произведения как суммы текстов. На уровне языка произведение является однородной общностью, обладающей правом авторства. На археологическом уровне произведение «раскрывается во всем множестве своих составляющих, будь то используемая лексика, опыт, воображение, бессознательное автора или исторические условия, в которых он существует» [14, с. 26]. Все это как герменевтический акт и приводит многообразие смысловых различий в некое производное единство. Произведение, таким образом, — еще большая условность по отношению к материальной условности книги. В пространстве разнородного материала однородность произведения также не яв-

ляется способом описания дискурсивных событий в силу той особенности, которая позволяет обозначить предел возможной герменевтики, т.е. понимать археологию произведения как археологию интерпретативного акта. Редукция книги или произведения находится в границах реконструкции и прочитывается в археологическом, т.е. антифеноменологическом смысле.

Само отношение «археологическое — феноменологическое», отношение между М. Фуко и Э. Гуссерлем, проходит по линии герменевтического различия: дематериализовать книгу в феноменологическом смысле означает редуцировать проблему значимости. В трансцендентальной феноменологии бытие мира являлось проблемой значимости, что приводило, в картезианском смысле, к трансцендентальной субъективности: Э. Гуссерль писал: «Следуя Декарту, делаем великий поворот, который, правильно осуществленный, ведет к трансцендентальной субъективности: поворот к *ego cogito*» [6, с. 9].

Проблема бытия мира в археологическом смысле становится не просто незначимой, она онтологически маргинальна, так как интерпретируется на пределе различия, т.е. находится в границах реконструкции прерывности. Отсюда значимое феноменологически первично, нейтрально к *ego cogito*, сознанию и к сфере интенционального, в которой протекает жизнь сознания.

Вследствие этого в археологической реконструкции феноменологический метод используется (интерпретируется) в качестве первичной нейтральности в отношении интенциональности языка. Поскольку замысел «описания дискурсивных событий», противопоставленный анализу языка, в смысловом пределе есть критика вербальной материальности языка, который точно отражает априорность всевозможных значений сознания. Текстологически археологическая реконструкция в своих герменевтических основаниях критически направлена на второй том «Логических исследований» Гуссерля, поскольку в последних форма значения интенционально связана с вербальной материальностью.

Таким образом, различие анализа языка и описания дискурсивных событий определено преодолением феноменологической связи между материальным выражением языка и формами его значения. Антифеноменологический тезис «описание дискурса противоположно истории мысли» [17, с. 29] определяет всю логику «Археологии знания», поскольку наполнен смыслом структурного разрыва в процедуре реконструкции условий возможности знания независимо от любой связи слов и вещей. Феноменологическое «назад к самим вещам», благодаря критерию дискурсивной единичности и указанию на пространственную предельность интерпретируемого смысла, возвращает язык, знание, значение, смысл, интерпретацию к тому уровню, на котором требование или критерий прерывности, по словам Бланшо, ставит проблему перечтения «Археологии знания». Этот заголовок — «опасное само по себе название, поскольку оно взывает к тому, от чего надо отвернуться, к архелогосу, или пра-слову» [2, с. 21].

Археологическое понятие дискурса является результатом реконструкции герменевтической складки, в которой «назад к дискурсу» означает обратиться к анализу маргинальности, существующей в специфической форме акта высказывания *enonciation*. Анализ дискурса — это уровень маргинальной онтологии языка и анализ тех промежутков, в которых язык разорвал (прервал) связь с интерпретацией, понимаемой как поиск, дешифровка скрытого смысла. Дискурс вернулся из глубин скрытого смысла и обрел «особый вид существования, которое раскрывается в сказанном и нигде более» [14, с. 30].

Прерывность теперь — это факт высказывания и вместе с тем изменение эпистемологической проблематики в онтологическую. Данное изменение в герменевтическом плане аналогично герменевтической мифологии Хайдеггера в том смысле, в каком у позднего Хайдеггера феноменологическое трансформировалось посредством изменения герменевтической модели в мифологическое. Мифологическая структура логоса, изменяя текстовой ландшафт,

указывала, что язык не имеет оснований, поскольку он сам есть основание, которое возвращается в мифологическом циклизме интерпретируемых образов. Тем самым для М. Фуко и М. Хайдеггера характерна попытка обозначить предел метафизики, как предел прозрачности взаимоотношений языка и мышления. Дискурс как «особый вид существования» обладает у французского мыслителя маргинально-герменевтическими характеристиками, к важнейшим из которых он относил:

1. Формационность. Понятие дискурсивной формации возникает во второй фазе археологической реконструкции. Прерывность в ней реконструируется как система рассеивания или та позитивность, когда между объектами, типами высказываний, понятиями, тематическими выборами существует, с точки зрения М. Фуко, некоторая закономерность. Отсюда ставится и основная задача, определяющая всю позитивность археологической реконструкции. Археологические условия, которым подчиняются объекты дискурса в системе рассеивания, образуют правила формирования или правила формации. «Условия, которыми обуславливаются элементы подобного перераспределения (объекты, модальность высказываний, концепты и тематические выборы), назовем правилами формации — правилами применения» [17, с. 40]. Таким образом, описание высказывания — это описание, возможное в разрыве двух фаз археологической реконструкции. В любом случае дискурс, как и в случае с дискурсом безумия, — это особая форма перехода из неструктурированного (неархеологический уровень анализа) в структурированное (археологическая позитивность системы рассеивания). Сама структура позитивности, выходы за рамки исследования безумия, репрезентирует себя как:

а. Поверхность появления объектов дискурса, при этом рассеянные объекты «существуют в позитивных условиях сложного пучка связей» [17, с. 46]. Поэтому поверхность как позитивная фаза реконструкции есть результат разрыва и множественности, которую можно обозначить как взаимоисключающую множественность интерпретируемого смысла или дискур-

сивную формацию. Она в качестве поверхности интерпретируемого смысла порождает и взаимоисключает свои объекты, оставаясь «поверхностью их появления».

в. Инстанции разграничения, отождествляемые с социальными институтами, экономическими и социальными процессами и т.д. Поскольку такая позитивность не определяет внутреннего строения объекта дискурса, она располагает всю множественность объектов в поле взаимодействий внешнего характера.

с. Решетки спецификации, выполняющие по отношению к безумию функцию системы, на основании которой разделяются, противопоставляются, объединяются, группируются, классифицируются, образуются друг из друга различные «безумия» [17, с. 43]. Размыкая пространство слов и вещей, вводя туда лакунарную множественность дискурсивных объектов, М. Фуко тем самым структурирует пространство описания. Структура последнего в своей позитивности по отношению к недискурсивным отношениям всегда автономна и специфична. Дискурсивные отношения отделены от отношений, существующих между социальными формами, тем самым социальная практика как система первичных, или реальных, отношений дублирует отношение, которое в феноменологии устанавливалось между реальным и идеальным содержанием сознания. Если феноменологический критерий проходил через отношение сознания к предметности, вещиности интенционального, то в археологии система рефлексивных отношений отделена от системы дискурсивных. Таким образом, структура позитивности, различающая в пространстве описания дискурсивных объектов первичные — социальные отношения, вторичные — рефлексивные отношения и, наконец, собственно дискурсивные, характеризующиеся не обстоятельствами и языком, а «чистой практикой», основана на антифеноменологическом принципе. Позитивность дискурса возможна в герменевтической нейтральности феноменологического критерия. Определить и описать объекты дискурса — это значит обойтись без «вещей» в самой позитивности археологической реконст-

рукции: «определить эти объекты без каких-либо отсылок к сути вещей, увязав их, вместо этого, с совокупностью правил, которые позволят им формироваться в качестве объекта дискурса» [17, с. 48].

Позитивность дискурса — это также, как было отмечено, предел прозрачности взаимоотношений языка и мышления. В археологической реконструкции, а точнее, в ее второй фазе, выделяются условия преодоления структурной лингвистики. Основной археологический тезис, определенный положением «анализ семантической структуры, не затрагивает и не имеет отношения к дискурсивным практикам», направлен на переинтерпретацию сосюрсовской семиологии, в которой язык помещен в границы системы знаков. (Речь идет о положении де Соссюра, в котором язык прямо отождествлен с «системой знаков, выражающих понятия». Данное положение доминировало в лингвистической мысли XX в. при объяснении природы субстрата языка). Поскольку дискурс переинтерпретировал свои отношения с феноменологически ориентированным сознанием, то антифеноменологическая установка, как следствие, неизменно приводила и к герменевтическому разрыву с семиологической формой, в которой язык репрезентировал мышление. Насколько антифеноменология и антилингвистика М. Фуко являются формами преодоления структуры и структурализма, можно определить лишь с большей или меньшей долей условности. Во всяком случае герменевтическая модель, в соответствии с которой структурируется пространство описания дискурсивных объектов, трансформировалась в поверхность, в которой «дискурс — событие знака, но то, что он делает, есть нечто большее, нежели просто использование знаков для обозначения вещей» [17, с. 50].

2. Модальность. Вторая характерная черта дискурса определена через модальности высказывания. Она специфицирована, в свою очередь, тремя аспектами:

- «Кто говорит?» — кто использует данный язык (дискурс);

- институциональной областью, в которой дискурс находит свой законный первоисточник;
- институциональным положением субъекта, которое занято им, в зависимости от той или иной дискурсивной области и различных дискурсивных объектов.

По сути, здесь представлена критика трансцендентального субъекта: «Мы не отсылаем разнообразные модальности высказываний к общности субъекта» [17, с. 55], поэтому с точки зрения маргинальной герменевтики форма критики является археологической реконструкцией, в ней позитивность системы рассеивания структурно упорядочивает и предельность самого интерпретирующего субъекта. В модальности дискурса нет ни «познавания», ни познаний, и вся структура интенциональных синтезов смещена в пространство из археологической «глубины», а последняя, как мы выяснили, не более чем «тонкая» поверхность интерпретации или дискурсивная поверхность.

Поскольку объекты дискурса не определяются ни через слова, ни через вещи, то в структурно упорядоченном в археологическом смысле обнаруживается не только трансцендентальный субъект, но и редукция языка к бытию. Старая онтологическая апория «кто говорит, когда говорит язык», ожившая в метафизике благодаря герменевтическим изысканиям М. Хайдеггера, в археологической реконструкции маргинализовала феноменологическую установку от «Назад к самим вещам» к «Назад к специфике и уникальности самого дискурса» и, во-вторых, в археологии дискурса, в его модальности высказывания деонтологизировала бытие человека в языке. Тем самым дискурс определяет предел субъекта, обладающего «возможностью спрашивания», он больше не характеризует эту таинственную способность человека, так как язык разорвал свое единство с единством бытия, понимаемого как его монополия на речь и высказывание. Дискурс — это «совокупность, в которой могут определяться рассеивания субъекта и вместе с тем его прерывности. Дискурс — это внешнее простран-

во, в котором размещается сеть различных мест» [17, с. 56].

В модальности высказывания мы обнаруживаем еще один герменевтический предел метафизики, поскольку речь как высказывание сама по себе обладает многими способами. В модальности как характерной черте дискурса просматривается связь археологии М. Фуко с М. Хайдеггером, Э. Гуссерлем и — неизбежно — с Аристотелем. Например, начало главы II книги IV Метафизики, в которой «сущее сказывается многими способами», указывает в археологическом смысле на многозначность самого сущего и является пределом самой модальности высказывания, несмотря на герменевтическое различие «сказывания» и «высказывания». Множественность способов в археологическом контексте уже не есть «сказание бытия в высказывании о сущем», а есть уже модальность дискурса и акт высказывания вне бытия и его отношений с сущим.

3. Концептность. Как свойство дискурса, эта характерная черта направлена на описание «организации поля высказываний» и на понятия или концепты, которые появляются и циркулируют в нем. Концептные системы, которые будут обнаружены в этом пространстве, представлены у Фуко как:

а. Формы последовательности, различные упорядоченности рядов высказываний, типы зависимостей высказываний, риторические схемы, в соответствии с которыми комбинируются группы высказываний.

в. Формы сосуществования, очерчивающие поле присутствия всех когда-либо сформулированных высказываний и воспроизведенных в каком-либо дискурсе. Описание, отличное от поля присутствия — поля совпадения или сосуществований, — это высказывания, затрагивающие иные области объектов и принадлежащие различным типам дискурса. Они сосуществуют в качестве суждений по аналогии, общих принципов рассуждения, высших инстанций, с которыми сопоставляют описываемые высказывания. Область памяти — высказывания, которые больше не признаются и не обсуждаются, с ними устанавливаются отношения

родства, генезиса, исторической непрерывности и прерывности.

с. Процедуры вмешательства, примененные к высказываниям и возникающие в техниках переписывания, переложения, в методах транскрипции, в способах перевода, в средствах, использованных для увеличения степени приближения высказываний и определения их строгости, в структурном анализе формы, в приемах разграничения областей высказываний, в способах переноса типов высказывания из одного поля применения в другое, в методах систематизации существующих суждений, в методах перераспределения высказываний. Вся перечисленная совокупность разнородных элементов, подвергаемая анализу, а по сути — археологической реконструкции, образует систему формирования понятий: «этот пучок связей и конституирует систему концептуальной формации» [17, с. 60].

При этом описание подобной системы отличается от описания самих понятий, поскольку основная задача археологической дескрипции — это дискурсивная множественность, появляющаяся в текстах, книгах, произведениях, или «рассеивание, которое характеризует тип дискурса» [17, с. 64].

Таким образом, описание в качестве структурного компонента археологической реконструкции — это форма децентрации герменевтического смысла или прояснение условий любой возможной интерпретации, т.е. археология герменевтического. Необходимо отметить, что описание поля высказываний в археологии «концентрируется вокруг некоего доконцептуального уровня, подчиняясь правилам которого различные концепты могут сосуществовать в одном поле» [17, с. 61].

Другими словами, археология знания как реконструкция концептуальных формаций не есть главным образом пересмотр и переинтерпретация понятийно-концептуального аппарата всей истории и философии науки. Напротив, в реконструкции, которую М. Фуко обозначает описанием поля высказываний, просматривается допонятийность, герменевтический смысл которой связан с условиями возможности са-

мой герменевтики. Определить допонятийный уровень — значит вопрошать о долингвистическом, досемиотическом, догерменевтическом, это не интерпретация понятий, а место и уровень самого дискурса: «мы вопрошаем об уровне самого дискурса, который не является более выражением внешнего, а напротив местом появления концептов» [17, с. 60]. Допонятийность является поверхностью дискурса или совокупностью правил, которые упорядочивают в обратной последовательности, поскольку множественность и многообразие дискурса и есть его поверхность и место, а точнее, «сеть различных мест». Поэтому концептуальность дискурса маргинально-герменевтична, для ее анализа и описания необходима процедура инверсии герменевтического смысла, не соотносимого больше ни с «горизонтом идеальности», ни с диалектикой становящихся идей.

4. Стратегичность. Последняя маргинально-герменевтическая черта характеризует наличие у разных дискурсов определенной организации понятий, определенной перегруппировки объектов, типы актов высказываний, которые в зависимости от степени связности, строгости и устойчивости формируют темы или теории: «эти темы и теории мы условно назовем стратегиями — независимо от их формального уровня» [17, с. 65].

Поскольку дискурс стратегичен в силу формальной концептности своих объектов независимо от тематической структуры их распределения, то основная задача заключается в «распределении этих формальных концептов в истории», так как дискурсы, как правило, рассеяны во времени. Сам археологический анализ дискурсивной стратегичности был затруднителен, по замечанию М. Фуко, в силу множественной спецификации различных дискурсов и непроясненности способа их исследования. Таким образом, археологическая реконструкция при анализе стратегичности однозначно претендует на методологию исследования тематических законов, упорядочивающих дискурсы во времени. И если археологическая реконструкция описывала дискурсивную формацию в соответствии с ее собственными характеристика-

ми, то и археологический метод, исследующий дискурсивную стратегичность в определенном смысле, как правило, позитивном, заранее предопределен самотождественностью дискурса по отношению и к способу его исследования.

Артикуляция и описание дискурсивных формаций ставит также проблему, указывающую на конструирующие эпистемы дискурса. Она аналогична той, что связана с «конкретными языковыми сущностями» де Соссюра: «удивительное и поразительное свойство языка состоит в том, что мы не видим в нем непосредственно данных и различных с самого начала конкретных сущностей» [13, с. 107].

Высказывания, как и реальные объекты языка, требуют, с одной стороны, единства для археологии, это единство дискурса и его атомарной структуры. Для лингвистики реальность языковой сущности прямо возможна как ассоциативное единство означаемого и означающего. С другой стороны, высказывание в археологическом описании как объект дескрипции ставило проблему редукции тех форм, которые не имели к нему отношения, а в лингвистике, отмечал де Соссюр, знаки как конкретные языковые сущности определяются лишь тогда, когда они отграничены от всего того, что окружает их в речевой цепочке. Описание высказывания, таким образом, воспроизводит общий характер и цель реконструкции, направленной на регистрацию реконструируемого: «Реконструкция возможна лишь путем сравнения, и в свою очередь у сравнения нет иной цели, кроме реконструкции» [13, с. 219]. В археологической реконструкции выделяются уровни сравнения, которые в широком смысле можно рассматривать и в качестве метода разграничения значимых структурных единиц.

Первый уровень определен отношением «высказывание — суждение». Сравнение пропозициональной структуры и высказывания реконструирует высказывание как единство, для описания которого недостаточно наличия того или иного суждения. Поскольку в одном суждении обнаруживаются два совершенно различных высказывания, принадлежащих разным дискурсивным объединениям, этот уровень ар-

хеологической реконструкции в герменевтическом отношении направлен на трансформацию феноменологического критерия, используемого при определении интенциональной сущности акта высказывания. Высказывание нормативно только при условии идеально закономерных отношений между соответствующим высказыванием и интенциональной сущностью. Данный критерий в трансцендентальной феноменологии опосредует саму материю высказывания: «Высказывание никогда не может функционировать как имя, а имя — как высказывание, не изменив сущностно свою природу, т.е. не изменив свою сопряженную со значением сущность и вместе с ней само значение» [5, с. 42]. Исключением являются высказывания, функционирующие в аномальном значении. Апелляция Э. Гуссерля к грамматической аномальности, коренящейся в чистой сущности сферы значений, еще раз подтверждает, что в феноменологическом смысле понятие суждения охватывает значение самостоятельного, отдельного высказывания.

Таким образом, первый уровень археологической реконструкции высказывания текстуально структурирован смысловой границей «археологическое — феноменологическое», а также герменевтической проблематизацией высказывания как феномена нормы и нормативного в дискурсивных практиках. Отметим, что изменение герменевтической модели неизбежно приведет в дальнейшем и к вынесению данного феномена в сферу недискурсивных практик, что потребует от Фуко многогранного исследования становления представлений о норме как биологическом, психологическом, моральном, сексуальном и политическом феномене.

Второй уровень задан отношением «высказывание — предложение (фраза)». Исходным допущением в этом случае служит эквивалентность грамматически изолируемого предложения и независимого высказывания, существующего вместе с ним. Критическому сравнению подвергается именно лингвистическая форма эквивалентности предложения высказыванию. В археологической реконструкции, таким образом, сравнение — изменение этой

формы, т.е. смещение смыслового акцента на нелингвистический смысл высказывания. В качестве примера возьмем теорию высказывания Э. Бенвениста, в которой статус самого высказывания напрямую связан с субъектом акта высказывания: «Нашим объектом является самый акт производства высказывания, а не текст высказанного. Этот акт — дело говорящего» [1, с. 312].

Введению говорящего субъекта в язык в теории соответствует и формальный аппарат высказывания. Поэтому в лингвистическом описании субъект высказывания приобретает существование только тогда, когда он говорит, образуется в акте высказывания и не существует до этого акта. Говорящий во время акта говорения присваивает себе формы, которыми располагает его родной язык. Более того, реальность самого языка напрямую связана с актом высказывания: «До акта высказывания язык есть лишь возможность языка» [1, с. 313].

Вся теория высказывания конституирована в таком случае лингвистическим различием между высказыванием как реализованным объектом, высказыванием-текстом и высказыванием как актом производства деиктических и анафорических элементов с их систематическим различием. На уровне перевода это различие *phrase*, *enonse* как нерасчлененного *enonse* в значении высказывания результата — текста и *enonciation* в значении акта высказывания. В археологической реконструкции, как мы видим, нейтрализуется акт высказывания, его время и место, и, главным образом, нейтрализуется субъект высказывания, отсюда и высказывание не является, с точки зрения М. Фуко, необходимым для существования языка: «Если бы не было высказываний, язык бы не существовал; но существование высказывания не обязательно для существования языка» [14, с. 86].

Можно заключить, что различие уровней существования языка и высказывания, в свою очередь, реконструирует нелингвистический смысл высказывания как высказываемое, являющееся внешним по отношению к субъекту акта высказывания. Таким образом, сравнение лингвистического и нелингвистического в ар-

хеологической реконструкции неизбежно приводит к иному способу описания и интерпретации высказывания и невозможности определить высказывание через грамматические признаки предложения.

Третий уровень также отражен в процедуре сравнения высказывания и иллокутивного акта. Данное сравнение моделирует тождественность логического и нелогического в языке, в этом смысле М. Фуко критически воспроизводит и переосмысливает идею Л. Витгенштейна о границах логики как границе языка и мира. В аналитической философии языка предел мыслимого и немислимого фиксирует неспособность языка выражать логическую форму: «То, что выражает себя в языке, мы не можем выразить с помощью языка» [3, с. 25]. Отсюда в лингвистическом анализе высказывание — это не более чем достоверность самого мыслящего субъекта, полагающего, что границы его языка находятся там же, где границы его мира.

Таким образом, и в этом случае археологическая реконструкция, интерпретируя связь иллокутивного акта с высказыванием, изменяет главным образом способ сравнения, она выносит его за границу логического и нелогического. Логическое содержание высказывания не определяет археологический смысл высказывания, так как в археологии немислимое и мыслимое меняются местами, и разделяющая их граница — такой же критерий различия, как и любой другой, не затрагивающий логику самого дискурса. Высказывание настолько логично, насколько логика немислимого, например дискурса безумия, способна определять природу иллокутивного акта. Поэтому между иллокутивными актами и определенной совокупностью высказываний не существует взаимодозначного соответствия.

Археологические сравнения позволили, таким образом, Фуко заключить, что высказывание — это не структура, взятая в единстве логического, грамматического, иллокуторного, высказывание — это «функция существования, принадлежащая собственно знакам» [14, с. 88].

При этом необходимо отметить, что нелингвистический способ существования высказы-

вания, с одной стороны, определяет, поддается ли то или иное предложение правилам интерпретации; правомерно или нет образовано суждение; соответствует ли иллокутивный акт нормативности предъявляемых к нему требований и т.д., а с другой — высказывание в качестве объекта археологической реконструкции ставит проблему следующим образом: является ли граница высказывания одновременно границей существования тех или иных знаков и действительно ли для существования высказывания достаточно существования знаков. Отсюда можно заключить, что специфический способ существования высказывания вместе с проблематизацией бытия знака и их взаимоотношений между собой возникает как результат реконструкции, который априорно до процедуры сравнения был маргинализирован в герменевтической практике сравнения дискурса и языка.

На археологическую маргинальность высказывания указывает также его функциональность, поскольку «само по себе оно вовсе не общность, но функция, скрещивающая область структур и возможных общностей и организующая их появление во времени и пространстве» [14, с. 88].

Первый признак функции высказывания связан с его референциальностью, которая как система отсылок формирует пространственные характеристики, например, референциальность формирует поле возникновения, место и условия, при которых высказывание определяет, что придает предложению его смысл, суждению его значение. В любом случае референциальность высказывания связана с уровнем его реконструкции, отличной от логического или грамматического уровня анализа языка. Таким образом, благодаря первой функции мы видим, что археология высказывания редуцирует формы анализа, не свойственные существованию дискурса, и одновременно конституирует свой объект описания на уровне, отличном от того, где обычно осуществлялся формальный анализ языка.

Второй признак функции, реконструируемый на уровне высказывания, обозначен как функция автора или субъекта, поддерживающе-

го с высказыванием определенную детерминированную связь. В статье «Что такое Автор», опубликованной одновременно с «Археологией знания», М. Фуко систематизировал природу данной детерминации. В нашем случае мы лишь укажем, что общая критика трансцендентального субъекта напрямую связана с формой его существования в пространстве дискурса: «Вопрос стоит об открытии некоторого пространства, в котором пишущий субъект не перестает исчезать» [14, с. 14]. Пространство без субъекта в археологическом смысле — первое место дискурса, которое видоизменяется от высказывания к высказыванию и присваивается любыми индивидами, когда они формулируют то или иное высказывание.

Итак, функция «автор» — это лингвистическая проекция «пустой» и всеобъемлющей формы субъективности на то измерение, которое характеризует дискурс на уровне высказывания. Историческим примером всеобщей субъективности является, с позиции Фуко, дискурс марксизма и психоанализа. Оба дискурса устанавливают некую бесконечную возможность, а сами Маркс и Фрейд как основатели дискурсивности «являются авторами не только своих произведений, своих книг. Они создали нечто большее: возможность и правило образования других текстов» [14, с. 31]. Функция «автор» тем самым характеризует как границу текстов, так и их единство и различие, а также правила их последующей трансформации. Необходимо добавить, что реконструкция высказывания — это реконструкция отсутствия дискурсивной гетерогенности функции, называемой «автор».

Третий признак функции высказывания невозможен без существования ассоциированной области. Высказывание появляется как таковое только при условии соотнесения с прилегающим полем, важнейшей чертой которого является маргинальная коллатеральность: «Высказывание всегда имеет края, населенные другими высказываниями. Эти края отличаются от того, что обычно понимают под «контекстом» — действительным или словесным» [14, с. 58]. Именно коллатеральность обуславливает кон-

текстуальность, в этом смысле высказывание всегда так или иначе реактуализирует другие высказывания. Еще одна черта, характеризующая невозможность существования высказывания без ассоциированной области, связана с тем, что высказывание всегда оказывается специфицированным. Высказывание определенно включается в череду других высказываний и занимает свое место вне линейного порядка, оно в любом случае при любой степени значимости является конкретным высказыванием, участвующим в распределении функций и ролей: «Нет высказывания, которое не предполагало бы других высказываний, которое не имело бы вокруг себя поля сосуществования» [14, с. 100]. В пространстве дискурса высказывание размещает означающие общности, и именно в этом пространстве они множатся и накапливаются.

Четвертый, последний, признак функции высказывания указывает на материальность без обладания материальным существованием: ни одна последовательность лингвистических элементов, согласно Фуко, не может быть рассмотрена и проанализирована как высказывание. Материальный статус высказывания — это не просто совокупность внутренне присущих признаков, материальность высказывания — это составляющая его субстанция: «Нужно, чтобы высказывание имело материю, отношение, место и дату. И когда эти необходимые условия изменятся, оно само меняет тождественность» [14, с. 102].

Материальность высказывания обусловлена во многом проблемой повторения, так как любой акт высказывания может быть воспроизведен субъектом бесконечное количество раз. Высказывание может быть воспроизведено, несмотря на свою материальность, отсюда и возникает проблема режима материальности, возможной для повторения: «Каков же режим повторяющейся материальности, характеризующий высказывание?» [14, с. 103].

Археологическое решение проблемы режима материальности определяется статусом вещи или объекта, всегда относительным и поддающимся видоизменению. Режим материаль-

ности, которому подчиняются высказывания, таким образом, относится к порядку социального института, а не к порядку пространственно-временной локализации, он определен в большей степени возможностью «повторной записи и транскрипции. Повторяющаяся материальность высказывания зависит также от поля стабилизации, которое, несмотря на все различия актов высказывания, позволяет им повторяться в своей тождественности» [14, с. 104], при этом то же поле стабилизации образует порог, за которым уже не существует эквивалентности высказывания и можно говорить о появлении нового феномена. Помимо поля стабилизации чисто функционально материальность высказывания зависит и от поля использования, в котором оно оказывается помещенным и в котором оно сохраняет тождественность в единичных событиях актов высказывания, а также раздваивается в тождественности своих форм.

Итак, акт высказывания в режиме повторяющейся материальности может быть реактуализирован в лингвистической или логической форме, он всегда может быть повторен в определенных условиях, присущих только высказыванию, и при этом «повторяющаяся материальность, которая характеризует функцию высказывания, вызывает к жизни высказывание как специфический и парадоксальный объект» [14, с. 106]. Парадоксальность высказывания, его маргинальная специфика и особенности реактуализации во многом определяют дискурс власти, ставший предметом дальнейших исследований М. Фуко.

Необходимо отметить, что все пространственные аналогии, которые используются в археологическом смысле, являются главным образом переинтерпретацией хайдеггеровских пространственных метафор. Проведенное выше сравнение интерпретаций картин Ван Гога и Веласкеса у М. Хайдеггера и М. Фуко позволяет теперь в тексте «Археологии знания» обнаружить некую зависимость и археологической топографии от художественно-эстетических изысканий М. Хайдеггера. Пространственная метафористика, используемая для обоснования

условий возможности дискурса, давала повод и для интерпретации археологических идей М. Фуко. Например, Ж. Делёз в традиции Ф. Ницше будет интерпретировать, в свою очередь, пространственные метафоры М. Фуко [12, с. 46-82]. Поле осуществления функций высказывания будет связано как с проблемой описания высказываний, так и составлением археологического глоссария.

Таким образом, ненаписанная М. Фуко «Археология герменевтики» концептуально будет воплощена посредством пограничных для европейской культуры тем, которые раньше, как правило, не вызывали к себе пристального внимания различных представителей гуманитарной мысли. В этом смысле теория высказывания, созданная в границах археологического проекта, станет окончательным самоопределением французского мыслителя XX в. по отношению к феноменологической и лингвистической традициям, неразрывно связывающим сознание и язык.

Список литературы

1. Бенвенист Э. Формальный аппарат высказывания // *Общая лингвистика*. М., 2002. 448 с.
2. Бланио М. Мишель Фуко, каким я его себе представляю. СПб., 2002. 96 с.
3. Витгенштейн Л. Философский трактат. Философские работы. Ч. 1. М., 1994. 257 с.
4. Гадамер Х.Г. Истина и Метод: основы философской герменевтики. М., 1988. 704 с.
5. Гуссерль Э. Логические исследования. Исследования по феноменологии и теории познания. Т. 2 // *Собр. соч.* Т.3. М.: Гносис, Дом интеллектуальной книги, 2001. 471 с.
6. Гуссерль Э. Парижские доклады // *Логос*. 1991. №2. С.8 — 30.
7. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб., 1999. 315 с.
8. Рязанов И.В. Маргинальная герменевтика Мишеля Фуко: опыт дискурсивного анализа. Пермь: Изд-во Перм. гос.тех. ун-та, 2008. 310 с.
9. Дьяков А. В. Мишель Фуко и его время. СПб.: Алетейя, 2010. 672 с.
10. Зенн Х.Р. Образ и метафизика. Хайдеггеровская медиальная интерпретация произведения искусства // *Исследования по феноменологии и философской герменевтике*. Минск, 2004. С. 86-98.
11. Автономова Н. С. Мишель Фуко и его книга «Слова и Вещи» // *Археология гуманитарных*

- наук / пер. с фр. В.П.Визгина, Н.С.Автономовой. СПб.: А-сад, 1994. 406 с.
12. Хархордин О. Фуко и исследование фоновых практик // Мишель Фуко и Россия: сб. ст. СПб.; М., 2001. С. 46–82.
13. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. 432 с.
14. Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. 208 с.
15. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997. 576 с.
16. Фуко М. Слова и Вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. 406 с.
17. Фуко М. Что такое Автор // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448с.
18. Хайдеггер М. Бытие и Время. М., 1997. 451 с.
19. Эрибон Д. Мишель Фуко / Дидье Эрибон / пер. с фр. Е.Э. Бабаевой. М.: Молодая гвардия, 2008. 378 с.
-

THE PROBLEM OF CONSCIOUSNESS AND LANGUAGE IN THE STRUCTURAL
EPISTEMOLOGY M. FOUCAULT

Ivan V. Ryazanov

Perm State Agricultural Academy, 10, 25 Oktyabrya str., Perm, 614000, Russia

Examines the problem of consciousness and language in the structural epistemology French philosopher M. Foucault. The author justifies the conceptual distinction understanding of the nature of consciousness between the transcendental phenomenology and archeology of knowledge. Is determined by the process of transformation of the artistic image, which is in the archeology of knowledge epistemological model.

Key words: structural epistemology, consciousness, self-consciousness, of the artistic image, the archaeology of knowledge, transcendental phenomenology, epistemic model, language.

УДК 7.01+130.122

ТВОРЧЕСКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ В РУССКОЙ ЭСТЕТИКЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА (О ПОЗНАНИИ ТВОРЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ)

Л.А. Волошина

Статья посвящена проблеме познания творческой индивидуальности в русской эстетике. Поскольку до сих пор не определен метод познания целостности, реальную помощь в этом может оказать русская философия Серебряного века, в частности В.Соловьев, его последователи и символисты.

Ключевые слова: познание; символизм; индивидуальность; творчество; символ; русская эстетика.

«Индивидуальность» в понимании современного человека все чаще представляется как совокупность биологических, социальных, психических признаков. В исследованиях последнего она рассматривается рядом дисциплин, которые часто предлагают довольно односторонний подход. Однако часть наших современников представляют ее как сущность в человеке, для познания которой необходим особый метод. М. Мамардашвили писал о невозможности познания человека в рамках антропологии, так как человек есть природная сила, которая не является результатом нашего конструирования: «Эта сила действует таким образом, что она всегда мгновенна, непостоянна, непознаваема» [5, с. 356]. В последнее время считают, что для познания индивидуальности недостаточно не только обычных методов, но и даже суммы знаний о ней. В некоторых работах можно прочитать о синтетическом подходе к изучению этой проблемы. В.И. Волжский пишет, что целостное восприятие себя должно осуществляться в трех планах: натуральном, социальном и плане самосознания [3, с. 10].

Понимание своей индивидуальности необходимо для восстановления внутренней гармонической связи с миром, который часто ощущается современным человеком как нечто обособленное и даже враждебное. Анализ современных работ, посвященных индивидуальности

человека, позволяет сделать вывод о необходимости создания такого метода познания, который будет рассматривать феномен во всей его полноте. В этой связи особую ценность представляют труды русских мыслителей конца XIX — начала XX вв., когда интерес к индивидуальности достиг своего апогея. Гуманитарное наследие Серебряного века дает нам необходимый опыт исследования данной проблемы.

Огромное значение в связи с этим имеет философская система Вл.Соловьева, в которой познанию индивидуальности уделяется большое внимание. Соловьев в своем учении о Богочеловечестве четко различает индивидуальность как материальное бытие и как идеальное состояние. Если говорить об индивидуальности только как о реальном состоянии отдельной воли, то индивидуальность есть не что иное, как эгоистическое бытие. Сознание своей индивидуальности может привести человека как к крайнему эгоизму, так и к осознанию ничтожества человеческой индивидуальности. Двойственная природа человека порождает трудности в его познании. В.Соловьев считает, что для познания идей недостаточно обычных методов познания, здесь требуется интуиция. Философ пишет о заложенной в человеке потребности метафизического познания и отвергает все доводы о том, что эту потребность невозможно удовлетворить. Если о метафизическом можно

рассуждать как о некоей идее предмета, следовательно, можно рассуждать и об индивидуальности.

Феноменальное и метафизическое взаимосвязаны. Познавая всякое явление в мире, мы получаем знание о сущем. Каким образом может осуществляться эта интуиция? В. Соловьев пишет: «В нашем внутреннем сознании наше собственное бытие в себе дано нам непосредственно, через это мы и имеем ключ к метафизическому познанию [7.] Метафизическое познание — это первоначальное познание, за ним идут другие — психологическое, социальное, биологическое. Причину всех заблуждений гносеологии В.Соловьев видит в отсутствии связи между внутренним и внешним человеком. Мыслитель выдвигает в своем учении проблему познания человека именно как проблему познания целостности. Целостность же, по мнению философа, не осуществима в рамках реального бытия. Индивидуальность — реальность не законченная. Если мы ограничимся представлением о человеческом Я — самодостаточном, сформировавшемся, то это приведет к эгоизму. За всеми ценностями реального бытия всегда стоят высшие идеи.

Как может проявить себя индивидуальность? Истинным выражением ее на земле может быть только ее творение, произведение. Задача критики, по мнению В.Соловьева, состоит в том, чтобы показать, «что именно из полноты всемирного смысла, какие его элементы, какие стороны или проявления истины особенно захватили душу поэта и по преимуществу выражены им в художественных образах и звуках» [8, с. 530] Такие понятия, как «красота», «любовь», «вечность», помогают раскрыть природу творческой индивидуальности. Вл. Соловьев пишет о том, как важно для поэта уметь передавать в стихах не только осязаемое, но и ощущаемое. Это невидимое облечено в формы неземной красоты. Здесь Соловьев пишет об опасности, которая угрожает индивидуальности на пути к трансцендентному. Устремляясь к

неизведанному, она может оказаться во власти темных сил.

В своих рассуждениях о творческой индивидуальности философ близко подходит к теме символа, в котором, как и в индивидуальности, соединяется зримое и трансцендентное, универсальное и индивидуальное, это та двойственность, которая присуща индивидуальности. Символ, по сути, и является единственной изобразимой формой, в которой эта индивидуальность угадывается.

Тема познания индивидуальности прослеживается в работах последователей В.Соловьева, в которых встречаются рассуждения об индивидуальности, ее познании. Е. Трубецкой приближает учение Соловьева к христианскому учению о человеке. Индивидуальность для него, прежде всего, Божия идея обо всем существующем. Познание Божественной идеи есть познание Божиего замысла о человеке. Идея каждого сотворенного существа не есть его природа, а иная отличная от него действительность. Свобода, которая дана человеку, рассматривается только в соотношении с этой идеей о человеке, о Божественном замысле. Если человек идет против идеи о себе, то он утрачивает образ и подобие Божие и разрывает связи с вечностью. Это можно понимать как утерю индивидуальности, так как идея индивидуальна. Вечные Божественные идеи — не только замыслы Божии, они же и творческие силы. Познание индивидуальности понимается Е. Трубецким как самопознание своей сущности [9].

С.Н. Булгаков, который тоже был последователем учения о всеединстве, уделял в своих работах значительное внимание индивидуальности. В вопросе о ее познании он близок и к Е. Трубецкому, и к В.Соловьеву. Индивидуальность для него — единственно подлинное бытие в себе, которое каждое разумное существо имеет и ищет. Размышляя, С. Н. Булгаков пишет: «Человек знает в себе свое высшее я, как гениальность, которой наделяется каждый, ибо всякому принадлежит свое особое место в Пле-

роме Всечеловечества, соответствует свой луч в Софии» [2, с. 212]. Каждая идея конкретна, она ощущает себя в красоте, именно к этой красоте и устремляется каждая телесность. Каждое земное существо устремляется к этой своей идее, Булгаков называет это «эросом творчества». Искусство есть результат этого эроса, «почувствованная» идея, ставшая красотой. Творчество человека на земле — его индивидуальный путь развития. Следовательно, через его творчество мы имеем возможность познать саму индивидуальность художника. Мыслитель считает, что это самовыражение в творчестве доступно не всякому. Лишь особо одаренные могут выразить свое знание средствами своего мастерства [2].

Для последователей учения В. Соловьева индивидуальность, хотя и познаваема в человеке, но не окончательно, так как принадлежит одновременно земной реальности и миру трансцендентному. Обращение к творчеству какой-либо индивидуальности может дать знание об этой индивидуальности, но это неполное знание, так как содержит в основном констатацию увиденного, услышанного, в общем прочувствованного. Знания об индивидуальности художника как целостности, даже при самом глубоком и разностороннем анализе его творчества, мы, однако, не получим. Сторонники учения В.Соловьева считали, что полностью индивидуальность может открыться, только скинув земную оболочку, уже в преображенном свете. Узреть индивидуальность помогают человеку такие возвышенные состояния, как любовь и красота.

Способность постижения индивидуальности дана нам в созерцании. Интуиция или созерцание дают знание для себя самого. Это знание драгоценное, но не вполне выразимое известными всем средствами выражения. Именно в моменты созерцания мир предстает перед человеком как целостность. Эта целостность не есть сочетание множества в одном, а наоборот, — это единое, от которого возможно многое. В. Соловьев писал, что в творчестве

надо видеть прежде высшую индивидуальность художника и только после этого изучать индивидуальную его манеру [8, с. 486].

В философии начала XX в. все чаще встречается попытка объяснить индивидуальность как творческую, обнаруживаемую в творческом акте. И. Ильин писал: «Сила, которая хочет творить в нас — не от нас: вот одна из последних тайн, о которых трудно говорить» [5, с. 90-92]. Задача индивидуальности — не утонуть в этом иррациональном, а расцвести в нем и с ним.

Мы видим, как вплотную подходит учение Соловьева о Софии к тому пониманию творческой индивидуальности, которое сложилось буквально следом, у русских символистов. Один из основоположников символизма В.Иванов был последователем учения великого теоретика Всеединства. Принимая основные его утверждения, он развивает учение в более рациональном ключе, применительно к творчеству художника. Особенно важным для познания индивидуальности является понимание символа, как единовременного воплощения живой божественной истины и реальной жизни. Человек может совершить только акт символический, но не теургический. Всякое познание для человека есть только стремление к чуду, естественное для человеческого духа, но не осуществимое [4.]

Символизм начала XX в. нашел эквивалент дуалистической природе человека — художественный символ. Ощущение двойственности происходящего вокруг, когда действительность похожа на какой-то затяжной сон; предчувствие надвигающихся перемен, неудовлетворенность настоящим — все это усиливало чувство внутренней раздвоенности. Как выразить невыразимое, как выразить свое Я художнику? Эта сконцентрированность на себе приводит к творчеству, обращенному на себя. В. Брюсов писал об искусстве, что оно начинается в тот момент, когда художник пытается уяснить самому себе свои темные тайные чувствования.

Творческая индивидуальность уже перестает пониматься исключительно как принадлежащая Богу. Творчество — есть самовыражение индивидуальности и может быть как восходящим, так и нисходящим. Некоторым символистам было присуще демоническое творчество. В нем как раз и видно это нисхождение индивидуальности, о котором предостерегал В. Соловьев. Строки стихов некоторых поэтов представляют собой явное тому подтверждение. Например, у К. Бальмонта в одном из поздних его стихотворений читаем:

«Что бесчестное, честное?
 Что горит, что темно?
 Я иду в неизвестное,
 И душе все равно».

Целью символизма было создание такой формы, такого образа, который стал бы олицетворением Я художника. Слово, понимаемое как магический символ, представляет, по мнению символистов, новую реальность. Творческий процесс напоминает рождение мифа. В. Брюсов пишет, что через произведение, через слово, через знак тот, кто воспринимает творчество, может узнать об индивидуальности художника. Сущность художественного произведения — душа ее творца. Так искусство начинает превращаться из откровения о Божественном в набор специальных приемов. Для многих символ становится основой произведения. Забота о том, как правильно подать этот символ, какое он должен получить художественное выражение, становится первостепенной.

Художник Серебряного века ставит перед собой поистине великую задачу — создание особого преобразующего творчества. Творческая индивидуальность в связи с этим понимается уже не просто как данность, а как творимая действительность, творчески-познавательный результат. Знаком этого результата является символ [1, с. 456]. Н. Бердяев называет такое творчество богодейством. У символистов теургия, однако, не связана с Богом. Акцент делается на человеческое Я. Инди-

видуальность же понимается как свободный участник божественного процесса..

Иначе понимается соотношение творческой индивидуальности и символа сторонниками религиозной философии. Их понимание символа идет от древнерусской иконописи. Как может выразить себя индивидуальность, связанная с религиозным каноном? Как вообще можно говорить о творческой индивидуальности, имея пред глазами произведение иконописного искусства? Символика иконы для современного зрителя часто непонятна. Великие художники древней иконописи были тонкими и глубокими наблюдателями неба в обоих значениях этого слова. Они телесными очами видели небо здешнее, очами умными созерцали потустороннее. Небо потустороннее под воздействием религиозного переживания окрашивалось в многоцветье потусторонних здешних тонов. Все цвета радуги для древнерусского иконописца содержатся в иконе в их символическом, потустороннем применении. Если мы не можем сейчас постичь символики древней иконы, то потому, что утратили этот смысл цвета [9, с. 380]. Знание этой древней символики, желание постичь тайну изображения путем созерцания дает нам в конечном итоге знание и о самой творческой индивидуальности. Те высокие чувства, которые охватывают нас при виде икон Рублева или Дионисия, сродни тем ощущениям, которые, наверное, испытывал и древний мастер-иконописец в момент написания иконы. Мы ощущаем ту гармонию, которой зачастую не находим у символистов.

Русский символизм конца XIX в. в главном своем стремлении близок искусству иконы. Он искал того, что невозможно выразить словами. Для символиста при этом главная задача — в художественной форме выразить свою индивидуальность. Символист здесь обращается к человеческим глубинам, но не в поисках Бога. Истина, первообраз для него может соотноситься с Абсолютом, космосом, демоническими стихиями. Он стремится к вечности, но это зачастую вечность без Бога. Это утверждение,

однако, принималось не всеми. Некоторые символисты понимали религиозность как связь с Народной Душой. А. Белый писал: «Мы можем казаться себе не религиозными, но это только в сознании, но в бессознательной, в жизненной стихии своей мы религиозны, если народны; народны, если религиозны» [1, с. 357]. Несмотря на подобные заверения в искренней приверженности Народной Душе, возникает недоумение по поводу того, откуда символисты могли знать так хорошо про русскую душу, практически отказываясь от религии, которую исповедовал русский народ. Символисты постигали природу Народной Души на том уровне, который был для них единственно приемлемым, на уровне культуры. Собственная индивидуальность не представлялась им иначе, как принадлежность этому миру культуры, а назначение свое они видели в беззаветном служении искусству. Приняв на свои плечи непосильную для человека задачу — теургическое творчество, они, по сути, принесли в жертву свое Я, в жертву богу Аполлону.

Подобное понимание индивидуальности приводило к обособленности в мире, в художнике просыпалось чувство избранности, поскольку познать истинное искусство символа в состоянии только образованный, подготовленный человек. Образ, символ для художника — это мостик в иные миры. Индивидуальное понимание особенностей предмета есть произведение искусства. Форма для мастера кисти или слова — предмет, наделенный каким-то особым смыслом, некая первозданная завершенность. В момент творчества индивидуальность художника узнает индивидуальность предмета. Символизм в искусстве был привлекателен для многих именно этой возможностью выразить средствами художественного языка глубину поэтического Я. Поэзия эта была заметна не только в слове, но и в живописном воплощении. Символ при этом неоднозначно понимался художниками и поэтами. Например, для художника символ рождался всегда из свойств самого материала. Изобретению новых форм

посвятили свой труд многие художники-авангардисты. Для них символ стал воплощенным тайным знанием, но это было знание только для самого художника, который обладает даром особого видения сквозь оболочку реального мира. Связь с универсальным всегда осознавалась художниками как главное качество индивидуальности. К началу XX в. универсальность уже понимается иначе в мире искусства. Наступил тот момент, когда внутренний мир художника стал затмевать мир внешний. Подобное мироощущение можно в полной мере наблюдать у художников беспредметного искусства. Их целью было создание такой изобразительной формы, назначением которой стала бы не передача внутренних ощущений и переживаний художника, а отражение индивидуальности в чистом виде.

Творческая индивидуальность в конце XIX — начале XX вв. глубоко осмысливалась выдающимися представителями русской эстетики, среди которых были философы, художники, поэты, литературные критики. Часто все эти профессиональные стороны совмещались в одном человеке, а индивидуальность осознавалась, прежде всего, как высшая сущность. Связанность данного феномена с Богом или с Абсолютом, с Народным Духом осознавалась каждым, кто ощущал эту индивидуальность в себе как вечный зов. Подобное понимание индивидуальности есть результат глубокого осмысления проблемы, многочисленных попыток познания данного феномена в масштабе мироздания. Сегодня мы все чаще сталкиваемся с поверхностным подходом к познанию индивидуальности, при котором исследователь ограничивается чисто эмпирическими методами. Современному взгляду на индивидуальность необходима та глубина, которая отличала мироощущение человека начала XX в.

Список литературы

1. *Белый А.* Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994.
2. *Булгаков С.Н.* Свет Невечерний. М.: Республика, 1994.

3. *Волжский В.* Основания синергетической теории человека. СПб.: Ступени, 1997.
 4. *Иванов В.* Родное и Вселенское. М.: Республика, 1994.
 5. *Ильин И.А.* О творческом человеке. Путь к очевидности. М., 1993
 6. *Мамардашвили М.К.* Необходимость себя: лекции. Статьи. Философские записки. М.: Лабиринт., 1996.
 7. *Соловьев В.С.* София Начала вселенского учения [Электронный ресурс]. URL://http://ihtika.org/download (дата обращения: 20. 12. 2011).
 8. *Соловьев В.С.* Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991.
 9. *Трубецкой Е.Н.* Избранные произведения. Ростов н/Д : Феникс, 1998.
-

THE CREATIVE INDIVIDUALITY IN THE RUSSIAN AESTHETICS OF THE SILVER AGE (COGNITION OF THE CREATIVE INDIVIDUALITY)

Ludmila A. Voloshina

VSHNI High school of folk arts, Embankment of channel of Griboedova 5A, Saint Petersburg, Russia, 191186

The article is devoted to the issue of the creative individuality in the Russian aesthetics. Cognizing individuality is a complicated problem since there has not been any method of integrity cognizing. One can find real help for this in Russian philosophy of so called Silver Age. V. Soloviov, his protagonists and symbolists paid great attention to the matter of individuality.

Keywords: cognition, Symbolism, individuality, creativity, symbol, Russian aesthetics.

УДК 81'37 [811.163.6+ 811.161.1]

ЗАИМСТВОВАНИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА**И.Н. Шукина, Ж.Р. Кнап**

В данной статье представлено исследование тех воздействий, которые оказывают заимствования на национальную языковую картину мира на примере заимствования слова «секс» в словенском и русском языках.

Ключевые слова: заимствования; русский и словенский языки; национальная картина мира; духовные ценности.

Язык как средство хранения и передачи духовных ценностей в XX-XXI вв. фактически стал главным предметом изучения всего комплекса социально-гуманитарных наук, а отнюдь не только собственно лингвистики, в том числе философии, психологии и социологии. Особый интерес в этой связи представляет концепция «языковой картины мира». Это понятие восходит к идеям фон Гумбольдта и неогумбольдтианцев о внутренней форме языка (само это понятие введено неогумбольдтианцем Л. Вайсгербером), а также к идеям этнолингвистики и этнопсихологии, в частности, к гипотезе лингвистической относительности Б. Уорфа и Э. Сепира. Предметом данной статьи является исследование тех воздействий, которые оказывают заимствования на национальную языковую картину мира на примере словенского и русского языков.

При поверхностном знакомстве со словенским языком, особенно с классическими словенскими текстами, создается впечатление, что словенцы активно заимствовали лексику в первую очередь из немецкого языка. Этот процесс начался еще до появления в свет первых словенских переводов знаменитого Приможа Трубаря XVI в., хотя и противники заимствований появляются в это же время. Так, перевод Библии на словенский язык Юрия Далматина счи-

тался более литературным, «чистым», как говорят в школе, чем перевод Трубаря. Оппозиция между противниками и сторонниками заимствований была лишена теоретически обоснованного антагонизма и носила личностный характер. Только в начале XIX в., как явствует из некоторых стихотворений Ф.Прешерна, обострившиеся противоречия были эксплицированы, и определились два лагеря, находящиеся в противоборстве с переменным успехом до сегодня.

Slovenec jezik potujčvavši
si kriv, da kolne kmet molitve bravši.

Горнец наших так испортил ты язык,
Что за молитвою ругается мужик.

Перевод Корша

С этого времени в среде образованных словенцев утвердилось мнение, что заимствования не только разрушают систему языка, но и негативно влияют на национальную картину мира, несмотря на то, что «заимствования — закономерный результат языковых контактов, взаимоотношений разных народов и государств, естественный путь обогащения и развития национальных языков и культур» [6, с. 358]. Кроме того, словенский язык, очевидно, вследствие обслуживания народа, длительное время лишённого государственности, в середине XX в. поставил мощный заслон даже тем интернационализмам, без которых не обходится ни один язык современной Европы. Так, компью-

Шукина Ирина Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики, Пермский государственный национальный исследовательский университет; 640990, Пермь, Букирева, 15; yatik@mail.ru

Кнап Жига Роберт — доктор философских наук, профессор кафедры философии, Университет в Любляне (Словения); Ziga.knap@guest.arnws.si

тер у словенцев *računalnik* (от *račun* — ‘счет’; в русском языке есть однокоренное слово — ‘рачительный’), а футбол — *nogomet* (от *nogoj metati*) и др. Причем следует отметить, что перешли от слов к делу и очищали свой язык от заимствований в последние полвека, так что старшее поколение совершенно спокойно использует в своей речи заимствования, в то же время свободно вступает в диалог с людьми до 40 лет, которые речь старших могут уже и не понять.

Российская борьба против заимствований менее продолжительна, насчитывает лишь два столетия, но вспыхивает примерно через каждые пятьдесят лет. Так, на рубеже XX и XXI вв. разгорелась полемика по поводу английского заимствования «секс». Нужно признать, что волна противодействия иностранному влиянию, которая наметилась гораздо раньше, была связана с демократизацией языковых норм в государстве, и с середины девяностых российские лингвисты активно боролись против всех заимствований, однако к означенному слову предъявила свои претензии и Русская Православная Церковь, усмотрев в формуле лексемы число дьявола. Конечно, само по себе слово не исчезло из речевой практики носителей русского языка, но приобрело коннотацию нежелательного, причем более нежелательного, чем даже инвективная лексика. Особенно впечатляющим было заявление, что, произнося это ужасное слово, мы отказываем в высокой духовности русскому менталитету, а заимствование новой лексической единицы, замещающей собой уже существующие содержательно емкие слова, выхолащивает их культурное наполнение, определяемое традицией. Очевидно, под влиянием протеста против известного высказывания по поводу того, что «у нас секса нет», внезапно заговоривший народ не собирался замалчивать активную интимную жизнь граждан обновившейся страны, и каким-то совершенно невероятным образом общество пришло к выводу, что слово «секс» вполне можно заменить словом «любовь». Баталии по поводу несимпа-

тичного слова канули в Лету, и сегодня появилась возможность подвести итоги попытки российских пуристов охранить высокую духовность граждан.

Обратимся к словарю русского языка под редакцией С.И.Ожегова. В статье «Любовь» мы не находим даже лексико-семантического варианта (ЛСВ) не только о половых отношениях, но и обыкновенного влечения к лицу противоположного пола.

Любовь: 1) чувство самоотверженной, сердечной привязанности; 2) склонность, пристрастие к чему-нибудь. Хотя словарь Ушакова, создаваемый в период расцвета свободной любви в первые годы советской власти, такую сему отмечает.

Любовь: 1) чувство привязанности, основанное на общности интересов, идеалов, идеалов, на готовности отдать свои силы общему делу; 2) такое же чувство, основанное на половом влечении; отношение двух лиц, взаимно связанных этим чувством; 3) человек, внушающий это чувство; 4) склонность, расположение или влечение к чему-нибудь. В Большом толковом словаре РАН (2001) под редакцией С.А.Кузнецова находим:

Любовь: 1) чувство глубокой привязанности к кому-, чему-л. *Материнская любовь. Любовь к другу. Сыновья любовь к матери. Люблю Отчизну я, но странною любовью||* чувство расположения, симпатии к кому-л. *Братская любовь ветеранов войны. Любовь к одноклассникам;* 2) чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола. *Жениться по любви. Первая любовь. Любовь еще, быть может, в душе моей угасла не совсем ||* разг. о половых отношениях. Крутить любовь с кем-то. Заниматься любовью; 3) *К чему.* Внутреннее стремление, влечение, склонность, тяготение к чему-л. *Любовь к театру. Относится с любовью к приключенческой литературе ||* пристрастие к чему-л., предпочтение чего-л. *Любовь к сладкому. Из любви к искусству* (о бескорыстной работе, деятельности, отвечающей склонности человека, его желаниям и т.п.) [8].

Как видим, ядро семантического поля, ЛСВ-1 — чувство глубокой привязанности к лицам и вещам, традиционно считающимся более важными, чем влечение к лицу другого пола. Очевидно, что именно такое отношение к интересующему нас чувству следует считать проявлением высокой духовности. Возможно, это связано со сформировавшимся под влиянием христианства отношением к влечению к противоположному полу как к чему-то грязному, недостойному внимания. Этот традиционный взгляд все же не мешает авторам словаря такое значение переместить на второе место в словарной статье, что говорит о том, что происходит определенное движение внутри семантического поля. Обратим особое внимание на сему, обозначенную как «разговорное»: «О половых отношениях» с примером *заниматься любовью*.

В Словаре словенского языка [12]:

Ljubézen. 1. močno čustvo naklonjenosti do osebe drugega spola: *vezala ju je velika ljubezen*; ekspr.; *vračati komu ljubezen*; *čista, globoka, goreča, prva, skrita, strastna, zvesta ljubezen*; *čutna in duhovna ljubezen*; *poročil se je z njo iz ljubezni*; *storiti kaj iz ljubezni* // evfem. spolno razmerje, spolni odnos: *njen mož ima ljubezen z drugo žensko*; *svobodna ljubezen* skupno življenje moškega in ženske brez zakonske zveze / *spolna ljubezen* // ekspr. *oseba, na katero se nanaša to čustvo: po dolgih letih je srečal svojo nekdanjo, prvo ljubezen*; / *kot nagovor kmalu se vrni, ljubezen moja*. 2. s prilastkom močno čustvo naklonjenosti do koga, združeno s skrbjo za njegovo korist, dobro: *čutiti ljubezen do staršev*; *bratovska, materinska, otroška ljubezen*; 3. knjiž., ekspr. kar je posledica teh čustev: *obdajala jo je ljubezen moža in otrok*; *izkazovati staršem ljubezen in spoštovanje* 4. navadno v zvezi z do močen pozitiven odnos do česa: *cenila je njegovo ljubezen do glasbe, gledališča, knjig*. 5. raba peša dobri, prijateljski odnosi: *med ljudmi ni vladala ljubezen, ampak sila*; *ljubezen do bližnjega, za trpeče ljudi / sosedje so živeli med seboj v ljubezni in prijateljstvu*.

Первое ЛСВ в словенской статье «Любовь» обозначает «Сильное чувство, склонность к особе другого пола»: *vezala ju je velika ljubezen*; экспр. *Vrniti komu ljubezen*; *čista, globoka, goreča, prva, skrita, strastna, predana ljubezen*; *čustvena in duhovna ljubezen*; *ženil se je njo po ljubi*; *delati kaj iz ljubi*. И только ЛСВ-2 «С оттенком сильного чувства склонности к кому-нибудь, связанное заботой о его интересах, его благе»: *čuti ljubezen do staršev*; *bratovska, materinska, otroška ljubezen*. 4 и 5 ЛСВ обозначает отношение «сильное позитивное к чему-либо»: *cenila je njegovo ljubezen do glasbe*; и приятельские отношения: *v odnosih med ljudmi gospodarstva ni ljubezen, ampak sila*.

Обратим внимание на то, что, несмотря на другую последовательность расположения ЛСВ в семантическом поле Ljubézen, сочетание «заниматься любовью» в нем отсутствует. В художественной же литературе и интернетных форумах зафиксировано слово, правда, еще не отраженное в словарях, «sexsati», что имеет то же значение, что и «заниматься сексом» в русском языке.

Показательно, каким образом язык-донор дефинирует слово «любовь». Нам показалось интересным взять Библейский толковый словарь, так как именно в религиозном словаре, с нашей точки зрения, может быть отражена искомая нами духовная составляющая [9].

Love. 1) fidelity; 2) an injunction to loyalty; 3) sexual love; 4) the love of a mother for her child; 5) love for enemies; 6) a wealth of love; 7) love, faith and hope are gifts of the Holy Spirit; 8) sacrifice; 9) special care for the weaker; 1) mutual love; 11) the primacy of love.

В целом авторы словаря выделяют три группы значений лексемы love: физическая, эмоциональная и интеллектуальная. Часть семем, приведенных английским библейским толковым словарем, совпадает с русским вариантом, однако английский словарь выделяет такие когнитивные единицы, как верность, жертвенность, забота, взаимность, первенство. Эти

ЛСВ не отмечены не только в БТС, но и в ПЦСС — Полный церковно-славянский словарь, где слово «любовь» дефинируется лишь как: 1) состояние любящего, страсть, сердечная привязанность, склонность; 2) вождление; 3) охота, расположение к чему [5, с. 323].

Проводимые в течение последних 5 лет наблюдения и пилотные эксперименты в группах 1, 3 и 4 курсов филологического, юридического и историко-политологического факультетов Пермского университета позволили сделать следующий вывод: лексема «любовь», успешно заменяя иностранное слово «секс» в словосочетании «заниматься сексом», перестала восприниматься носителями языка как слово, обозначающее в первую очередь чувство, связанное с глубокой привязанностью к чему-, кому-либо. Словосочетания «любить учителя», «любить друга», «любить друзей», «любить маму», «любить ученика», предложенные для ассоциативного эксперимента, часто получали либо отрицательную коннотацию, либо пометы: «извращенец», «ну, нет уж», «надо подумать» и т.п. Такая реакция говорит сама за себя: лексема «любовь» воспринимается реципиентами в значении ЛСВ-2 разг, что, собственно, подтверждает и словарная статья в БТС. ЛСВ-2 из периферии перемещается в центр семантического поля. Стоит ли говорить, что мирный процесс заимствования в данном случае мог бы если не предотвратить, то хотя бы замедлить этот процесс перемещения, дать возможность осмыслить весь спектр поля, не отказываясь ни от одного из значений, не противопоставляя ЛСВ, не подменяя их.

Представляется, что именно дискуссия в СМИ и Интернете о заимствованиях и конкретно о слове «секс» сыграла злую шутку с отношением молодых носителей языка к данному слову. «Средства массовой коммуникации являются самыми активными распространителями «нового слова». Язык печати не только отражает, но и в значительной степени укрепляет сложившиеся речевые навыки посредством набора типичных регулярно воспроизводимых

речений. Публицистика аккумулирует в себе множество функций (информационную, идеологическую, организаторскую и т.д.) и оказывает влияние на языковое сознание общества, на формирование представлений по важнейшим проблемам общественной жизни» [6, с. 356]. В данном случае произошло обратное действие, хотя вполне ожидаемое, ведь известно, что запретное, осуждаемое наиболее привлекательно, особенно для молодежи.

«Иностранные слова лишь тогда вредят языку, когда они остаются иностранными, т.е. непонятными большинству читателей. Но если слово, хотя бы иностранного происхождения, принялось на русской почве, вошло во всеобщее употребление, то нет решительно никаких причин изгонять его. Это прибыль языка, а не убыток... Чужое не вытесняет своего, а, наоборот, облегчает его службу. Когда являются два однозначных слова, одно заимствованное, а другое свое, то сейчас же устанавливается оттенок между ними. Таким образом, язык не беднеет от этого, а богатеет» [1, с. 24].

Очевидно, русская национальная игра: сначала делай, а потом думай — в очередной раз привела нас к необходимости задуматься, стоит ли этот принцип переносить в реальную жизнь, особенно если это касается языка — средства хранения и передачи духовных ценностей.

Список литературы

1. *Абрамов Н.И.* Дар слова. М., 1901. С. 127.
2. *Белая Е.И.* Речевая агрессия как черта современного общества//Научное наследие.М.
3. *Б.Н.Головина* и актуальные проблемы современной лингвистики: сборник статей. М.
4. Международная научная конференция, посвященная 90-летию профессора Б.Н.Головина 23-25 мая 2006г. Н / Новгород, 2006. С. 70-72.
5. *Кочеткова Е.Ю.* Лингвокультурные доминанты в христианском дискурсе (на материале лексики)// Жанры речи. Вып. 5. Жанр и культура. Саратов, 2007. С. 321-332.
6. *Позднякова К.Б.* Новейшие заимствования в СМИ// Русская словесность в контексте мировой культуры. Н/ Новгород, 2007. С. 356-359.

7. *Щукина И.Н.* «И придут ко мне все тружущиеся...» (Мф., 11:28) (К вопросу об интерпретации переводов религиозных текстов)// Концепт. Дискурс. Картина мира. Самара, 2006. С. 118-127.
 8. Большой толковый словарь русского языка (БТС) / под ред. С.А.Кузнецова. СПб., 2001.
 9. Полный церковно-славянский словарь / сост. Протоирей Г.Дьяченко. М., 2002.
 10. Словарь русского языка / под ред С.И.Ожегова. М., 1984.
 11. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н.Ушакова. М., 1939.
 12. Oxford Dictionary of Bible. ODB Oxford University Press, 2004.
 13. SLOVAR SLOVENSKEGA KNJIŽNEGA JEZIKA, druga knjiga, I — Na, Izdala Sloveska akademija znanosti in umetnosti, Inštitut za slovenski jezik, Založila državna založba Slovenije. Ljubljana, 1975.
-

FOREIGN WORDS AND THE NATIONAL PICTURE OF THE WORLD

Irina N. Shukina, Zhiga R. Knap

Perm State National Research University, 15 Bukirev str., Perm, Russia, 614990
Faculty of Art, University of Ljubljana (Slovenia)

This paper presents investigation of influence, which foreign words turn out the national picture of world. Authors are showing this process in Russian and Slovenian languages.

Key words: foreign words, Russian and Slovenian languages, the national picture of world, mind prices.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 172.3

УСТАНОВКИ В ОТНОШЕНИИ МУСУЛЬМАН СРЕДИ ПРАВОСЛАВНЫХ РОССИЯН: ЭКСПЛИЦИТНЫЙ И ИМПЛИЦИТНЫЙ АСПЕКТЫ**С.А. Щебетенко, Е.Ю. Артамонов*

Установки в отношении мусульман среди православных (по конфессиональному самоопределению) студентов Пермского государственного университета изучались в контексте имплицитного и эксплицитного социального познания. Для измерения имплицитных установок использовался Тест имплицитных ассоциаций. Имплицитные и эксплицитные социальные установки в отношении мусульман не коррелировали между собой. В то время как эксплицитные установки не отличались значительно от нейтральных, имплицитные установки в отношении мусульман были негативными. При моделировании поведенческой переменной, в отличие от эксплицитных, имплицитные установки предсказывали размер доли «фонда», распределенной в пользу «мусульман Прикамья» и «РПЦ в Прикамье». Имплицитные установки были квадратично связаны с правым авторитаризмом: они становились более положительными при высоком и низком авторитаризме; негативные имплицитные установки в отношении мусульман наблюдались при умеренном правом авторитаризме.

Ключевые слова: имплицитное социальное познание; конфессии; мусульмане; социальные установки; правый авторитаризм.

Исследования отношений между группами вносят существенный вклад в понимание устройства социальных суждений и поведения в межгрупповом контексте. В последние 20 лет заметным «игроком» на «поле» социальных суждений и поведения стали теории и исследования т.н. имплицитных процессов (напр., Bargh, 1994; Greenwald & Banaji, 1995). В этой связи Greenwald and Banaji (1995) утверждали, что прошлый опыт индивида может влиять на его социальные суждения и поведение и без интроспективной самоидентификации. Более того, традиционные самоотчетные (эксплицитные) методы не всегда в состоянии дать адекватную оценку подобных суждений и тем более поведения. В течение 1990-х был предложен

ряд тестов, в соответствии с концептуализацией получивших общее название «имплицитных». Наиболее часто цитируемым и, соответственно, используемым из них остается Тест имплицитных ассоциаций (Implicit Association Test; далее по тексту — IAT; Greenwald, McGhee, & Schwartz, 1998). Используя достаточно классическую идею выражения ассоциаций во времени реакции и совершаемых ошибках, IAT измеряет реагирование респондентов на парные «объекты» (напр., чернокожие и светлокожие индивиды) и «оценочные атрибуты» (напр., «позитивный» и «негативный»). За последующие 14 лет IAT стал одним из наиболее заметных явлений в психодиагностике, а споры касательно его психометрической со-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-16-59011).

Щебетенко Сергей Александрович — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; shebetenko@rambler.ru

Артамонов Евгений Юрьевич — выпускник философско-социологического факультета специальности «Психология», Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15.

стоятельности не собираются утихать (De Houwer, Teige-Mocigemba, Spruyt, & Moors, 2009; Greenwald, Poehlman, Uhlmann, & Banaji, 2009; Lane, Banaji, Nosek, & Greenwald, 2007). Неоднократно было показано, что IAT способен измерять процессы в социальном познании, не охватываемые обычными самоотчетными тестами, показывая весьма высокую предиктивную (и инкрементную в отношении эксплицитных тестов) валидность (Greenwald et al., 2009). В сфере предубеждения и стереотипов IAT способен предсказывать поведенческие варьирования лучше, чем это делают вопросники. С другой стороны, критика IAT обычно находится в плоскости концептуальной валидности теста (в частности, теоретического понятия «имплицитного» и его согласованности с тем, что по сути делает IAT), подверженности методики действию вмешивающихся переменных (напр., перцептивное сходство предъявляемых стимулов, индивидуальные различия в когнитивных способностях) и т.п. (De Houwer et al., 2009). Внутренние проблемы IAT в последние 10-12 лет стимулировали попытки усовершенствовать этот тест, что привело к появлению целой плеяды IAT-подобных методик, стремящихся снять недостатки своего прародителя. Следует, однако, констатировать, что, несмотря на свои слабости и недостатки, IAT остается самым пригодным и популярным на сегодня имплицитным тестом¹, а сама идея имплицитного социального познания оказалась весьма эвристична в плане интерпретации того, как люди обрабатывают социальную информацию.

Мусульмане и православные: проблема взаимного восприятия. Россия во многих аспектах является страной уникальной. Непоследнюю роль в формировании этой самобытности играет российская многоконфессиональность. В разные периоды развития страны эта проблема решалась по-разному, с разной сте-

пенью эффективности (в основном — эффективности). При оценке ситуации в современной России сложно спорить с тем, что межэтнические и межконфессиональные отношения остаются одним из главных детонаторов различного рода социальных и политических проблем.

В контексте эмпирической социальной психологии это с неизбежностью должно выражаться в стабильно большом числе публикуемых исследований подобного рода. Действительно, определенное число исследований традиционно обращено к сфере этнопсихологии (Ли Тоан Тханг, 1993; Складорова, 2008; Якунина, 2008). Правда, при этом межконфессиональная проблематика стала объектом внимания российских социальных психологов только в последние годы (Разин, 2010; Федоров, 2010). Произошло это по понятным причинам: в советской науке, как и в советском обществе в принципе, после успешных «крестовых атеистических походов» 1920-30-х, не было серьезного места таким «абстрактным проблемам», как религия и межконфессиональные отношения, присущим скорее «разлагающимся капиталистическим обществам».

Православие и ислам являются наиболее многочисленными конфессиями в России. Несмотря на это, первой из этих двух религий придерживается явное большинство россиян, вторую же можно считать самым многочисленным конфессиональным меньшинством. Так, по данным ВЦИОМ, полученным в марте 2010 (пресс-выпуск № 1461 от 30 марта 2010), 75% россиян считает себя православными; мусульманами же себя осознают 5% граждан России. Ситуация отношений двух конфессий характеризуется также географическим соседством и, как следствие, высокой частотой контактов, создающих на протяжении многих столетий почву как для конструктивных отношений, так и для конфликтов. Не будет большим преувеличением сказать, что история России во многом складывалась и продолжает развиваться как история отношений православной и исламской конфессий.

¹ Например, в сравнении с другим широко известным имплицитным методом — задачей лексического праймирования (Fazio, Sanbonmatsu, Powell, & Kardes, 1986), IAT демонстрирует внутреннюю согласованность на уровне хороших вопросников.

Дополнительную, региональную важность взаимоотношения православия и ислама имеют в контексте Пермского края. По данным Росстата РФ на 2010 г. суммарный удельный вес в населении Пермского края национальностей, преимущественно исповедующих ислам (татары и башкиры), равен 5.9%. Дополнительно в течение многих лет Пермский край находится под действием фактора миграции из стран Средней Азии (хотя и сравнительно не столь интенсивным, как многие другие регионы РФ (Мкртчян, Карачурина, 2009)), большинство граждан которых также относят себя к исламу.

Несмотря на очевидную, исходя из отмеченного выше, важность проблемы, число публикаций, посвященных социальным установкам представителей двух конфессий друг на друга, оказалось удивительно малым. Мы обратились к базе данных научной электронной библиотеки elibrary.ru. Задав в качестве ключевых слов «ислам» и «мусульмане», ограничив зону поиска публикациями по группе «психологические науки», в результате сканирования более 15 млн источников, поисковая машина выдала ссылки на 18 и 12 публикаций соответственно. Ни одна из них, судя по названию, не касалась собственно проблемы межэтнического восприятия православных и мусульман друг другом.

С другой стороны, за рубежом проблема установок в отношении мусульман разрабатывается более интенсивно на протяжении значительного времени. Например, Johnson (1992) изучал анти-арабские предубеждения посредством телефонных интервью американских католиков и протестантов. Этот опрос показал, что доля тех опрошенных, кто позитивно относился к мусульманам (39.8%), была равна доле тех, кто относился отрицательно (40.9%), а низкий уровень образования, высокая степень авторитаризма и религиозного фундаментализма опрошенных коррелировали с повышением степени предубежденности против мусульман. Некоторые исследования были посвящены и имплицитным установкам белых американских христиан в отношении мусульман (Rowatt, Franklin, & Cotton, 2005).

Основная цель нашего исследования — показать, как социальная информация о некоторой целевой группе (например, о мусульманах) представлена и обрабатывается в ментальной среде индивида, приводя к формированию имплицитных установок. Для этого мы измеряли силу и сравнительное направление валентности имплицитных установок в отношении мусульман/православных посредством IAT среди православных, проживающих в Перми. Наряду с этим мы измеряли у этой же группы самоотчетные (эксплицитные) установки в отношении мусульман, а также уровень правого авторитаризма. В дополнение к этому мы оценивали способность имплицитных и эксплицитных установок предсказывать поведенческие реакции участников, релевантные взаимоотношениям двух конфессий.

Одна из пионерок исследований имплицитных установок Devine (1989) полагала, что повторяющееся предъявление информации, связывающей членов некоторой социальной группы с оценочными атрибутами, может сформировать в их отношении соответствующие автоматические установки. В этом плане предъявление информации о мусульманах, например об их глубокой религиозности, может способствовать формированию в их отношении автоматических установок, включающих приписывание мусульманам данного качества. В этом смысле частое предъявление СМИ информации о террористических актах, совершенных людьми с «исламскими» именами как в России, так и за рубежом, может способствовать формированию негативных автоматических установок в отношении мусульман как группы (ср. с данными о роли активации негативно/позитивного контекста на имплицитные установки (Dasgupta & Asgari, 2004; Wittenbrink, Judd, & Park, 2001). Теоретической предпосылкой этим предположениям может считаться эвристика доступности (Tversky & Kahnemann, 1973): вероятность воспроизведения в памяти некоего события прямо пропорциональна оценке вероятности его наступления.

Далее рассмотрим ряд более конкретных фактов, позволивших нам спланировать исследование.

Предпосылки. Cunningham, Nezlek, and Banaji (2004) показали, что имплицитные методы пригодны для оценки этноцентризма; при этом имплицитный этноцентризм одновременно отличался от эксплицитного, а также был статистически связан с ним. Структурными методами математического анализа авторы продемонстрировали, что имплицитный этноцентризм отличается как от эксплицитного этноцентризма, так и от ряда параметров личной ригидности (таких как потребность в структуре или предпочтение порядка) и идеологии (включая эгалитаризм, протестантскую рабочую этику и правый авторитаризм).

Непосредственно проблема имплицитных и эксплицитных установок во взаимоотношениях христиан и мусульман поднималась в ряде зарубежных проектов. Так, Rowatt et al. (2005) изучали восприятие христиан и мусульман американцами, относящими себя к христианской конфессии. Как эксплицитный самоотчетный тест, так и имплицитный IAT показали предпочтение такими индивидами христиан мусульманам. Такие черты, как ориентация на социальное доминирование и правый авторитаризм, негативно коррелировали с эксплицитными установками в отношении мусульман и позитивно — в отношении христиан. С имплицитным же IAT ориентация на социальное доминирование и правый авторитаризм не коррелировали. В этой же работе было показано, что имплицитный и эксплицитный тест установок могут коррелировать между собой.

Этот последний результат был позднее воспроизведен Park, Felix, and Lee (2007). Кроме того, они сумели получить более положительные имплицитные (в сравнении с эксплицитными) установки на белых американцев, чем на арабов (мусульман). Также на имплицитном уровне отношение к арабам (мусульманам) было более негативным, чем к афроамериканцам, хотя на эксплицитном уровне (а также по степени узнаваемости) различий между оценками этих двух групп белыми участниками исследо-

вания не было. При этом предъявление положительной информации об арабах (мусульманах) модерировало этот эффект.

Изучая предсказание дискриминационного поведения, Rudman and Ashmore (2007) показали, что IAT может предсказывать самоотчетную расовую дискриминацию, включая словесное порицание, социальное исключение и причинение физического вреда. Авторы показали, что IAT предсказывал рекомендуемый размер бюджета для еврейской, азиатской и афроамериканской организаций, поддерживая экономическую дискриминацию.

Наконец, Шляхтин и Давыдов (2006) изучали эксплицитные и имплицитные (посредством теста Go/No-Go) установки в отношении русских и немцев на выборках обоих этносов. Хотя авторы исследовали как авто-, так и гетеростереотипы, в контексте данной статьи нас интересуют лишь установки в отношении аут-группы. Так, было показано, что имплицитные установки (в сравнении с эксплицитными) могут быть более негативными как в русской (в существенной степени), так и в немецкой (в тенденции) группах.

На основании вышеизложенного мы сформулировали следующие **гипотезы**:

1. На выборке россиян, профессионально относящих себя к православию, имплицитные установки в отношении мусульман/православных положительно коррелируют с эксплицитными установками в отношении мусульман.

2. Имплицитные установки в отношении мусульман будут более негативными в сравнении с эксплицитными установками в отношении мусульман.

3. Позитивные имплицитные и эксплицитные установки в отношении ислама линейно отрицательно коррелируют с правым авторитаризмом среди участников.

4. Положительные имплицитные установки в отношении мусульман будут предсказывать большую долю выделения средств в поддержку мусульман Прикамья в сравнении с положительными эксплицитными установками в отношении мусульман.

Метод

Участники. В исследовании приняли участие 80 студентов различных факультетов Пермского государственного университета в возрасте от 18 до 32 лет ($M=22.6$; $SD=3.3$), из них — 40 женщин. Каждый участник ответил утвердительно на вопрос о своей принадлежности к православию, что и явилось основанием для его включения в выборку. Один испытуемый был извлечен из расчетов, поскольку его значение, полученное в IAT, существенно отклонялось от выборочного («статистический выброс»). Таким образом, нижеприведенные результаты касаются 79 оставшихся участников.

Процедура. Исследование носило характер индивидуальных сессий в психологической лаборатории ПГУ в свободное от учебы время. На первом этапе участник заполнял пакет самоотчетных тестов. На втором этапе участник выполнял компьютерную версию теста имплицитных ассоциаций (IAT; Greenwald et al., 1998; Greenwald, Nosek, & Banaji, 2003; подготовка русифицированного интерфейса программы: Вайнштейн, Щебетенко). На третьем этапе 35 испытуемых участвовали в оценке сопряженности тестов установок с поведенческими тестами. Вся процедура занимала порядка 30-40 мин. Участники приглашались с учетом положительного отношения, на добровольной основе; им гарантировалась конфиденциальность.

Самоотчетные тесты. Для оценки эксплицитных социальных установок в отношении мусульман/православных использовалась подшкала *семантического дифференциала* «оценка» (“evaluation”; Osgood, Suci, Tannenbaum, 1957; напр., Петренко, 1988).

Для оценки склонности к правому авторитаризму использовалась шкала Right-Wing Authoritarianism Scale (RWA; Altemeyer, 1988, 2006). RWA широко используется в исследовательской диагностике за рубежом и неоднократно демонстрировала свою внутреннюю согласованность и валидность (Burriss & Rempel, 2004; Ekehammar, Akrami, Gylje, & Zakrisson, 2004; Cohrs, Kielmann, Maes, & Moschner, 2005). Мы использовали русский вариант RWA, разработанный первым автором статьи. Методика в таком виде требует своей психометриче-

ской оценки, однако предварительные измерения позволяют считать ее пригодной.

Тест имплицитных ассоциаций. Имплицитные социальные установки в отношении мусульман/православных измерялись посредством *Теста имплицитных ассоциаций* (IAT; Greenwald et al., 1998, 2003; подробнее о процедуре IAT см. также Щебетенко, Вайнштейн, 2010). Согласно рекомендациям Greenwald et al. (2003) в качестве показателя имплицитных установок использовалось значение D (далее — D -индекс), являющееся функцией от разницы между средними скоростями реакции в «несогласованных¹ сериях» и средними скоростями реакции в «согласованных сериях». В «несогласованных» сериях участник должен нажимать на одну и ту же клавишу (напр., “D”), когда в центре экрана появляется стимул, относящийся либо к исламу (объект), либо к положительной валентности (атрибут). С другой стороны, на другую клавишу (напр., “K”) участник должен нажимать, когда появившийся стимул относится либо к православию (объект), либо к отрицательной валентности (атрибут). В «согласованных» сериях сочетание атрибутов и объектов изменяется: участник должен нажимать на одну и ту же клавишу (напр., “D”), когда в центре экрана появляется стимул, относящийся либо к православию, либо к позитивной валентности. При этом D -индекс производит коррекцию разницы средних на средние стандартные отклонения времени реакции участников², а также ограничивает принимаемые значения слишком быстрых (меньше 300 мс приравняется к 300 мс) и слишком медлен-

¹ Термины «согласованный» — «несогласованный» используются в данном случае исходя из традиционного отношения ин- и аут-групповых стереотипов (более положительное отношение к ин-группе и более отрицательное отношение к аут-группам, что «согласуется» с вектором большинства стереотипов) и являются по сути произвольными, никак не влияющими на последующие расчеты.

²Greenwald et al. (2003) показали, что это элиминирует эффект индивидуальных различий в когнитивной сфере в сравнении с использованием простой арифметической разницы или ее логарифмического преобразования, которое предлагалось использовать в качестве показателя в изначальной статье (Greenwald et al., 1998).

ных (более 3000 мс приравнивается к 3000 мс) реакций. Наконец, при расчете значений в *D-индексе* ошибочные реакции «штрафуются», рассчитываясь как среднее время реакций в серии для данного участника + 600 мс. Положительные значения *D-индекса* свидетельствуют о более быстрых реакциях в согласованных сериях, чем в несогласованных; это интерпретируется как выраженность про-православной имплицитной установки. Напротив, отрицательные значения *D-индекса* свидетельствуют о более быстрых реакциях в несогласованных сериях, чем в согласованных; это интерпретируется

как выраженность про-мусульманской имплицитной установки.

Стимулы предъявлялись в центре экрана. К каждой категории относилось по 6 разных стимулов. Порядок их предъявления задавался программой случайно. Стимулы для категорий «Ислам» и «Православие» приведены в приложении. Категории предъявлялись либо в левом верхнем углу экрана (реакция клавишей D), либо в правом верхнем углу экрана (реакция клавишей K). Последовательность этапов, их содержание и количество попыток приведены в таблице.

Таблица. Последовательность и содержание серий в Тесте имплицитных ассоциаций

Этап	Число попыток	Задача	Приписка клавиш	
			D (левая клавиша)	K (правая клавиша)
1	20	Дифференциация объекта	Православие	Ислам
2	20	Дифференциация атрибута	Позитивный	Негативный
3	20	Первичная скомбинированная задача (тренировка)	Православие, позитивный	Ислам, негативный
4	40	Первичная скомбинированная задача (основная)	Православие, позитивный	Ислам, негативный
5	20	Обратная дифференциация атрибута	Негативный	Позитивный
6	20	Обратная скомбинированная задача (тренировка)	Православие, негативный	Ислам, позитивный
7	40	Обратная скомбинированная задача (основная)	Православие, негативный	Ислам, позитивный

Межстимульный временной интервал составлял 250 мс. После ошибочной реакции (приписка стимула к нерелевантной категории) в центре экрана появлялся красный крест. В инструкции участникам сообщалось, что красный крест означает ошибочную реакцию. Хотя расчет времени реакции в ошибочной попытке происходил по стандартной для таких случаев схеме (см. выше), участник, тем не менее, должен был дать верный ответ после совершенной ошибки.

Результаты

Оценка внутренней согласованности самоотчетных тестов и распределения. Шкала «оценки» (семантический дифференциал) показала согласованность в приемлемых значениях, $\alpha=.72$. Шкала RWA показала высокую внутреннюю согласованность, $\alpha=.89$. Распределение значений измеренных показателей соответство-

вало теоретически нормальному: $KS_{оценка}=.77$, $p=.60$; $KS_{rwa}=.55$, $p=.92$; $KS_{DIAT}=.50$, $p=.96$.

Имплицитные и эксплицитные установки в отношении мусульман/православных: корреляция. D-индекс не коррелировал с подшкалой семантического дифференциала «оценка», $r^2=.002$, $p=.70$.

Имплицитные и эксплицитные установки в отношении мусульман/православных: сравнения. Для того чтобы изучить статистические различия между показателями эксплицитных и имплицитных установок, мы использовали дескриптивные статистики, а также одновыборочный t-критерий. Мы линейно преобразовали значения эксплицитных установок («оценка») так, чтобы среднее значение по оригинальной шкале (4 балла) для наглядности соответствовало среднему значению в IAT (т.е. 0 баллов).

Визуально (рис. 1) можно зафиксировать, что имплицитная установка в отношении му-

сультман была ниже (отклонение линии медианы на левом графике вверх от нуля), чем эксплицитная установка. При этом если на эксплицитном уровне установка в отношении мусульман скорее нейтральна (близка к 0), то на имплицитном уровне зафиксировано некоторое отклонение от нейтрального состояния в сторону негативной установки в отношении мусульман.

Для оценки достоверности этого отклонения мы использовали одновыборочный *t*-тест, показавший, что это отклонение является статистически достоверным, $t(78)=9.98$, $p<.001$. Напротив, оценка отклонения эксплицитной установки от нуля позволила принять нулевую гипотезу, $t(78)=1.29$, $p=.20$ ¹.

Установки и правый авторитаризм. Хотя имплицитная установка на мусульман/православие линейно не коррелировала с правым авторитаризмом (RWA), мы обнаружили квадратичную корреляцию между этими переменными, $r^2=.08$, $p=.039$ ². Как следует из рис. 2, негативное отношение к исламу можно было наблюдать при умеренных значениях правого авторитаризма; в то же время положительное отношение к исламу возрастало как при высоком правом авторитаризме, так и при его низких значениях.

Имплицитные/эксплицитные установки на мусульман и поведение. Ключевым вопросом любых психологических исследований является релевантность психологического конструкта стоящим за ним поведенческим реакциям. Значимость оценки этой взаимосвязи традиционно усугубляется не только сложностями в получении устойчивых и эмпирически «чистых» поведенческих показателей, но и сложно-

стью получения поведенческих показателей в принципе. По аналогии с процедурой Rudman and Ashmore (2007), в этом исследовании мы пошли по пути стимулирования участников на принятие решения, выглядящего как достаточно достоверное.

По окончании основного исследования 35 участникам³ сообщали, что, «пользуясь моментом», исследователи хотят выполнить другое задание — некоммерческого регионального фонда, работающего в Пермском крае и занимающегося благотворительностью. Перед фондом по легенде стояла задача по определению направлений финансирования «исходя из общественного мнения». Предполагалось три направления финансирования: (а) в поддержку РПЦ в Прикамье, (б) в поддержку мусульман Прикамья, (в) в поддержку малых этнических групп Прикамья. Задача испытуемого — определить пропорцию в процентах распределения фонда между указанными тремя направлениями. Таким образом, на выходе мы получили три переменных, соответствующих трем направлениям. Далее мы оценили способность предсказывать долю выделения средств фонда в поддержку мусульман Прикамья. Эксплицитная оценка мусульман, а также правый авторитаризм не коррелировали с размером выделяемой доли средств, оба $r<.15$. С другой стороны, показатель имплицитной установки статистически значимо коррелировал с размером выделяемой доли средств в пользу мусульман Прикамья, $r(33)=-.40$, $p=.022$: чем выше была промусульманская имплицитная установка, тем больше была доля средств, определяемых участниками мусульманам. Кроме того, показатель имплицитной установки статистически значимо коррелировал с распределением фонда в поддержку РПЦ в Прикамье, $r(33)=.37$, $p=.033$: чем выше была про-православная имплицитная установка, тем больше была доля средств, опре-

¹ Интерпретация различий в стандартных отклонениях и доверительных интервалах в данном случае не имеет смысла из-за разной размерности шкал.

² Любопытно, что включение в оценку этой взаимосвязи ранее исключенного «выброса», имеющего экстремально высокие значения IAT (предельно положительное отношение к православным), дополнительно увеличило значение эмпирической оценки этой квадратичной регрессии, $p=.028$, поскольку этот «выброс» продемонстрировал средние значения правого авторитаризма (на рис. 2 это значение представлено).

³ Данные одного участника, значения которого ранее были определены как статистический выброс при распределении значений по IAT, а также одного участника, который распределил средства на 130%, были исключены из расчетов. Таким образом, фактический размер выборки в данной оценке составил $n=33$.

деляемых участниками РПЦ. С долей, выделяемой в поддержку малых этнических групп Прикамья, имплицитный показатель установок

на мусульман/православных не коррелировал, $r(33)=-.13$.

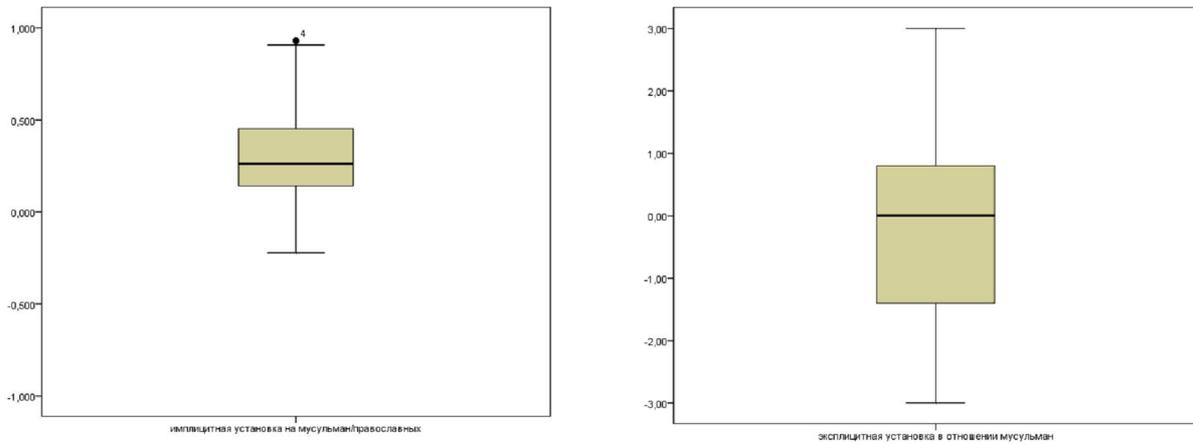

Рис. 1. Описательные статистики имплицитных (IAT) и эксплицитных («оценка») установок на мусульман/православных.

Примечание. Полуширная горизонтальная черта соответствует медиане; верхняя и нижняя границы «ящика» — стандартному отклонению, верхняя и нижняя горизонтальные черты — 95% доверительному интервалу; точка на левом графике — выброс, цифра — порядковый номер участника в матрице.

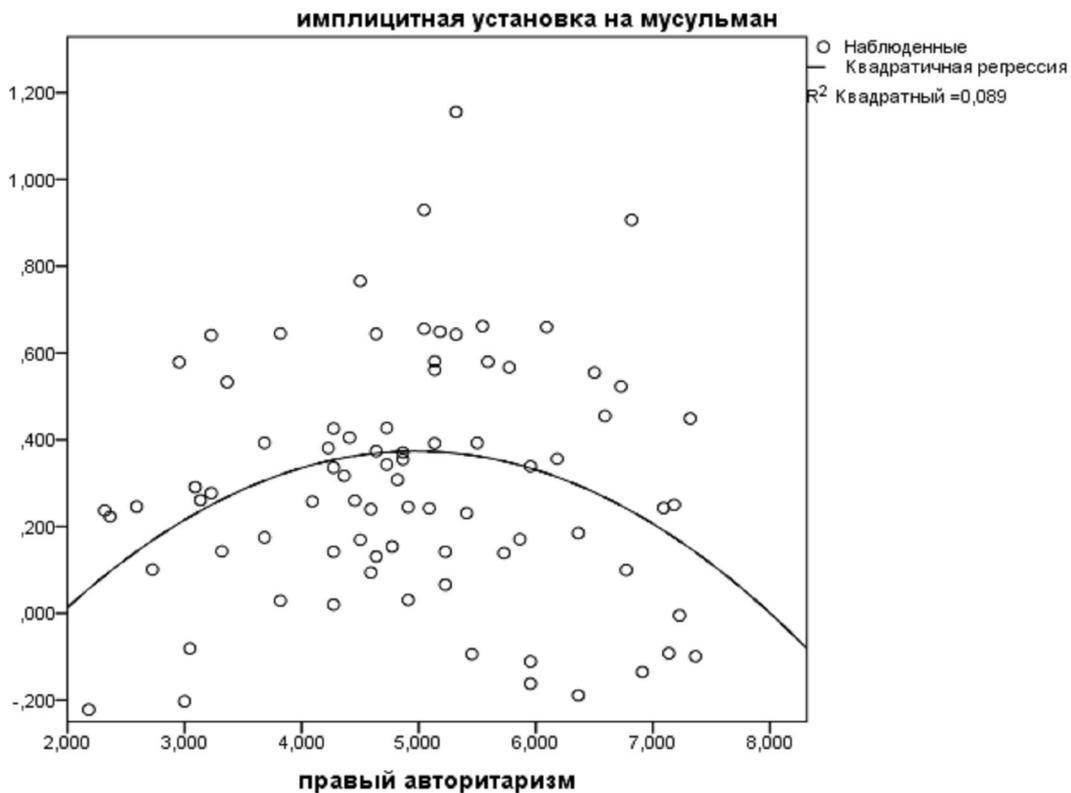

Рис. 2. Разброс значений по IAT (имплицитная установка на ислам/православие) и RWA (правый авторитаризм) и оценка квадратичной зависимости между ними

Обсуждение

Вопреки предпосылкам и, соответственно, ранее полученным результатам (Park et al., 2007; Rowatt et al., 2005) мы не обнаружили взаимосвязи между имплицитными и эксплицитными установками на мусульман. Слабая положительная либо незначимая корреляция между эксплицитными и имплицитными параметрами является общим местом большинства опубликованных результатов по этой тематике (напр., Back, Schmukle, & Egloff, 2009; Blair, 2001). Более того, на фоне часто получаемого значимого предсказания поведения посредством имплицитных тестов низкая корреляция последних с эксплицитными тестами рассматривается как признак инкрементной валидности, самобытности имплицитных установок, обоснование необходимости их теоретического анализа. Таким образом, полученный нами результат соответствует традиционной логике исследований. Остается лишь зафиксировать, что отношения имплицитных и эксплицитных установок окончательно не определены.

Зафиксированные существенно негативные имплицитные установки в отношении мусульман (в сравнении эксплицитными) соответствуют нашим ожиданиям, теоретическим предпосылкам и фактам, полученным коллегами ранее. Аут-групповое предубеждение является хорошо воспроизводимым эмпирически феноменом как в российских, так и в зарубежных исследованиях. Более того, несколько неожиданным выглядит полученная нами нейтральная эксплицитная установка в отношении мусульман. Этот результат может свидетельствовать о действии межконфессиональной толерантности в студенческой популяции в Перми, что соответствует современным социокультурным тенденциям. В то же время следует иметь в виду и альтернативное объяснение полученных результатов, связанное с издержками исследовательского плана и использованных методов. Как неоднократно отмечалось (напр., De Houwer et al., 2009; Greenwald & Nosek, 2001), IAT принципиально оценивает не одну, а две установки: к интересующему объекту (в

нашем случае — исламу) и его ситуационно заданной противоположности (в нашем случае — православию). Более того, IAT оценивает скорее *относительную* установку: в нашем случае, например, установку на ислам *относительно* православия. С другой стороны, подшкала оценки, использованная нами для измерения эксплицитной установки, была адресована напрямую оценке мусульман. Это делает проводимые нами сравнения не вполне корректными. В частности, полученные негативные имплицитные установки на мусульман можно интерпретировать иначе — как позитивные установки на православных. Это, возможно, повлияло и на нулевую корреляцию между имплицитными и эксплицитными оценками. С другой стороны, православие (шире — христианство) и ислам действительно находятся в весьма противоречивых, во многом антагонистичных, отношениях, а полученный результат согласуется с данными других исследователей. Поэтому противопоставление этих конфессий в IAT выглядит вполне обоснованным.

Спекулятивность последнего утверждения удаётся отчасти преодолеть полученными нами фактами. Именно IAT был связан с поведенческими показателями. При этом знак корреляции соответствует теоретическим ожиданиям: увеличение доли «фонда» мусульманам Прикамья с ростом положительной имплицитной установки на ислам и увеличение доли «фонда» РПЦ с ростом отрицательной имплицитной установки на ислам. Кроме того, незначимая корреляция доли «фонда», адресованная этническим меньшинствам Прикамья, с имплицитной установкой на ислам (православие) также свидетельствует в пользу валидности использования IAT в данном контексте.

Квадратичная корреляция правого авторитаризма с имплицитной установкой на мусульман вполне может считаться артефактной: мы ее не предсказывали, и все наши соображения по этому поводу будут носить характер *post hoc*. К тому же в психологической науке оценка криволинейных зависимостей является скорее исключением, чем нормой — как в части выдвигаемых гипотез, так и в части их статисти-

ческой оценки¹. Например, Rowatt et al. (2005), как было отмечено выше, не обнаружили взаимосвязи имплицитной установки на мусульман/христиан с правым авторитаризмом. Однако ими, как обычно, оценивалась линейная сопряженность. Мы также не установили линейной связи правого авторитаризма и имплицитных установок на мусульман/православных, зафиксировав, правда, при этом нелинейную зависимость.

Полученный здесь результат, со всеми оговорками, может иметь определенный смысл. Так, относительный рост позитивности имплицитных установок в отношении ислама на фоне низкого правого авторитаризма объясняется самой логикой этого конструкта: правый авторитаризм предполагает приверженность лидерам социально-политических систем, без критики и самостоятельной оценки их решений (кроме выражения безусловного одобрения). Это означает, что низкий правый авторитаризм предполагает критичное отношение к лидерам социально-политических систем, в которых существует индивид, склонность к вынесению самостоятельной оценки их действий. Принимая во внимание, что ин-групповой фаворитизм и аут-групповая дискриминация традиционно считаются симптомами авторитаризма и авторитарных государств (Adorno, Frenkel-Brunswick, Levinson, & Sanford, 1950; Duckitt, 1992), при низких значениях RWA следует ожидать и снижение ин-группового фаворитизма (в нашем случае — в отношении православия), а также аут-группового предубеждения (в отношении ислама). Это и было зафиксировано в нашем исследовании. Это также согласуется с результатами цитировавшегося выше американского исследования восприятия мусульман христианами (Johnson, 1992).

¹ Ирония заключается в том, что те редкие случаи, когда в психологии фиксируются нелинейные отношения между переменными, зачастую получают громкое имя «законов» (напр., «закон Йеркса-Додсона», «закон Вебера-Фехнера»), видимо, в силу действия «магии» нелинейных отношений.

Такая вполне обычная для психологии «линейная» логика должна была быть подтверждена линейной же корреляцией, однако нам ее получить не удалось. Напротив, при повышении правого авторитаризма мы также (в этом смысле — парадоксально) получили скорее увеличение про-исламских имплицитных установок. Однако в этом также есть, на наш взгляд, смысл. В современной социально-культурной и информационной средах ислам зачастую рассматривается как синоним правого авторитаризма: безотчетной веры в правоту социальных лидеров, вплоть до физического самопожертвования, принесения в жертву сотен людей, повинных, по сути, лишь своей «непринадлежностью» исламу и, в этом смысле, независимостью от этих социальных систем и их лидеров. Вероятно, что индивиды с высокими значениями RWA находят в подобном образе ислама ассоциативную связь с собственным правым авторитаризмом, помимо своей профессиональной принадлежности. Таким образом, возможно, что на разных полюсах RWA мы имеем дело с про-исламскими имплицитными установками совершенно разного рода. С другой стороны, собственно анти-исламские (или про-православные) имплицитные установки возрастают при некоторых умеренных значениях правого авторитаризма.

* * *

Основатель метода тестирования нулевой гипотезы Роналд Фишер подчеркивал, что процесс тестирования гипотез носит инкрементный характер (цит. по: Rogers, 2010); это означает, что частные отвержения нулевой гипотезы сами по себе не носят характер доказательства фактов, а лишь свидетельствуют о принципиальной возможности эмпирически получить значительное различие в состояниях или корреляционную связь между переменными. Этот момент имеет не столько техническое, сколько принципиальное значение для психологии, а его непонимание является одной из главных системных проблем этой дисциплины. Психологи очень часто считают «фактами» единичные отвержения нулевых гипотез, а «эмпирически доказанными» — положения, поддержи-

ваемые единственной корреляцией (порой полученной при многократных попытках в так называемых «плеядах»). Опираясь на эти «доказанные положения», исследователи, редакторы и рецензенты требуют дальнейшей «новизны» и «актуальности исследования». В результате эмпирическая психология представляет собой «не хорошо построенную автомагистраль» устойчивых результатов и осмысленных теоретических моделей, хорошо поддерживаемых эмпирически, а «болотистую местность», где результаты исследований скорее носят характер «кочек», «наступив» на каждую из которых исследователь не знает, «провалится» он или нет. В конечном счете, это определяет неэффективность отношений эмпирической психологии и психологической практики: последняя попросту не знает, что делать с нагромождением неструктурированных, плохо воспроизводимых «фактов». И если зарубежная психология, благодаря важнейшим работам таких методологов, как Cohen (1994), в последние годы пришла к пониманию этой проблемы и наметила некоторые шаги для решения своих традиционных проблем (например, использование метаанализа и робустной статистики), то российским психологам в основном еще только предстоит понять и ассимилировать этот опыт.

Авторы предлагают рассматривать представленные здесь результаты и их обсуждение в контексте указанных трудностей. Мы проводили исследование на нерепрезентативной выборке, что характерно для психологических исследований в принципе. Это означает, что все «болезни» нерепрезентативности во главе с ограничениями экстраполяции полученных результатов присущи и представленной здесь работе. Мы считаем принципиально важным тот факт, что многие наши результаты воспроизводятся в тех или иных отношениях данные, полученные нашими коллегами ранее. Прочие же результаты следует считать любопытными артефактами, требующими своей эмпирической репликации и теоретического анализа. Это позволяет сделать небольшой шаг на пути перехода от «болотистой местности» к «автостраде» на таком небольшом, но важном «участке»

психологии, как имплицитные социальные установки.

Список литературы

1. «Верим ли мы в Бога?» // Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1461 от 30.03.2010 [Электронный ресурс]. URL: [www.wciom.ru/index.php?id=268&uid=13365] (дата обращения: 15.02.2012).
2. Ли Тоан Тханг. Пространственная модель мига: когниция, культура, этнопсихология (на материале вьетнамского и русского языков): автореф. на соиск... докт. филол. наук. М., 1993. 66 с.
3. Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. Миграция в Пермском крае: опыт анализа на региональном и муниципальном уровнях // Научные труды Института народнохозяйственного прогнозирования РАН / гл. ред. А.Г. Коровкин. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 688-712.
4. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М.: Изд-во МГУ, 1988.
5. Разин А.С. Специфика этноконфессионального фактора и формирование этноконфессиональных отношений // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2010. Т. 2. № 7-12. С. 63-69.
6. Склярова Д.В. Характеристики когнитивного компонента этноидентичности кабардинцев, балкарцев и русских // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2008. Т. 78. № 1. С. 128-129.
7. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации: национальный состав населения по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: [http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/per-itog/tab7.xls] (дата обращения: 15.02.2012).
8. Федоров В.Ф. Конфессиональная проблематика в психологии этно-религиозных конфликтов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2010. № 1. 280-286.
9. Шляхтин Г.С., Давыдов С.В. Соотношение имплицитных и эксплицитных этнических стереотипов у русских и немцев // Вестник Нежгородского государственного университета. Серия Социальные науки. 2006. Т. 1. № 5. С. 125-138.
10. Щebetenko С.А., Вайнштейн С.В. Об измерении черт личности посредством времени реакции (Часть II: результаты исследования) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2010. № 4. С. 52-72.

11. Якунина Ю.Е. Специфика этнической идентичности коренных малочисленных народов Магаданской области в контексте межэтнических отношений // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2008. Т. 10. № 10. С. 94-98.
12. Adorno, T., Frenkel-Brunswick, E., Levinson, D., & Sanford, R. (1950). *The authoritarian personality*. New York: Harper.
13. Altemeyer, R.A. (1988). *Enemies of freedom: Understanding right-wing authoritarianism*. San Francisco: Jossey-Bass.
14. Altemeyer, R.A. (2006). *The authoritarians*. Winnipeg: B. Altemeyer. University of Manitoba [http://home.cc.umanitoba.ca/~altemey/]
15. Back, M.D., Schmuckle, S.C., & Egloff, B. (2009). Predicting actual behavior from the explicit and implicit self-concept of personality. *Journal of Personality and Social Psychology*, 97, 533-548.
16. Bargh, J. A. (1994). The four horsemen of automaticity: Awareness, intention, efficiency, and control in social cognition. In R. S. Wyer & T.K. Srull (Eds.), *Handbook of social cognition* (Vol. 1, pp. 1-40). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.
17. Blair, I.V. (2001). Implicit stereotypes and prejudice. In G. B. Moskowitz (Ed.), *Cognitive social psychology*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum.
18. Burris, C. T., & Rempel, J. K. (2004). "It's the end of the world as we know it": Threat and the spatial-symbolic self. *Journal of Personality and Social Psychology*, 86, 19-42.
19. Cohen, J. (1994). The Earth is round ($p < .05$). *American Psychologist*, 49, 997-1003.
20. Cohrs, J.C., Kielmann, S., Maes, J., & Moschner, B. (2005). Effects of right-wing authoritarianism and threat from terrorism on restriction of civil liberties. *Analyses of Social Issues and Public Policy*, 5, 263-276.
21. Cunningham, W.A., Nezlek, J.B., & Banaji, M.R. (2004). Implicit and explicit ethnocentrism: Revisiting the ideologies of prejudice. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 30, 1332-1346.
22. Dasgupta, N., & Asgari, S. (2004). Seeing and believing: Exposure to counterstereotypic women leaders and its effect on the malleability of automatic gender stereotyping. *Journal of Experimental Social Psychology*, 40, 642-658.
23. De Houwer, J., Teige-Mocigemba, S., Spruyt, A., & Moors, A. (2009). Implicit measures: A normative analysis and review. *Psychological Bulletin*, 135, 347-368.
24. Duckitt, J. (1992). Psychology and prejudice: A historical analysis and integrative framework. *American Psychologist*, 47, 1182-1193.
25. Ekehammar, B., Akrami, N., Gylje, M., & Zakrisson, I. (2004). What matters most to prejudice: Big Five personality, social dominance orientation, or right-wing authoritarianism? *European Journal of Personality*, 18, 463-482.
26. Fazio, R.H., Sanbonmatsu, D.M., Powell, M.C., & Kardes, F.R. (1986). On the automatic activation of attitudes. *Journal of Personality and Social Psychology*, 50, 229-238
27. Greenwald, A.G., & Banaji, M.R. (1995). Implicit social cognition: Attitudes, self-esteem, and stereotypes. *Psychological Review*, 102, 4-27.
28. Greenwald, A.G., McGhee, D.E., & Schwartz, J.L.K. (1998). Measuring individual differences in implicit cognition: The Implicit Association Test. *Journal of Personality & Social Psychology*, 74, 1464-1480.
29. Greenwald, A. G., & Nosek, B. A. (2001). Health of the Implicit Association Test at age 3. *Zeitschrift für Experimentelle Psychologie*, 48, 85-93.
30. Greenwald, A.G., Nosek, B.A., & Banaji, M.R. (2003). Understanding and using the Implicit Association Test: I. An improved scoring algorithm. *Journal of Personality and Social Psychology*, 85, 197-216.
31. Greenwald, A.G., Poehlman, T.A., Uhlmann, E.L., & Banaji, M.R. (2009). Understanding and using the Implicit Association Test: III. Meta-analysis of predictive validity. *Journal of Personality and Social Psychology*, 97, 17-41.
32. Johnson, S. (1992). Anti-Arabic prejudice in "middletown". *Psychological Reports*, 70, 811-818.
33. Lane, K.A., Banaji, M.R., Nosek, B.A., & Greenwald, A.G. (2007). Understanding and using the Implicit Association Test: IV. What we know (so far) (pp. 59-102). In B. Wittenbrink & N.S. Schwarz (Eds.). *Implicit measures of attitudes: Procedures and controversies*. New York: Guilford Press.
34. Osgood, C.E., Suci, G., & Tannenbaum, P. (1957). *The measurement of meaning*. Urbana, IL: University of Illinois Press.
35. Park, J., Felix, K., & Lee, G. (2007). Implicit attitudes toward Arab-Muslims and the moderating effects of social information. *Basic and Applied Social Psychology*, 29, 35-45.
36. Rogers, J.L. (2010). The epistemology of mathematical and statistical modeling: A quiet methodological revolution. *American Psychologist*, 65, 1-12.
37. Rowatt, W.C., Franklin, L.M., & Cotton, M. (2005). Patterns and personality correlates of implicit and explicit attitudes toward Christians and Muslims. *Journal of the Scientific Study of Religion*, 44, 29-43.
38. Rowatt, W.C., Tsang, J.-A., Kelly, J., LaMartina,

- B., McCullers, M., & McKinley, A. (2006). Associations between religious personality dimensions and implicit homosexual prejudice. *Journal of the Scientific Study of Religion*, 45, 397-406.
39. Rudman, L.A., & Ashmore, R.D. (2007). Discrimination and the Implicit Association Test. *Group Processes & Intergroup Relations*, 10, 359-372.
40. Tversky, A., & Kahneman, D. (1973). Availability: A heuristic for judging frequency and probability. *Cognitive Psychology*, 5, 207-232.
41. Wittenbrink, B., Judd, C. M., & Park, B. (2001). Spontaneous prejudice in context: Variability in automatically activated attitudes. *Journal of Personality and Social Psychology*, 81, 815-827.

Примечание

Стимулы, включенные в тест
имплицитных ассоциаций, относящиеся к
категориям «Ислам» и «Православие»

Ислам	Православие
АЛЛАХ	ГОСПОДЬ
ПОЛУМЕСЯЦ	КРЕСТ
КОРАН	БИБЛИЯ
МЕЧЕТЬ	ЦЕРКОВЬ
РАМАЗАН	СВЯЩЕННИК
МОХАММЕД	ИИСУС ХРИСТОС

EXPLICIT AND IMPLICIT ATTITUDES TOWARD MUSLIMS AMONG RUSSIAN UNDERGRADUATES IDENTIFYING THEMSELVES WITH ORTHODOX CHURCH

Sergei A. Shchebetenko, Yevgeny Y. Artamonov

Perm State National Research University, 15 Bukirev str., Perm, Russia, 614990

Implicit and explicit attitudes toward Muslims among Orthodox undergraduates at Perm State University have been investigated. Implicit attitudes were measured by Implicit Association Test, whereas explicit attitudes were measured using the “evaluation” subscale of semantic differential. Implicit and explicit attitudes did not correlate between each other. While explicit attitudes did not differ significantly from neutral, implicit attitudes were negative regarding Muslims. At the behavioral level, contrary to explicit attitudes, implicit ones predicted recommended budget cuts for Muslims and Orthodox Church in directions concordant with hypotheses. Finally, implicit attitudes were inverted-U-related with right-wing authoritarianism: implicit attitudes toward Muslims were positive when right-wing authoritarianism was either high or low, whereas middle degree authoritarians demonstrated negative implicit attitudes toward Muslims. The results are discussed and compared with those studies published earlier.

Key words: implicit attitudes, confessions, Muslims, right-wing authoritarianism, social attitudes.

УДК 159.963.3

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СНОВИДЕНИЯХ: ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ*Д.Г. Трунов, М.А. Воденикова*

В статье рассматриваются основные исторические модели представлений о сновидениях: метафизическая, естественнонаучная, психологическая. Для описания моделей используются следующие критерии: источник, функции, причина, природа сновидения и используемые практики сновидений. Введены понятия: эксплицитные концепции сновидений и имплицитные представления о сновидениях.

Ключевые слова: сновидения; модели представлений о сновидениях; метафизическая модель; естественнонаучная модель; психологическая модель; онейропрактика; толкование сновидений; эксплицитные концепции сновидений; имплицитные представления о сновидениях.

Сновидение — это, пожалуй, один из самых таинственных и сложных психических феноменов. На всем протяжении своей истории люди не перестают размышлять о природе и смысле сновидений. Пытаясь объяснить эту часть своей жизни, они формулировали различные «теории сновидений», которые исходили из существующей на тот момент картины мира и соответствующего взгляда на человека. Менялось мировоззрение, менялись и представления о сновидениях. И вот, на сегодняшний день мы имеем разнообразные «теории сновидений», созданные в рамках различных мировоззрений.

Главная цель нашей работы — изучить обыденные представления о сновидениях современного человека. Для того чтобы приблизиться к этому, нам необходимо решить ряд задач:

- рассмотреть разнообразные представления о сновидениях, которые составляют своеобразный «банк», из которого формируются обыденные представления;
- упорядочить существующие представления о сновидениях в своеобразные «родственные» группы и таким образом реконструировать основные исторические модели представлений о сновидениях;

- сформулировать критерии, с помощью которых можно охарактеризовать выявленные модели;
- эти критерии, на наш взгляд, помогут описать обыденные представления о сновидениях и таким образом увидеть, какие из исторических моделей наиболее востребованы в настоящее время.

Данная статья представляет некоторые результаты этой работы. В ней на основе выявленных нами критериев мы опишем и сравним основные исторические модели представлений о сновидениях. При этом важно отметить, что здесь не идет речь об *оценочных* критериях типа «правильно—неправильно», «научно—ненаучно», «зрело—незрело» и пр. Мы используем исключительно *описательные* критерии. Вот они:

- *Источник сновидения:* откуда появляются образы и персонажи сновидения? Примеры: от Бога, от Дьявола, из бессознательного — личного или коллективного.
- *Функция сновидения:* какова цель (назначение) сновидения? Примеры: знамение, предупреждение, эмоциональное отреагирование, упорядочивание информации, решение творческой задачи.
- *Причина сновидения:* что является иницирующим фактором сновидения? Примеры:

Трунов Дмитрий Геннадьевич — доктор философских наук, доцент кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; trunoff@hotmail.ru

Воденикова Мария Андреевна — студентка V курса философско-социологического факультета, специальность «Клиническая психология», Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; ningun.otro.como.oy@gmail.com

молитва, экстатическое состояние, психическая травма, яркое впечатление.

- *Природа сновидения*: как (через какие механизмы) реализуется сновидение? Примеры: откровение, инспирация, «работа сновидения», деятельность мозга.
- *Сновидческие практики (онейропрактики)*: что можно делать со сновидениями и как можно на них влиять? Примеры: толкование сновидений, предсказание с помощью сновидений, разыгрывание сновидений, управление сновидениями.

Метафизическая модель

Древний человек относился к миру сновидений не менее серьезно, чем к миру реальному, и даже более: то, что происходило в сновидении, подчас было гораздо важнее того, что происходило наяву. Это отношение вполне естественно, поскольку люди доверяли всему, что они видели во сне. Возможно, именно сновидения породили первые *метафизические*¹ представления — предположения о том, что за пределами «этого мира» существует некий «иной мир». Стало быть, метафизическая модель представлений о сновидениях — это наиболее ранняя из рассматриваемых нами моделей. Внутри метафизической модели, безусловно, есть некоторые нюансы, которые позволяют различать «теории сновидений», основанные на магических верованиях, на представлениях древних философских и мистических систем, на религиозных доктринах. Однако в общем метафизическая (религиозно-мистическая) модель характеризуется следующим набором представлений.

Источник сновидения. Отличительная особенность метафизической модели состоит в том, что источником сновидения здесь является не реальность — физическая или психическая, — а находящийся за ее пределами некий «иной мир»: духовный, трансцендентный, потусторонний, загробный и пр. Источник может в той или иной степени конкретизироваться и даже персонализироваться: божественное существо,

высшая сила, ангел, умерший человек, дьявол и пр.

Функция сновидения. В рамках метафизической модели можно различить позитивные и негативные функции сновидения, что связано с разделением «иного мира» на две части: высшую и низшую². *Позитивная* функция сновидения реализуется в виде некоего «истинного послания» или «полезного воздействия»: знамение, благовещение, пророчество, предупреждение, вдохновение³; если же говорить о *негативной* функции сновидений, то она реализуется в виде «ложного послания» или «вредного воздействия»: искушение, обман, вторжение злых сил, одержимость и пр. В религиозном сознании сновидения представляют собой одну из наиболее распространенных форм общения человека с Богом, так, например, в Библии, начиная с книги Бытия и заканчивая Откровением Иоанна Богослова, сновидения выступают посредниками между Богом и людьми⁴; предполагается, что большая часть Корана записана со слов пророка Магомета, которые он услышал во сне. Роль сновидений в буддизме вообще трудно переоценить: например, считается, что последователи Будды, достигшие просветления, могут во сне посещать Будд и получать от них наставления и тексты; точно также большинство иконографических канонов было взято из сновидений наиболее авторитетных адептов буддизма [14]. Таким образом, функции сновидений выходят за рамки жизни одного

² Дихотомия «высшее—низшее», «истинное—ложное», «святое—греховное» и пр. присуща всем религиозным системам. Редкие исключения, связанные в основном с ранними формами религий: «мир предков», «магическая сила», которая сама по себе «нейтральна», но тем не менее может принести либо вред, либо пользу в зависимости от целей колдуна.

³ Анализируя представления традиционных культур, О.Б. Христофорова называет следующие способы воздействия «духов» на сновидящего: просьба, требование, наставление, благоволение [22].

⁴ Вот два примера. В Ветхом Завете Бог говорит: «...если бывает у вас пророк Господень, то Я открываюсь ему в видении, во сне говорю с ним» (Числа. 12:6). В Новом Завете читаем, как Иосифу во сне явился ангел и сказал: «Иосиф, сын Давидов!

¹ От греч. *мета* — после, *φύσις* — природа.

человека (сновидящего) и уже касаются судьбы целой группы людей, объединенных одной конфессией, или даже народа¹. Описаны случаи, когда сновидения некоторых «референтных лиц» выполняли функцию урегулирования внутрикультурных противоречий и тем самым становились источником социальных и культурных инноваций и трансформаций (Рабинович). Яркий пример: шаманы Папуа—Новой Гвинеи убедили людей принять христианство, ссылаясь на свои сны о Боге, Иисусе и Святом духе [14, с. 18]

Причина сновидения. Необходимость «вмешательства» сил или персонажей «инога мира» в жизнь человека возникает в силу разных причин. Видимо, чаще всего поводом для их «активации» являются действия человека или какой-либо социальной группы, которые так или иначе становятся значимыми для «инога мира». Например, благочестивые действия (молитва, добродетельные поступки и пр.) могут стать причиной вмешательства как «добрых сил» (божественное вдохновение), так и «злых» (дьявольское искушение); неблагочестивые действия (греховные поступки) также могут вызвать «резонанс» в «ином мире» и стать причиной «предупреждающих» сновидений или, напротив, «захвата» спящей души злыми духами. В рамках метафизической модели остается открытым вопрос: всегда ли «высшие силы» вмешиваются по причине каких-либо действий человека (человечества), или они могут инициировать сновидение исходя из своих собственных мотивов?

Природа сновидения. Механизм вмешательства «иных сил» в рамках метафизической модели понимается как преодоление границы между двумя мирами. Так, «агент иного мира»

просто «проникает» в сновидческую реальность, во-первых, потому что он достаточно могущественен для этого, во-вторых, сама сновидческая реальность рассматривается как потусторонняя, а сновидение — это «путешествие души» в другой мир, и в этом случае речь идет не столько о *вмешательстве* «потустороннего», сколько о *встрече* с «потусторонним». Таким образом, можно выделить два механизма сновидения в рамках метафизической модели: *проникновение* извне внутрь и *выход* изнутри наружу, но в любом случае мы имеем дело с преодолением границы (трансгрессией). Заметим, что в связи с принципиальной поляризацией «инога мира» переход границы может нести положительную функцию или отрицательную, отсюда разные слова, описывающие этот процесс: «откровение», «вдохновение» — для положительного проникновения, «одержимость» — для отрицательного проникновения; «экстаз», «духовное путешествие» — для положительного выхода, «блуждание» — для отрицательного выхода.

Онейропрактики. Метафизическая модель породила многообразные сновидческие практики. Например, предполагалось, что с помощью специальной подготовки, заклинаний, молитвы можно инициировать пророческое сновидение или откровение, в котором сновидящий получает ответ на поставленный вопрос; в древние времена существовали специальные люди, специальные места и ритуалы для вызывания и последующего толкования пророческих сновидений; в традиционных культурах онейропрактики были естественным образом вплетены в повседневную жизнь². Характерный признак развитых онейропрактик — создание так называемых «сонников» — «справочников» по толкованию сновидений. Все древние культуры имели такие руководства. Одно из самых знаменитых — «Онейрокриктика» Артемидора (Артемидор), в котором автор проложил границу между обыкновенными сновидениями и пророческими, вторые он разделил на «прямые» и «аллегорические» — именно последние

Не бойся принять Марию, жену твою; ибо родившееся в Ней есть от Духа Святого» (Матф. 1:20).

¹ В качестве примера могут выступить описанные в Библии сны Иосифа (Быт. 37:6-9), сны фараона, растолкованные Иосифом (Быт. 41:17-36), сон о мече Гедеона (Суд. 7:13-14), сон Мардохея (Есф. 1:1; Есф. 10:3), сны Навуходоносора, растолкованные Даниилом (Дан. 2:28-45; Дан. 4:6-25), сон Даниила (Дан. 7).

² Примеры см. в [5, с. 18-19; 57-62].

нуждаются в специальной процедуре толкования.

Христианская религия разделяла представления о сновидениях как «каналах» для божественного откровения, но при этом не исключалась возможность использования состояния сна «злыми силами». Это повлияло на отношение к существовавшим в античности онейропрактикам. Так, весьма противоречиво христианство относилось к практике истолкования сновидений: с одной стороны, признавалось существование истинных видений, в которых можно получить подлинные картины будущего, с другой стороны, возможность встретиться с ними была исключительно у великих святых и мучеников. Дело в том, что «сны от дьявола» по своему содержанию могут «имитировать» сны пророческие (что «от Бога»), но предполагается, что лишь святой способен отличить сон «божественный» от «дьявольского»¹. Поэтому простых людей Церковь старалась отвлечь от практики истолкования снов². И хотя официально практика истолкования сновидений не поощрялась, у людей тем не менее такая потребность, безусловно, существовала. «Испытывая недоверие к сновидениям, Церковь попыталась упорядочить практику их истолкования, выделив две категории привилегированных сновидцев, которые имели право и возможность видеть истинные, пророческие сны. Первая — это монархи, вторая — святые праведники» [5, с. 39-40]. Простые же люди шли за разъяснением своих снов к колдунам и знахарям, что, естественно, воспрещалось официальной церковью.

¹ В Библии дело доходит до того, что даже сам Бог призывает не верить снам некоторых пророков (Иерем. 23, 25-32)

² Первый Собор, состоявшийся в Анкире в 314 г., принял Канон XXIII, который гласил: «Те же, кто сохраняет языческие привычки и соблюдает указания авгуров или ауспиков, гадателей по сновидениям или иных прорицателей, или же приводит в дом к себе людей, дабы просить их предсказать будущее с помощью колдовского искусства... они присуждаются к исповеди и пятилетнему покаянию» [23].

Естественнонаучная модель

В связи с развитием в конце XIX в. естественных наук появился новый взгляд на сновидения. Естественнонаучная модель опиралась на материалистическую парадигму, а потому — в отличие от метафизической модели — не признавала какого-либо «иного мира». Наука полностью избавила сновидение от мистического ореола. Все представления о сновидениях в «чистой» естественнонаучной модели укладываются в рамки воззрений таких наук, как нейробиология и психофизиология. Здесь уже нет того богатства онейропоэтики и захватывающих сюжетов, свойственных метафизической модели.

Любопытно, что зерна естественнонаучной модели зародились еще в недрах метафизических представлений. Так, Гераклит объяснял сон закрытием органов чувств, в результате чего внешние души не могут проникнуть внутрь тела спящего, а поэтому во время сна человек создает свой собственный мир; при этом душа во сне неразумна, находится в забытии, так как выключены связи с внешним миром. Демокрит связывал сновидения с остаточным волнением органов чувств, которое продолжается еще и тогда, когда прекращается непосредственное воздействие внешних предметов на них; сновидение возникает потому, что в уснувших душах сохраняется некоторое движение ощущений, восприятию которых способствует ночная тишина [5, с. 33]. Позднее Аристотелем были написаны трактаты на тему сновидений [3;4], в которых он отрицал божественное происхождение сновидений, включая их в круг явлений природы. Вслед за Демокритом он полагал, что образы сновидений — ни что иное, как продукт деятельности наших органов чувств, совершающейся после того, как чувственное восприятие, связанное с непосредственным воздействием внешних предметов, прекратилось. Однако в самих органах чувств продолжается остаточное возбуждение даже после того, как объект удален. Это остаточное возбуждение и является источником сновидений подобно тому, как цвет, который мы воспринимаем длительное время, мы продолжаем видеть даже после

того, как отвели взгляд от того предмета, который изначально воспринимали [5, с. 34].

Позднее в XVIII—XIX вв. такие философы и ученые, как Т.Гоббс, Ламетри, П.Кабанис, Я.Пуркинье и др., высказывались в духе физиологии XX в., рассматривая сновидения как состояние, промежуточное между бодрствованием и глубоким сном, во время которого прерывается деятельность многих внешних чувств и часть функций мозга прекращает свое действие. К концу XIX в. наука полностью обесценила феномен сновидения и даже поставила его в один ряд с некоторыми патологическими феноменами — иллюзиями, галлюцинациями, бредом и даже психозами; примером могут служить взгляды В.Кандинского, А.Мори, Э.Крепелина и др. Лишь позднее в рамках естественнонаучной парадигмы появились интерпретации, в которых сновидение выполняло некоторые положительные для организма функции¹.

Качественно новый этап в изучении сна наступил в 1937 г., когда использование Е.Харвеем, А. Лумисом и Е.Хабартом электроэнцефалографии (ЭЭГ) позволило объективно выделить отдельные фазы сна. Дальнейшим прорывом стало обнаружение Н.Клейтманом и Ю.Азерински тесной связи между периодом быстрых движений глаз (БДГ-сон) и сновидениями². Только после этого стали задумываться о значении фазы сновидений в жизни человека³. Позднее был выявлен своеобразный «эффект отдачи», который состоит в том, что если испытуемых подвергнуть БДГ-депривации, т. е. будить сразу при возникновении согласованных движений глаз (и тем самым лишая сновидений), то в первую же ночь, когда испытуе-

мых предоставляют самим себе, время, проведенное в БДГ-фазе, значительно увеличивается: человек, которого в предыдущую ночь лишили сновидений, будет наверстывать упущенное следующей ночью. Ничего подобного не было отмечено у тех же испытуемых, если их будили столь же часто, но в других фазах сна, вне БДГ-активности. «Редко, кто выдерживал более семидесяти двух часов без сновидений. А у тех, кто выдерживал, в итоге начинались галлюцинации. Создается впечатление, что таким образом мозг пытается создать замену сновидениям, которых его лишили» [10]. Сегодня, после многочисленных экспериментов, едва ли кто сомневается в жизненной необходимости сновидений, хотя представления об их конкретных функциях до сих пор носят гипотетический характер.

Итак, рассмотрим характерные особенности представлений о сновидениях в рамках естественнонаучной модели.

Источник сновидения. По сути, единственными источниками сновидческих образов и переживаний в рамках естественнонаучной модели являются память человека, его воображение и его текущее восприятие.

Функция сновидения. На заре проникновения естественнонаучного мышления в область понимания человеческой души сновидение рассматривалось как иррациональная, спонтанная, хаотичная и бессмысленная работа спящего мозга, у которой нет какой-либо значимой для организма функции, а потому сновидение не рассматривалось как достойный объект научных исследований. Позднее сновидению начали приписывать некоторые физиологические и когнитивные функции, например, функция своеобразного отражения-преобразования — «небывалая комбинация бывалых впечатлений», по И.П. Павлову; образное переживание физиологических и патологических процессов, происходящих в момент сна в телесной сфере [8]; сновидение — это источник эмоций и переживаний, заполняющих ночной вакуум, это компенсация естественной сенсорной и эмоциональной депривации, связанной с отключением во время сна сенсорных систем от вос-

¹ Подробнее о развитии материалистических взглядов на сновидение см. в [5, с. 43-47].

² Описание этих и других исследований сна см. в [9, с. 50-52].

³ Так, в 1979 г. психолог-клиницист Гарри Фисс написал: «Очень нелегко... делать какие-либо твердые выводы о роли БДГ-сна на основании опытов по БДГ-депривации. Лишь одно можно сказать с уверенностью: БДГ-сон должен обслуживать какую-то жизненную функцию, поскольку в нем есть очевидная необходимость» (цит. по [5, с. 70]).

приятия внешних воздействий [1]; или более сложные функции: воспроизведение и упорядочивание информации и впечатлений, полученных за день, их интеграция с воспоминаниями, имеющимися у человека, и включение их в будущие жизненные стратегии; существуют также предположения, что фаза сновидений — необходимое условие для развития головного мозга, что сновидения способствуют более эффективному обучению и закреплению информации в долговременной памяти, что во время БДГ-сна восстанавливаются оперативные функции интеллекта после дневных нагрузок и т.д.¹

Причина сновидения. Факторами, инициирующими сновидения, могут быть «внешние», например: яркие события дня, стимулы, воздействующие на человека во время сна и пр., и «внутренние»: телесные ощущения, возникающие в теле сновидца, спонтанные воспоминания, образы, ассоциации и пр.

Природа сновидения. Естественнаучное представление о природе сновидения можно выразить в краткой формуле: сновидение — это продукт деятельности мозга. Во время сна активность телесной мускулатуры блокируется стволовыми отделами мозга, в то время как кора больших полушарий находится в состоянии избирательного возбуждения и торможения, что создает в сознании спящего иллюзию собственных движений, «внешних» событий, взаимодействия с какими-то персонажами и пр. В формировании образов сновидений играют роль как воспоминания о впечатлениях прошлого (например, прошедшего дня), так и текущие интересорецептивные импульсы, идущие от тела спящего. При этом возникает вопрос: насколько упорядочена активность мозга во время сновидения? Например, еще И.П. Павлов говорил о *хаотическом* растормаживании участков коры, определяющем спонтанный и непредсказуемый характер сновидения [13], и, похоже, большинство последователей естественнаучной модели придерживаются этой

позиции до сих пор. При описании механизма порождения сновидений чаще всего используются привычные для нейрофизиологии и психофизиологии термины: «возбуждение», «торможение», «расслабление», «напряжение», «раздражители», «ритмы мозговой активности», «фаза быстрого сна», «парадоксальная фаза», «БДГ-фаза» и пр. Конечно, такого рода описание слишком «техническое» и весьма невнятно отражает природу сновидений *как таковых*, и, самое печальное, что оно едва ли станет более информативным. Дело в том, что наука опирается на объективные методы, а такая «субъективная материя», как сновидение, едва ли может быть для них доступна.

Онейропрактики. Сновидческие практики в естественнонаучной модели можно разделить на экспериментальные (лабораторные) и утилитарные. Цель *экспериментальных* практик — с помощью различной исследовательской техники (ЭЭГ, МРТ и пр.) лучше понять механизмы и физиологическое значение феноменов сна и сноподобных состояний; примером могут служить эксперименты по депривации сна (БДГ-депривации), сенсорной депривации, моделированию измененных состояний сознания. При этом надо заметить, что естественнонаучный подход к сновидению чаще всего ограничивается изучением *сна* (а не сновидения). *Утилитарные* практики в основном сведены к различным мероприятиям по улучшению «качества сна» (аутогенная тренировка, использование лекарственных препаратов и пр.).

Психологическая модель

Если естественнонаучная модель — это антитеза метафизической модели, то психологическая модель возникла как оппозиция к первой и второй. В основу психологической модели легла «теория сновидений» З.Фрейда², которая впоследствии дополнялась и видоизменялась дру-

¹ Более подробный обзор функций сновидений (БДГ-сна) см. [5, с. 71-92].

² Имеется в виду работа Фрейда, вышедшая в свет в 1900 г. под названием «Толкование сновидений». Кроме того, Фрейд не раз возвращался к теме сновидений. Наиболее полный и законченный вид теории сновидений имеет в знаменитых «Лекциях», прочитанных Фрейдом в 1915-1917 гг.

гими представителями психодинамической парадигмы (А.Адлер, К.Юнг и др.)¹.

Источник сновидения. В рамках психодинамической парадигмы основным источником материала для сновидений являются нереализованные желания, «вытесненные инстинктивные импульсы», «бессознательные структуры», «коллективное бессознательное» и пр.

Функция сновидения. С точки зрения Фрейда, главная функция сновидения — обеспечение психологического комфорта путем осуществления в сновидной (символической) форме неосуществленных в период бодрствования желаний; сновидение — это относительно безобидный способ реализации бессознательных инстинктивных импульсов, а также разрешения внутриличностных конфликтов, их эмоционального отреагирования. С точки зрения Юнга, сновидение — это послание бессознательного, цель которого — встреча человека с теневой частью его души и возвращение ее к целостности («самости»), преодоление поляризации души и попытка ее интеграции. Адлер считал, что сновидение — это репетиция исполнения желания или достижения целей жизни; сновидение представляет собой стремление предсказать будущее, в нем человек прогнозирует трудности, которые могут встретиться на пути реализации этого будущего. Так, Адлер объяснял «пророческие сновидения», которые сбываются именно в силу того, что человек способен предугадать то или иное развитие событий — как позитивное, так и негативное, — и эта способность особенно ярко проявляется у человека во сне.

Причина сновидения. Пусковые факторы сновидения различаются в зависимости от психологической концепции: вытесненный внутриличностный конфликт, возникший как реакция на психотравмирующую ситуацию, чаще в далеком детстве (Фрейд), неприятие человеком теневой стороны своей души (Юнг), желания и жизненные цели индивида (Адлер).

Природа сновидения. С точки зрения Фрейда, во время сна критическая функция «цензуры» (нравственных запретов) ослабевает настолько, что вытесненные импульсы начинают проникать в сознание индивида. И хотя в сновидении неосознаваемые желания и тенденции проявляются более открыто, чем в бодрствующем состоянии, тем не менее «цензура» во сне полностью не исчезает — она не позволяет наиболее неприемлемым для личности желаниям проявиться прямо. Психика продельывает своеобразную «работу сновидения», которая состоит в трансформации материала, поступающего из бессознательного, в более или менее подходящую для сновидца форму². Таким образом, Фрейд в сновидениях выделяет два уровня содержания сновидения: явное содержание и скрытое содержание: *явное содержание* составляют образы, персонажи, события, которые человек видит в сновидении и запоминает при пробуждении; *скрытое содержание* составляют вытесненные ранее (главным образом в детстве) социально неприемлемые инстинктивные импульсы (сексуальные, агрессивные чувства и желания). Понятно, что эти два уровня принципиально не совпадают между собой.

Главное отличие позиции Юнга от подхода Фрейда заключается в том, что сновидение не скрывает «прорывающееся» бессознательное, а само по себе уже является проявлением бессознательного *как такового*. Юнг не видел разницы между явным и скрытым содержанием сновидения: по его мнению, материал бессознательного презентует себя в сновидении самым *непосредственным* образом; сновидение — это «окно в бессознательное». Язык сновидения — это *настоящий* язык бессознательного, а сновидение — это *послание* человека к самому себе и о самом себе. По Юнгу, все, что человек видит во сне, — это он сам, его душа в своих разнообразных проявлениях. Каждый

¹ Более подробно о различиях в представлениях о сновидениях Фрейда, Юнга и Адлера см. [17].

² Как известно, Фрейд описывал разные виды таких трансформаций-искажений первоначального материала сновидений: сгущение, опущение, символизация, вторичная обработка и пр.

объект, персонаж, предмет — это «проекция» одной из многочисленных «частей личности» человека: его желание, мотив, черта характера, социальная роль, чувство, представление о себе в будущем и пр. Таким образом, сюжет сновидения и взаимоотношения его персонажей, по Юнгу, отражают внутриличностные отношения индивида. Сновидение представляет собой специфическую форму *внутреннего диалога* между различными структурами бессознательного, сознательной частью личности и бессознательным; темы, затрагиваемые в нем, могут менять свой фокус и уровень, но основной и постоянной движущей силой, обуславливающей содержание сновидений и направленность разворачиваемого на их основе внутреннего диалога, является стремление к целостности, проявляющееся, в частности, в отреагировании травматических ситуаций и попытках синтеза с вытесненными частями психики [21, с. 44-48].

В отличие от Фрейда Адлер считал, что сновидение — это переживание *будущих* событий, а не событий, которые когда-то были вытеснены в бессознательное. Согласно Адлеру, жизнь человека и его поведение определяются его целями и желаниями, и сновидение не является исключением, в нем человек «проигрывает» свои планы, свои надежды, свои страхи. Адлер считал сновидения бессознательным способом сосредоточения на наиболее значимых жизненных целях. В сновидении желания и цели выходят на передний план, заостряются, акцентируются, преувеличиваются, а потому, нередко, сновидения показывают не просто исполнение желаний, а рисуют грандиозные картины исполнения любых, даже самых невообразимых фантазий.

Онейропрактики. Фрейд вернул сновидениям статус феномена, достойного внимания как исследователя, так и самого человека-сновидца. В частности, он реабилитировал практику толкования сновидений, хотя исходил он, конечно, при этом из своей концепции. Для Фрейда сновидение — это «царская дорога» в бессознательное, но для того, чтобы пройти по этой дороге, нужно совершить работу, обратную «работе сновидения», — с помощью тех-

ник свободных ассоциаций и интерпретации *расшифровать* символику сновидения, т. е. перейти от явного уровня сновидения к скрытому. Отсюда появление в рамках психодинамической парадигмы нового типа «сонников», где, несмотря на призывы к индивидуальному подходу в толковании сновидений, сосредоточились наиболее типичные интерпретации сновидческих «символов»¹.

В противовес классическому психоанализу Адлер считал, что сновидение необходимо рассматривать, во-первых, в контексте будущего, а во-вторых — в контексте социальных взаимоотношений; по мнению Адлера, в сновидении можно увидеть как неосознаваемый жизненный план, так и стиль жизни, с помощью которого человек стремится справиться со своими главными задачами: адаптацией к жизни и своей неуверенностью [2].

В определенном смысле Юнг интегрировал интерпретативные стратегии Фрейда и Адлера, ориентированные соответственно на прошлое и на будущее: он различал *ретроспективный* анализ сновидения, под которым понимал перенесение содержания сновидения в контекст ситуаций и обстоятельств прошлого (в том числе ближайшего прошлого), и *проспективный* анализ — рассмотрение содержания сновидения в контексте будущего личности [24]. Кроме того, Юнг, пожалуй, более всех остальных начал активно вмешиваться в содержание сновидения и разработал большое количество разнообразных техник работы со сновидением, позволяющих расширить его содержание. Например, он предлагал клиенту нарисовать сновидение, пластически выразить его, разыграть сюжет сновидения, вступить в диалог с одним из персонажей сновидения и поговорить от его имени, придумать продолжение сновидения и т.д. [21]. Некоторые перспективы развития

¹ Примером «стандартизации» символики сновидений может служить «сонник» Антонио Менегетти. Противоположный — альтернативный символическому — *метафорический* подход к сновидениям, опирающийся только на индивидуальное толкование, описан в [16].

онейропрактик в рамках психологической модели намечены в [16].

Возможна ли интеграция моделей?

Как уже говорилось выше, к настоящему моменту накопилось огромное количество разнообразных «теорий сновидений», каждая из которых претендует (в кругах своих последователей) на право «истинной». Это разнообразие, по словам И.А. Бесковой, создает «методологический кризис», поскольку один и тот же феномен сновидения интерпретируется «не только по-разному, но зачастую противоположным образом» [6, с. 5]. Выходом из этого И.А. Бескова считает создание *интегрального* («объемного») подхода к пониманию природы сновидений. Однако мы не ставим такую задачу, поскольку считаем ее, во-первых, не целесообразной в рамках нашего исследования, а во-вторых — невыполнимой в силу принципиальных разногласий между различными «теориями сновидений». На наш взгляд, попытка создать какую-либо «интегративную модель» сновидений приводит лишь к появлению новой «теории сновидения» и нисколько не «снимает с повестки дня» и не обесценивает предыдущие концепции. А потому нам представляется важным увидеть именно *разнообразие* подходов к сновидениям, которые можно лишь *упорядочить* в родственные группы — концептуальные модели. Что и было представлено выше.

Конечно, мы сознаем искусственность такого разделения, но оно было необходимо для того, чтобы не «захлебнуться» в массе разнообразных представлений. Выявленные модели — это не *новые* теории сновидений, а абстрактные схемы, полученные путем обобщения конкретных концепций. Они представляют из себя своеобразные оси координат, относительно которых можно расположить любую концепцию сновидений, в том числе обыденную. Возможно, определяющим критерием, позиционирующим любую теорию сновидения относительно главных осей координат, является представление об *источнике* сновидения: если источник располагается вне реального (физического) мира, то это означает, что концепция тяготеет к метафизической модели, если источник при-

надлежит физическому миру, то скорее всего мы имеем дело с естественнонаучной концепцией, если же источник помещается в особом, психическом пространстве (которое по своей феноменальной сущности не является ни физическим, ни метафизическим), то перед нами психологическая концепция сновидений.

Отсюда понятно, что метафизическая и естественнонаучная модели принципиально противопоставлены друг другу и едва ли могут быть интегрированы между собой, а вот психологическая модель занимает в определенном смысле *двойственное* положение: с одной стороны, она не нуждается в концепте «киного мира» для объяснения феномена сновидения — это сближает ее с естественнонаучной моделью, а с другой стороны, она утверждает некую гипотетическую *идеальную* (ирреальную) сферу, каковым является, например, «бессознательное», которое нельзя непосредственно ни почувствовать, ни зарегистрировать никакими приборами. Ну чем не метафизика?! Надо заметить при этом, что фрейдовское «Оно» с его биологическими инстинктами больше тяготеет к естественнонаучной модели, а юнговское «коллективное бессознательное» практически представляет из себя метафизический конструктор. А поэтому концептуальное взаимодействие психологической модели с двумя другими вполне возможно¹. Результатом этого взаимодействия становится рождение новой «теории сновидений», представляющей своеобразный более или менее согласованный *компромисс*, что-то вроде мозаики, сложенной из терминов и концептов, заимствованных из «родительских» теорий.

В настоящее время таких «компромиссных концепций» сновидений очень много. Например, попытки интегрировать психологическую и естественнонаучную модели были предприняты В.С. Ротенбергом, С.В. Авакумовым, в чьих работах активно используются дискурсы

¹ Только нужно понимать, что речь не идет об *интеграции* двух моделей, при которой происходит полноценное объединение, но лишь о *частичном* взаимодействии.

отечественной психологии, психиатрии, нейрофизиологии и психоанализа. Одним из примеров компромиссной концепции, занимающей промежуточное положение между психологической и метафизической моделью, можно считать концепцию С. Грофа, в которой первоначальная психологическая ориентация на изучение перинатального опыта, т. е. бессознательных переживаний, связанных с периодом беременности и родов, «обогащается» метафизическими представлениями о возможности переживания в сновидениях или других измененных состояниях сознания трансперсонального опыта, т. е. выхода за пределы физической реальности¹. Весьма любопытным примером в плане интеграции различных концепций может также служить концепция А. Минделла, которая стремится занять промежуточное положение между психологической, естественнонаучной и даже метафизической моделью²: в ней феномен сновидения описывается не только в научных — психологических и физических — терминах, но и в выражениях, заимствованных из традиционных верований.

Обыденные представления о сновидениях

Теперь, после того как расставлены главные указатели-координаты, мы можем наметить перспективы изучения *обыденных* представлений о сновидениях. Дело в том, что выше рассматривались представления, которые условно можно назвать «эксплицитными теориями сновидений», поскольку они, во-первых, создавались в рамках той или иной *концепции*: религиозно-мистической, естественнонаучной, психологической, а во-вторых, они были так или

иначе текстуально представлены, т. е. *описаны* в каких-то источниках. Если же говорить об обыденных представлениях о сновидениях, то их можно назвать «имплицитными представлениями», так как они *редко артикулируются* их носителями и в основном существуют в виде *смутно осознаваемых* установок и размытых концептов.

В плане соотнесения друг с другом эксплицитных теорий и имплицитных представлений о сновидениях можно предположить следующее:

- во-первых, эксплицитные теории являются *источником* имплицитных представлений о сновидениях;
- во-вторых, эксплицитные теории представлены в имплицитных представлениях не полностью, а лишь *фрагментарно*;
- в-третьих, фрагменты эксплицитных теорий образуют своеобразные «смеси», в которых *соединяются* представления из разных — подчас противоположных — теорий сновидений (например, могут соединяться фрагменты метафизической и естественнонаучной моделей), что вовсе не мешает им выполнять объяснительную функцию;
- в-четвертых, один и тот же человек может иметь *разные* «концепции» для разных типов сновидений, например, кошмарное сновидение он объясняет с позиции естественнонаучной модели, а прогностическое сновидение — с точки зрения метафизической;
- в-пятых, «выбор» человеком той или иной эксплицитной концепции зависит от ряда факторов, среди которых: образование, мировоззрение, влияние культуры, профессиональной деятельности, а также «объяснительная способность» концепции, ее «верифицируемость» и «валидность» в каждом случае понимания конкретного сновидения.

Перспективным, на наш взгляд, видится изучение обыденных представлений о конкретных типах сновидений у людей с разной профессиональной ориентацией с целью поиска в них «отголосков» тех или иных эксплицитных моделей, «теорий сновидений».

¹ См., например, работу С. Грофа «За пределами мозга».

² Дело в том, что Арнольд Миндел по первому образованию был физиком, затем увлекся юнгианским психоанализом, а кроме того, активно интересовался традиционными культурами. О его «интегративной» направленности красноречиво свидетельствует название одной из его книг: «Квантовый ум: грань между физикой и психологией» (Quantum mind: the edge between physics and psychology). Описание концепции Минделла см. в [6, с. 93-100], или в его книгах, например, [12].

Список литературы

1. *Авакумов С.В.* Психология сновидений // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2008. № 5. С. 3-7.
2. *Адлер А.* Сны и их толкование / Практика и теория индивидуальной психологии. М.: Фонд "За экономическую грамотность", 1995. С. 237-254.
3. *Аристотель.* О предсказаниях во сне / пер. М. А. Солоповой // Интеллектуальные традиции античности и средних веков (Исследования и переводы). М.: Кругъ, 2010. С. 169-175.
4. *Аристотель.* О сновидениях / пер. О. А. Чулкова // Академия. Вып. 6. СПб., 2005. С. 423-432.
5. *Артемидор.* Онейрокритика / пер. с древнегреч. СПб.: Кристалл, 1999.
6. *Бескова И.А.* Природа сновидений (эпистемологический анализ). М.: ИФ РАН, 2005.
7. *Гроф С.* За пределами мозга: Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М.: Изд-во Трансперсонального ин-та, 1993.
8. *Касаткин В.Н.* Теория сновидений. Л.: Медицина, 1983.
9. *Корен С.* Тайны сна: путешествие в загадочный мир сна. М.: Вече, АСТ, 1997.
10. *Линн Д.* Полные пригоршни снов. Раскройте тайну мира сновидений. Киев: София, 2000.
11. *Менегетти А.* Словарь образов: практическое руководство по имагогике. Л.: ЭКОС, 1991.
12. *Минделл А.* Ученик создателя сновидений. Использование более высоких состояний сознания для интерпретации сновидений. М.: Урания, 2003.
13. *Павлов И.П.* Проблемы сна. Киев: Госмедиздат, 1953. 347 с.
14. *Рабинович Е.И.* Сновидение как механизм модернизации традиционной культуры Тибета // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. Т. 87. № 1. С. 17-24.
15. *Ротенберг В.С.* Сновидения, гипноз и деятельность мозга. М.: Центр гуманит. лит. РОИ, 2001.
16. *Трунов Д.Г.* Онейротерапия — путь сновидений // Психологическая газета. 2004. № 11. С. 16-17.
17. *Трунов Д.Г.* Развитие психодинамической теории сновидений // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 1. С. 64-74.
18. *Трунов Д.Г.* Терапевтическое толкование сновидения: от символа к метафоре // Психология и психотехника. 2010. № 8.
19. *Фрейд З.* Толкование сновидений. Обнинск: Титул, 1992.
20. *Фрейд З.* Введение в психоанализ: лекции. М.: Наука, 1989. Ч. вторая. Сновидения. С. 50-153.
21. *Холл Дж.* Юнгианское толкование сновидений. Практическое руководство. СПб.: Б.С.К., 1996.
22. *Христофорова О.Б.* К вопросу о структуре приметы // *Arbor mundi*. 1998. № 6. С. 30-47.
23. *Экзегетика снов: европейские хроники сновидений.* М.: Эксмо, 2002.
24. *Юнг К.* Тэвистокские лекции. СПб.: Кентавр, 1995.

THE REPRESENTATIONS ABOUT DREAMS: THE BASIC MODELS

Dmitry G. Trunov, Mariya A. Vodenikova

Perm State National Research University, 15 Bukirev str., Perm, Russia, 614990

In article the basic historical models of representations about dreams are described: metaphysical, natural-science, psychological. For the description of models following descriptive criteria are used: a source, functions, the reason, the nature of a dream and used experts of dreams. Concepts are entered: explicit concepts of dreams and implicit representations about dreams.

Keywords: dreams; models of representations about dreams; metaphysical model; natural-science model; psychological model; oneiropractise; interpretation of dreams; explicit concepts of dreams; implicit representations about dreams.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 101.11:316

АМЕРИКА В ПОИСКАХ НОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: КОНЦЕПЦИЯ
СВОБОДНОГО АГЕНТА Д. ПИНКА*К.В. Патырбаева*

В статье репрезентирована концепция «свободного агента» американского ученого Д. Пинка, которая интересна неординарным подходом к интерпретации занятости в современном обществе и раскрывает, как меняется человек, его взгляды, ценности и, в конечном счете, трудовая идентичность. Концепция Д. Пинка вносит существенный вклад в разработку концепции субъекта современного общества.

Ключевые слова: труд; субъект труда; трансформация занятости; свободный агент; идентичность.

Книга Д. Пинка «Нация свободных агентов» посвящена новому субъекту экономики — свободному агенту, для которого характерны новый трудовой стиль и новый образ жизни. Для написания данной книги Д. Пинк провел «полевое исследование», он много путешествовал, встречаясь и беседуя с людьми, которых он называет «независимыми работниками». В свое время Д. Пинк сам пережил определенный мировоззренческий кризис, заставивший его поменять работу. Вопрос о том, почему люди готовы оставить постоянное место работы и стать «независимыми работниками», и к каким последствиям это приводит, становится для Д. Пинка одним из основных.

Концепция Д. Пинка раскрывает противопоставление *двух типов человеческой идентичности* — «человека организации» и «свободного агента».

Одна из главных концептуальных идей Д. Пинка — это *конец человека организации*. Человек организации — обобщенное наименование для индивидов как наемных работников, которые трудятся на условиях полной занятости на определенную компанию (организацию) и получают заработную плату.

По мнению Д. Пинка, конец XX и начало XXI столетия характеризуются тем, что во всех

отраслях и регионах экономики США занятость переживает очень серьезные трансформации: «Миллионы жителей США, как и все больше граждан других стран, отказываются от одного из самых долгосрочных результатов промышленной революции, постоянного рабочего места и создают новые формы занятости. Они становятся самостоятельными работниками умственного труда, владельцами домашнего бизнеса, временными и постоянно-временными работниками, фрилансерами и «е-лансерами», независимыми контракторами и специалистами, микро-предпринимателями и «инфо-предпринимателями», консультантами с неполной занятостью, временными администраторами, специалистами по устранению неисправностей по вызову и «солистами», постоянно работающими в одиночку. Многие из тех, у кого по-прежнему номинально есть рабочее место, трудятся в условиях, которые, по сути, позволяют считать их скорее свободными агентами, чем традиционными работниками. Они общаются с помощью компьютера. Они переходят из компании в компанию. Они создают предприятия, которые юридически являются их работодателями, но сами фактически зависят от их труда. Еще они меняют или вынуждены менять стабильную зарплату на оплату труда по результа-

там — комиссионное вознаграждение, акционерные опционы и бонусы, оговоренные в контрактах» [1, с. 26–27].

Знание об этих новых независимых работниках, по мнению Д. Пинка, имеет первостепенное значение для осмысления как трудовой деятельности отдельно взятым индивидом, так и для понимания будущего экономического развития стран и регионов [1].

Свободный агент — это, прежде всего, отрицание человека организации, его целей, формы занятости, образа жизни, которым он вынужден жить. Иначе говоря, это обретение *новой идентичности*. Концепция человека организации была разработана в середине XX в. У. Уайтом. Понятие «человек организации» раскрывало квинтэссенцию американского работника. Человек организации — это чаще всего мужчина, который отказывался от своей индивидуальности и амбиций ради служения крупной организации, вознаграждавшей его за пожертвование регулярной заработной платой, обещанием стабильной работы и надежного места под солнцем. Люди организации, с одной стороны, проповедовали индивидуализм, однако, с другой стороны, они довольствовались хорошей работой с достаточной заработной платой и достойной пенсией и симпатичным домом в приятном месте, населенном людьми, как можно более похожими на них. Они придерживались особой «социальной этики», в центре которой была организация: катехизис трудовой этики гласил, что если вы преданы организации, она будет преданна вам. Чувство принадлежности значило больше, чем индивидуальность, а коллективизм — больше, чем возможность самовыражения. У. Уайт обнаружил, что трудовая этика человека организации распространяется далеко за пределы корпораций — с ней можно встретиться и в университетах, и в лабораториях. Отношение корпораций к работникам в тот период можно назвать термином «корпоративный патернализм» — компания являлась как бы родителем для своих тружеников, относилась к своим сотрудникам с родительской заботой и попечительством. В эпоху человека организации существовали общепри-

нятые представления о работе — это голубой или белый воротничок, рабочие ботинки, серый фланелевый костюм. Люди обычно приходили на работу в одно и то же время и уходили домой стройными рядами. Для единообразной работы нужны были «единообразные работники».

Организация и управление трудом строились на основе управленческих технологий Ф. Тейлора. В основе его теории научного управления лежали повторяемость, рутинизация, стандартизация и «наилучший способ» (One best way) трудовых операций. Этот метод всецело соответствовал массовому производству (машинного типа).

Однако ситуация изменилась в конце 1980-х и особенно в 1990-е гг., когда начался отход от массового производства. Система Тэйлора (Taylorism) перестает работать, когда мы говорим о «свободном агенте». В основе экономики свободных агентов лежат персонализация, кастомизация и интересы личности. Д. Пинк называет это индивидуальным подходом к трудовым отношениям (tailorism). В условиях индивидуального подхода свободные агенты строят свою трудовую жизнь в соответствии со своими потребностями и желаниями, отказываясь от стандартных ценностей, правил и форм трудовой занятости. Индивидуальный подход к трудовым отношениям является противоположностью этики единого корпоративного стандарта, характерного для эпохи человека организации.

С появлением «свободного агента» начинается пересмотр главных представлений о работе и жизни в современных США. Новые взгляды состоят в следующем:

1. Трансформируется привязанность к работе. В отличие от «вертикальной» привязанности индивида к своей организации привязанность свободных агентов носит «горизонтальный» характер. Это привязанность не к рабочему месту, не к организации как к работодателю, а искренняя преданность своим клиентам, коллегам, бывшим сотрудникам, командам, профессии, проектам, отраслям.

2. Рабочая сила находится в свободном движении и работает без учета общественного договора о трудоустройстве. Сегодня на первом

месте — общественный договор между обществом и свободным агентом, предполагающий, что человек обменивает свой талант на возможности.

3. Рост перестает рассматриваться как главный критерий экономического успеха.

4. Экономическая защищенность свободного агента приобретает новый характер: в ее основе лежит диверсифицированный портфель заказов, потребителей, проектов.

5. Для большинства свободных агентов характерно стирание границы между работой и семьей.

6. Меняется роль женщин. По мнению Д. Пинта, женщины «вполне могут стать лидерами экономики свободных агентов» [1, с. 38].

7. Рост числа свободных агентов способствует укреплению социальных связей, созданию общности. Свободные агенты способны создавать «истинную общность», основанную на правильно понимаемых индивидуальных интересах.

8. Сегодня не индивиды заинтересованы в организации, а, наоборот, организации в индивидах. Если работники — свободные агенты, то их можно заинтересовать или поставить перед ними сложную задачу, но не удержать.

9. Система образования, особенно школы, отстают от реальности, где ведущую роль занимает свободный агент. По мнению Д. Пинка, многие реформы в области образования были направлены на совершенствование тейлористских решений для тейлористской рабочей силы.

Д. Пинк указывает, что при подсчете количества свободных агентов возникают сложности. «Проблема заключается в том, — пишет он, — что свободные агенты, а также все больший процент трудящихся не очень хорошо вписываются в категории «работодатель» и «работник». Свободные агенты не являются ни работодателями, ни работниками; они одновременно те и другие» [1, с. 42].

По мнению Д. Пинка, для удобства статистических расчетов необходимо выделить различные категории (типы) новых работников. Он дает классификацию, включающую три типа свободных агентов:

1. «Солисты» или самостоятельные работники. Это наиболее распространенный тип. К нему могут быть отнесены люди, работающие на себя, обычно в одиночку, переходящие от одного проекта к другому и продающие свои услуги. При этом они добровольно переходят в статус «свободного агента». Для наименования данного типа занятости также часто используют термин «фрилансинг» (от английского *free lance* — вольный копейщик). Используемое первоначально даже с презрением сегодня термин «фрилансинг» (freelancing) используется с большим уважением. Как отмечает Д. Пинк, названия многих современных профессиональных ассоциаций включают слова *freelance* или *freelancers*. В данной категории работников возникла даже специфическая подкатегория, которую профессор Массачусетского технологического института Том Мэлоун назвал «елансерами» (e-lancers). «Е-лансеры» ищут работу через Интернет, создают виртуальные команды для выполнения определенных проектов, а по их завершению вновь расходятся в виртуальном пространстве. Термин «фрилансер» (freelancer) носит разговорный характер. Его синонимом в современной юридической литературе выступает термин «независимый контрактор», определяющий нового типа работника через отрицание. Независимый контрактор — это не наемный работник, он не состоит в длительных (постоянных) отношениях с одним работодателем. Для обозначения «солистов» используются такие термины, как консультанты (consultants), пермалансеры (permalancers), техно-ковбои (techno-cowboys), наемные стрелки (hired guns), одинокие бродяги (lone rangers), гуру (gurus), кочевники (nomads), цыганы (gypsies), таксисты (cab drivers) и охотники за информацией (information backpackers), орлы-одиночки (lone eagles), портфельные работники (portfolio worker). Компания Aquent Partners, специализирующаяся на найме временных работников, использует термин «независимые профессионалы» (Independent professionals). У «солистов» есть целый портфель клиентов, задач и ролей, а не единственная функция, узкая задача и один работодатель.

Число людей, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью, в США возросло с 1998 по 2000 г. с 22% до 26% и по данным ежегодного обследования независимой рабочей силы Aquent Index — 33 млн (почти четверть от общего количества занятых). Прогнозы показывают возможный дальнейший рост данной категории занятости, поскольку, согласно исследованию 1996 г., более 80% обследуемых предпочитали свой статус «независимого контрактора» работе на работодателя. При этом они имели доход примерно на 15% выше, чем их коллеги, работающие по найму.

2. *Временные работники.* Они, в отличие от первой группы, часто вынуждены становиться свободными агентами не по собственной воле. Согласно исследованиям, большинство временных работников предпочитают изменить свой статус, если условия рынка труда или их личное положение изменится. Они могут быть разделены на две большие группы: 1) высокооплачиваемые высококлассные специалисты своего дела; 2) временные квалифицированные или низкоквалифицированные работники, которые получают оплату за свой труд, но не имеют привилегий, которыми обладают «полноправные» сотрудники компании.

3. *Микропредприниматели.* В настоящее время растет число очень малых предприятий, где работает иногда 2–3 чел., некоторые из них могут работать на временной основе, занимаясь своим делом помимо основной работы. Другие работают в отраслях, в которых оплата производится наличными и потому ускользают от внимания государственных статистических служб. Количественные оценки микропредприятий в США расходятся, однако, как правило, называется цифра около 20 млн и более. Ранее существовал стереотип, что работа на дому — это, преимущественно, женская работа, сегодня можно опровергнуть. По данным исследований в США более половины надомных работников — мужчины. «Среднему надомному работнику 44 года, он женат, имеет специальное образование (помимо среднего) и занимается работой на дому почти десять лет» [1, с. 52]. При этом влияние женщин в сфере микро-

предпринимательства также растет. Большинство такого рода предприятий могут быть отнесены к двум типам: 1) предприятия по техническому обслуживанию (уборка, ремонт, строительство); 2) предприятия, оказывающие услуги другим предприятиям (обработка данных, графика, бухгалтерский учет). Достаточно интересной разновидностью подобного рода предприятий являются *нанокорпорации (nanocorp)* (термин Джима Симонса и Тимлина Бабицки) — «ужасно маленькие предприятия», причем размер такого предприятия отражает личные предпочтения владельцев и лежит в основе конкурентной стратегии.

Для того чтобы «свободный агент» исторически начал свое существование, по мнению Д. Пинка, необходимы «четыре ингредиента»:

1. *Должны измениться отношения между индивидом и организацией.* Ранее индивиды делали то, что предписывала им корпорация, а корпорация обеспечивала им пожизненную занятость (например, компания IBM гарантировала своим сотрудникам, что никогда не уволит их). С определенного времени (1980 — 1990-е гг.) подобная политика стала трудновыполнимой. Патерналистские отношения между индивидом и корпорацией разрушились.

2. *Должны сформироваться новые технологии.* До промышленной революции было достаточно мало людей, имеющих «работу» как официальную занятость. Кроме немногочисленных солдат и священников почти никто не работал в крупных организациях. У основной массы трудящихся в этом не было потребностей, поскольку люди могли легко приобрести и хранить дома то, что необходимо для производства на дому. Только когда средства производства стали слишком дороги и громоздки для того, чтобы держать их дома и поддерживать в работоспособном состоянии силами одного человека, началось доминирование крупных организаций. В условиях индустриальной экономики средства производства были слишком дороги и сложны для одного человека и уже не помещались в доме. Сегодня во многом благодаря результатам информационной революции, средства производства вновь стали доступны-

ми, недорогими, возможными для хранения дома и обслуживания одним человеком — имеется в виду, прежде всего, компьютер, программное обеспечение. По некоторым оценкам, сегодня на пять человек приходится три компьютера, а домашний офис способен обеспечивать «такую же вычислительную мощность, как начинка космического корабля «Аполлон-11» [1, с. 61]. Многие устройства становятся портативными. По словам Д. Пинка, «это делает средства производства подобными раковине улитки, то есть технологическому «дому», который работники умственного труда всегда могут носить с собой» [1, с. 61].

3. *Должен быть сформирован определенный уровень благосостояния.* Д. Пинк говорит о том, что к 1990-м гг. уровень жизни среднего класса достиг определенного достаточно высокого уровня. По его мнению, «когда ожидание комфорта вытесняет страх перед бедностью, функции занятости расширяются. Работа становится не просто источником средств к существованию. Люди начинают работать не просто для того, чтобы заработать деньги, но и для того, чтобы наполнить смыслом свою жизнь. Если человеку не нужно беспокоиться о жилье и об удовлетворении других первоочередных потребностей, он вполне может заниматься тем, что ему нравится, то есть тем, что позволяет удовлетворять духовные потребности. Поскольку работа в корпорации оказывается лишённой смысла, все больше работников становится свободными агентами» [1, с. 63]. Работа стала возможностью для самореализации. В эпоху недорогих компьютеров, беспроводных портативных устройств, широкого распространения и дешевизны доступа к Интернет трудящиеся могут быть собственниками своих компактных и высокоэффективных средств производства. Данный феномен Д. Пинк условно называет «цифровой марксизм» [1, с. 65].

4. *Должны произойти радикальные изменения в структуре и деятельности организаций.* Сегодня «период полураспада» организаций сокращается — организации возникают и исчезают гораздо быстрее, чем ранее. «Жизненный

цикл компаний сжался, как время в интернете», — отмечает Д. Пинк [1, с. 64].

Для человека организации работа означала отказ от себя и подавление своей индивидуальности ради достижения внешней цели. Сегодня трудовая этика переживает серьезные трансформации.

В свое время А. Маслоу доказал, что человек — это нечто большее, чем просто фрейдистский клубок подсознательных побуждений. Человеческая мотивация имеет более глубокие причины и более глубокую цель, а именно — самоактуализацию, которая способствует раскрытию заложенных в человека талантов и потенциальных возможностей. По мнению Д. Пинка, именно пирамида Маслоу с потребностью в самоактуализации на ее вершине — это ключ к пониманию свободных агентов как новой рабочей силы. Когда базовые потребности людей удовлетворены, они стремятся к работе, наполненной смыслом. Новую трудовую этику свободного агента составляют четыре ценности: свобода, возможность оставаться самим собой, ответственность, собственные критерии успеха.

Свобода как возможность поступать по своей воле стала основой осмысленной работы. Каждый понимает самостоятельность по-своему. Для кого-то самостоятельность — это, прежде всего, свобода слова, для кого-то — возможность выбирать проекты, в которых участвовать для большинства свободных агентов свобода означает *мобильность, разнообразие и контроль*. Для некоторых свободных агентов высшим проявлением свободы является свобода совести — их заставляли уходить из крупной организации этические соображения (по данным 1999 г. 30% работников сталкивались с неэтичным поведением на работе). Некоторые американские компании пытались завоевать или купить свободу личности — окружая опекой своих сотрудников, обещая обогатиться при помощи акционерных опционов и пр.

Новая трудовая этика свободных агентов сегодня допускает, а иногда даже требует самовыражения. Для многих свободных агентов ра-

бота неотделима от собственного «я» (это имеет свои плюсы). Однако если работа глубоко проникла в ваше «я», от нее сложнее абстрагироваться, а это значит, что работа может целиком поглотить человека и даже подавить его личность. Решению данной проблемы Д. Пинк не уделяет особого внимания — он только обозначает ее как проблему и двигается дальше, выделяя помимо свободы и стремления оставаться самим собой третий важный компонент новой трудовой этики — это ответственность, понимаемая как способность отвечать за работу своей головой и репутацией.

По мнению многих свободных агентов, на традиционной работе управленческая пирамида обычно расплывает ответственность (не всегда работнику ясно: плохо или хорошо он выполняет свою работу). Когда же человек работает как свободный агент, в его распоряжении — огромная степень свободы и в то же время — очень большая ответственность. Для многих свободных агентов ответственность неотделима от свободы, от нее же (ответственности) зависит и степень удовлетворения от работы. Один из консультантов в шутку даже называет себя «результантом» — это иллюстрирует нам новое отношение к работе, не известное «человеку организации». Для многих свободных агентов деньги перестают быть главным стимулом к работе. Одно из исследований в 1999 г. показало, что деньги не являются главным побудительным мотивом для девяти из десяти респондентов: они заявили, что основным фактором, повлиявшим на их решение стать независимыми работниками, была возможность устанавливать собственные приоритеты и ни от кого не зависеть [1, с. 83]. Одной из причин, заставлявшей людей покидать их старую работу, часто была скука, как следствие невозможности самостоятельно решать сложные задачи и постоянно учиться.

Продвижение по службе как традиционный стимул к труду также перестает быть значимым для свободных агентов, тогда как для человека организации успех определялся его служебным положением. Д. Пинк использует интересную мысль для иллюстрации отношения к служеб-

ному продвижению свободными агентами. Он называет это принципом анти-Питера. Согласно принципу Питера, люди продвигаются по служебной иерархической лестнице до тех пор, пока не получают должность, на которой они оказываются некомпетентны. Согласно новому принципу анти-Питера, сформулированному Пинком, люди продвигаются по служебной лестнице до тех пор, пока они получают от этого удовольствие — когда удовольствие исчезает, талантливые работники (прежде всего, люди творческого склада и изобретатели) увольняются [1, с. 85].

Свободные агенты склонны к тому, чтобы самим формулировать критерии успеха.

Для свободных агентов радостная работа сама по себе часто является добродетелью — сама себе служит наградой.

Д. Пинк резюмирует новое трудовое кредо современных работников следующим образом: «Упорный труд ради награды в будущем нередко приносит пользу, но работа должна иметь ценность сама по себе. Поскольку ни одна должность не вечна, всегда есть другие варианты, и никто не страдает от бедности. От того, что делаешь, вполне можно получать удовольствие. Делай хорошо ту работу, которая позволяет по-настоящему выразить себя. Используй свою свободу для того, чтобы взять на себя ответственность за работу. Сам решай, что такое успех. И если ты не получаешь удовольствия, хотя бы время от времени, значит, ты делаешь что-то не то» [1, с. 89].

Появление «свободного агента» оказывает влияние также на трансформацию трудового договора — меняются две ключевые ценности трудового договора эпохи организационного человека: социальная защищенность и преданность организации. Сегодня необходима диверсификация работы, поскольку нет гарантии занятости. Диверсификация, т. е. распределение риска за счет использования независимым работником портфеля проектов, подрядчиков, навыков и заказчиков, — это оптимальная стратегия хеджирования. Также есть и другие методы страхования, например, работа по совместительству (во времена человека организации ра-

бота по совместительству была табу, сегодня совместительство вновь «реабилитируется»). Претерпевает также изменения понятие преданности компании. Перестает занимать центральное место «вертикальная преданность», когда работник преданно выполняет все поручения начальника, а последний предан работнику в предоставлении различных благ. «Но на самом деле, — полагает Пинк, — именно вертикальная преданность, которая иногда бывает удобна, в целом весьма опасна. Например, глубокая привязанность к одной организации может нанести ущерб личности. Длительная работа на одного работодателя может привести к притуплению навыков и нарушить контакт с быстро меняющимся миром, в результате чего преданность может превратиться в зависимость» [1, с. 101]. При этом Пинк отмечает, что преданность не исчезает полностью, она начинает носить иной характер. «Преданность, которую вы найдете, будет уже не вертикальной, а горизонтальной, распространяющейся не снизу вверх и сверху вниз, а во всех направлениях», — делает вывод исследователь [1, с. 102]. Речь идет не просто о преданности начальству (тем более, что часто начальством для свободного агента выступает он сам), а о преданности командам, коллегам, бывшим коллегам. Еще одной формой горизонтальной преданности является преданность свободных агентов своему цеху: не имея связей в профессиональной среде, труднее повышать квалификацию, оставаться в курсе современных тенденций и находить новые заказы. Этим объясняется быстрый рост количества членов профессиональных ассоциаций (объединений людей, имеющих общий род занятий) и сокращение количества членов отраслевых профсоюзов (объединений людей, работающих на одного работодателя). Свободные агенты выражают свою преданность проектам и продуктам — в этом проявляется своеобразная «гордость мастера» (которыми, по словам Д. Пинка, и считают себя многие свободные агенты). Вместе с тем возрастает преданность семье: те, кто работает дома, чтобы быть ближе к детям; те, кто работает на условиях неполной занятости, чтобы лучше выполнять семейные

обязанности, — все эти люди, по мнению Д. Пинка, демонстрируют горизонтальную преданность.

Вертикальная и горизонтальная преданность отличаются не только количественно, но и качественно. Если в основе вертикальной лояльности лежала одна прочная связь, то горизонтальная преданность предполагает множество связей различной прочности и продолжительности. Вертикальную лояльность можно сравнить с толстой веревкой, горизонтальную — с тонкой паутиной.

Результатом будет новая суть трудового договора: свободные агенты меняют свой талант на возможности (в эпоху человека организации трудовой договор выглядел как «преданность в обмен на социальную защищенность»). Возможности, которые свободные агенты получают в обмен на талант, могут иметь различную форму. Это может быть возможность поработать над интересным проектом, приобрести новые навыки, познакомиться с новыми людьми и увеличить сеть своих связей, получить удовольствие и, конечно, заработать. Возможности, понимаемые как деньги, знания, удовольствие и связи — вот то, к чему стремятся свободные агенты и что должны им предоставить организации и покупатель.

Для свободного агента важной характеристикой становится график работы и меняется отношение ко времени. В индустриальной системе производства значение времени были иными, чем сейчас. Время было основной единицей, на самих работников смотрели как на человеко-часы, которые работодатель мог купить и использовать по своему усмотрению (а именно — выжать из них все возможное). Представление о работе как о человеко-часах привело к возникновению почасовой оплаты. На новом рабочем месте большинство работников (свободные агенты или наемные работники) — это уже не просто человеко-часы. Многие из них продают больше, чем свое рабочее время, — они продают знания, талант, опыт, идеи, творческие способности, умение решать проблемы, т. е. то, что трудно измерить и еще сложнее сосчитать (особенно используя систе-

му Тэйлора). Многие работники нового типа берут оплату за конкретный проект или решение определенной задачи, а не за часы рабочего времени: важны результаты труда, а не время физического присутствия на рабочем месте, не то, сколько часов и когда ты работал. Свободные агенты создают собственные схемы труда и отдыха, они сами контролируют свой график и в этом заключается основной плюс их работы. Минусами являются размытость границ между рабочим и свободным временем и непредсказуемость.

Закономерно возникает вопрос: уходя с традиционной работы, не остаются ли свободные агенты в изоляции в изоляции? На этот вопрос Д. Пинк дает отрицательный ответ — свободные агенты не работают в одиночку, они создают новые организации, заменяющие сообщества коллег (они существуют в форме FAN-клубов, «мозговых центров», конфедераций, сетей предпринимателей, объединений «выпускников компании» и других добровольных объединений). Это неструктурированные организации, создаваемые «снизу». Их членов связывает горизонтальная преданность друг к другу, они призваны укреплять человеческие и профессиональные связи. Отношения между членами подобных объединений носят неформальный характер, отличаются гибкостью, могут носить временный характер и отличаются большой подвижностью отношений между членами. Эти факты разрушают мнение, что американское общество становится фрагментированным, происходит разрушение сообщества.

Новая схема отношений свободных агентов знаменует собой явление, которое социолог Барри Уэллман называет процессом массового перехода «от изолированных ячеек к социальным сетям» [1, с. 147]. Для свободных агентов слабые связи порой оказываются ценнее прочных, а количество контактов независимого работника — важнее их качества. Д. Пинк уверен, что «сила слабых связей имеет принципиальное значение для понимания организационной структуры свободных агентов. Такие редкие отношения связывают свободных агентов с людьми, имеющими другой круг знакомых, от-

личный от их круга. Именно потому, что эти связи слабы, они позволяют свободному агенту получать новые идеи, информацию и возможности» [1, с. 148].

Д. Пинк полагает, что «организационная структура свободных агентов подвижна и поэтому менее иерархична». Некоторые исследователи, например Марьянски и Тернер, полагают, что именно организационная структура свободных агентов (а не жесткая вертикальная организационная структура корпорации) лучше сочетается с человеческой природой и нашим эволюционным наследием. Кроме того, отмечает Д. Пинк, организационная структура свободных агентов, т. е. сеть, гораздо больше похожа на Интернет, а это наводит мысль о том, что свободные агенты в большей степени приспособлены к жизни в век информации, чем сотрудники традиционных корпораций [1, с. 150].

Организационная структура свободных агентов имеет своего рода «операционную систему», понимаемую как своеобразный код, позволяющий системе работать без сбоев. По мнению Д. Пинка, такой операционной системой является доверие. Некоторые ученые считают, что «взаимный альтруизм» заложен в человека генетически — предок человека должен быть делиться со своими соплеменниками, чем обеспечивалась взаимопомощь.

Далее Д. Пинк показывает, что к настоящему времени сложилась целая инфраструктура, служащая основой работы свободных агентов. Она включает копировально-множительные центры, кафе, книжные магазины, бизнес-центры, Интернет, почтовые учреждения, службы экспресс-доставки. Такая система не управляется из единого центра, а носит самоорганизующийся характер и состоит из частных предприятий.

В современную эпоху появились новые профессии, необходимые для успешного функционирования «рынка талантов». Наиболее характерными из них являются:

1) *антерпренеры* — посредники, связывающие покупателей, ищущих талантливых работников, с самими талантливыми свободными агентами, нуждающимися в проектах;

2) *агенты* (в том числе *агенты талантов*) — они представляют интересы независимых работников, ведут от их имени переговоры и дают им советы по личным и профессиональным вопросам;

3) *тренеры* — они играют роль консультантов по проблемам работы, а также помогают свободным агентам справляться с личностными проблемами, связанными с трудом и жизнью.

Изменения происходят и в семейной жизни свободных агентов. Индустриальная экономика разделяла работу и семью, экономика свободных агентов их воссоединяет: свободные агенты смешивают работу и семью. Сегодня растет число малых и средних семейных предприятий (они обеспечивают примерно 60% рабочих мест в мире). Частыми становятся браки между свободными агентами (до индустриальной экономики супруги часто работали вместе).

В эпоху свободных агентов меняется понимание того, до какого времени люди должны работать. В XIX в. люди работали до того времени, пока у них были силы. В XX в. они работали до ухода в отставку или выхода на пенсию, в XXI в. люди будут работать до тех пор, пока не достигнут нового, еще не имеющего названия этапа жизни. Д. Пинк утверждает, что в эпоху Интернета выход на пенсию примет иной вид, он называет ее «е-пенсией»: вместо того, чтобы полностью оставить работу, люди будут продолжать трудиться в качестве свободных агентов, находя вакансии и выполняя заказы при помощи Интернета. В подтверждение неизбежности этой тенденции Пинк приводит ряд демографических фактов:

1) американцы стали жить дольше и лучше (средняя продолжительность жизни приближается к 76 годам);

2) пожилые американцы готовы, хотят и могут работать;

3) в будущем американцы хотят работать на своих собственных условиях;

4) пожилые американцы готовы использовать возможности Интернета.

Исследователь феномена свободных агентов считает, что кардинальные изменения ожидают также систему образования. Он заявляет,

что «средняя школа в том виде, в каком мы ее знаем, прекратит свое существование. Ее заменит и дополнит система образования, ориентированная на практику, более соответствующая экономике свободных агентов. А этика самообразования, усвоенная в юности, будет помогать и в зрелом возрасте, снижая ценность полученных в колледже дипломов и увеличивая ценность неформальных, самостоятельных методов обучения» [1, с. 246]. По мнению Д. Пинка, школа прежнего образца, система среднего образования индустриальной экономики всецело соответствовала обществу «человека организации», которому в будущем предстояло работать на заводах, фабриках, в корпорациях. Подобно тому, как на заводе об окончании рабочего дня сообщал гудок, в школе эту роль выполнял звонок. Рейтинговую систему оценок в школе в будущем заменит дифференцированная оплата труда, согласно ставкам. Д. Пинк не говорит об уничтожении системы общего образования вообще, он говорит о том, что система образования должна отвечать современным реалиям. Школа должна измениться. Кроме того, возможно, увеличится роль обучения на дому.

Далее Д. Пинк задается вопросом: «Где в будущем будет работать свободный агент?» Ответ на этот вопрос должно дать понимание последствий информационной революции. «Цифровая революция и развитие беспроводной связи радикально изменили законы бизнеса, — пишет он, — мы стали виртуальными. Мы стали мобильными. А если у человека есть возможность находиться где угодно, то неважно, где именно он находится» [1, с. 246]. Развитие экономики свободных агентов изменит понятие «место работы». Таким местом может стать личный кабинет работника у себя дома. Такой тип офисов Д. Пинк образно называет «личным штатом Айдахо». Это будет место для спокойной работы, требующей сосредоточенности. Также возможны офисы второго типа. Д. Пинк называет их «лежками лося» — это «своеобразные клубы по интересам свободных агентов, места, где они смогут провести время, поболтать о вчерашней серии комедийного сериала, которую они смотрели через сеть или

поработать вместе с коллегами над проектами, требующими непосредственного взаимодействия» [1, с. 249]. Это будет место для совместной работы и общения, наполовину паб, в котором собираются друзья, наполовину бизнес-центр. Эти новые разновидности офисов, по мнению Д. Пинка, приведут к изменениям ситуации на рынке жилой и коммерческой недвижимости — должны будут измениться дизайн и назначение дома, возможен также бум в строительстве и обустройстве жилья.

Далее, по мнению Д. Пинка, должен измениться подход к карьере. Профиль карьеры свободного агента будет зависеть от индивидуальных предпочтений. Новая карьера, возможно, будет менее линейной и последовательной. По мнению Клифа Хакима, написавшего книгу, «все мы работаем на самих себя», служебную лестницу сегодня заменяет решетка или сетка: мы уже не поднимаемся по лестнице, а движемся по паутине. Д. Пинк сравнивает будущую карьеру свободных агентов с конструктором Lego. «Продвижение по службе будет напоминать не движение вверх по служебной лестнице, ступень за ступенью в заранее установленной последовательности, а будет осуществляться самыми разнообразными способами. Люди будут создавать и перестраивать свою карьеру подобно тому, как дети собирают и разбирают конструкции из Lego. Элементами таких конструкций будут контракты, знания, навыки, желания и имеющиеся возможности. Люди будут создавать временные конструкции на основе свободного и часто неожиданного сочетания этих элементов» [1, с. 296].

Так выглядят трансформации экономической, политической, обыденной жизни «свободного агента», как их видит Д. Пинк.

По нашему мнению, Д. Пинк вносит значительный вклад в развитие представлений о том, кто такой работник нового типа. Однако исследователь ограничивается лишь той сферой труда, которая может быть вынесена за рамки традиционной корпорации. Д. Пинк рассматривает широкий круг людей различных профессий, которые предпочли самозанятость работе на организацию. Здесь оказываются люди как мате-

риального, так и нематериального труда. Однако Д. Пинк сам это оговаривает в своей работе, что свободным агентом могут стать люди, которые могут использовать ставшие сегодня доступными, недорогими, удобными для хранения в домашних условиях инструменты, в первую очередь, электронную аппаратуру, возможности Интернет. Описанные трансформации в ценностях, стиле жизни, организации труда и отдыха и пр., по нашему мнению, достаточно точно отражают то, как сегодня может работать и жить один из ведущих типов работников всеобщего труда — создателей программных продуктов. Будучи материальным (это труд по созданию абстрактных материальных структур [2]) этот труд уже не является привязанным к определенному рабочему месту, может выполняться дома и требует от работника соответствующих знаний и квалификации и оборудования (компьютера), который сегодня доступен для содержания в домашних условиях. Однако в стороне остаются отрасли и предприятия, которые используют сложную, дорогую технику и технологии, недоступные для владения отдельным человеком. По нашему мнению, необходимо дальнейшее глубокое исследование других не менее важных сфер общественного производства. Возможно, те особенности свободных агентов, которые выделяет Д. Пинк, окажутся свойственными и работникам организаций, занимающихся характерным для постиндустриальной экономики трудом. Д. Пинк отмечал, что можно работать как свободный агент, даже если формально человек работает в какой-либо организации.

Несомненным преимуществом исследования, по нашему мнению, является то, что оно носило «полевой» характер — Д. Пинк встречался, общался, наблюдал за образом жизни и анкетировал тех людей, которых он называет «свободным агентом».

Однако характер исследования можно определить как феноменологическое описание. По нашему мнению, необходимо дальнейшее глубокое философское (сущностное) осмысление изменений. Необходимо выделить понятие «субъекта современного общества», дать типо-

логизацию субъектов, исходя из типов труда. Вероятно, «свободный агент» как один из типов субъекта современного общества (например, программист или эксперт в области формирования команд талантов) также займет определенное место в классификации. Однако необходимо дальнейшее осмысление того, кто же является действительным субъектом современного общества.

Список литературы

1. *Пинк Д.* Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки. М.: Издательский дом «Секрет фирмы», 2005. 327 с.
2. *Орлов В.В. Васильева Т.С.* Философия экономики. Пермь, 2006. 266с.

AMERICA IS SEARCHING NEW IDENTITY: D. PINK'S THEORY OF FREE AGENT

Kseniya V. Patyrbaeva

Perm State National Research University, 15 Bukirev str., Perm, Russia, 614990

This article is about D. Pink's theory of «a free agent» as a new type of worker in contemporary American society. This theory is interesting as an unusual interpretation of employment in the contemporary society. It shows us transformations of workers and their identity. D. Pink's theory is very important for understanding of contemporary processes of transformations of subject of labor.

Key words: labor, a subject of labor, transformations of employment, identity.

А. ТУРЕН О ПРИЧИНАХ КРИЗИСА СОЦИОЛОГИИ И ПУТЯХ ВЫХОДА ИЗ НЕГО

А.Г. Антипов, Ю.С. Маркова

Статья посвящена взглядам современного французского социолога А. Турена, в концепции которого раскрываются причины кризиса социологии и пути выхода из него. Анализируя кризисное состояние социологии, А. Турен приходит к выводу о необходимости создания новой социологии — социологии действия, способной путем реконструкции социологического мышления и социологического языка, развития новых способов исследования в соответствии с реалиями времени дать подлинное объяснение современной социальной действительности.

Ключевые слова: классическая социология; кризис социологии; социология действия; программированное общество; социологическая интервенция.

Особенности классической социологической мысли

Согласно А. Турену, социология создавалась как идеология современности, отражение существующей, социальной реальности. В доминирующей долгое время позитивистской традиции она могла служить оправданием действиям просвещенных военных или гражданских правителей, как, например, в Бразилии или в Турции. Социология также выступала отражением возрастающей роли новых социальных слоев. Во Франции, например, начиная с Э. Дюркгейма, было много сделано для сближения социологии и социализма, социологического знания и социального просвещения рабочих, служащих, интеллигенции. Последняя значительная конструкция классической социологии — парсоновская социология являлась, по мнению Турена, зеркалом Соединенных Штатов как наиболее могущественного государства. Однако чаще всего, полагает французский социолог, социология была идеологией центра, общественной интеграции, идентификации национально-культурного сообщества с современностью. Именно поэтому она стихийно отождествлялась с наукой об обществе.

Само общество в классической социологии определяется как смешанная система, которая одновременно является социальной (социаль-

ная деятельность в индустриальном производстве или рыночной системе) и политической (национальное государство). Таким образом, с одной стороны, идея общества здесь неотделима от реальности национальных государств, а под центром или централизованной логикой общества почти всегда имеется в виду правовое государство в английской и французской традиции. С другой стороны, границы самого общества «являются не теоретическими, а реальными: это таможенные посты» [2, с. 11]. А потому, согласно Турену, в классической социологии «общество является псевдонимом Родины» [2, с. 11].

Возникая как особая форма анализа общественной жизни, социология двигалась от традиции к современности, от верований к разуму, от воспроизводства к производству или от общности к обществу (Ф. Теннис), от солидарности механической к органической (Э. Дюркгейм). Вследствие этого общество, как правило, отождествлялось с современностью и со сменившейся циклическое представление о цивилизациях эволюционной составляющей, а следовательно, и с рационализацией и секуляризацией. Эти идеи развивали в ходе XIX в. О. Конт, Э. Дюркгейм, М. Вебер, Ф. Теннис, К. Маркс и другие представители социально-философской мысли.

Антипов Анатолий Григорьевич — доктор социологических наук, зав. кафедрой социологии и политологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; agantip@psu.ru

Маркова Юлия Сергеевна — студентка V курса специальности «Социология», Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; julyamarkova@gmail.com

Западный мир, таким образом, реализовывал модерн как революцию, историческую борьбу Просвещения против традиции, да и вообще чего-то унаследованного, включая неравенство и невежество. Кроме того, как отмечает Турен, революционный освободительный образ модерна должен был быть дополнен «позитивным образом» мира, управляемого разумом [1, с. 2]. Идею современности невозможно было отделить от идеи рационализации. Исключение одной из них подразумевало исключение и другой. Мысль о том, что современное общество не имеет специфического содержания, оно «позитивно», определяется способностью применять универсальные принципы разума ко всем особым ситуациям, в социологию, как известно, ввел О. Конт. Такое общество — «открытое и свободное, но в то же время способное породить совершенный и абсолютный порядок, налагаемый государственной властью, каковая идентифицируется с наукой и с естественными законами исторической эволюции» [3, с. 32]. Кроме того, полагает Турен, специфика западной мысли заключается в том, что от идеи рационализации она перешла к гораздо более широкой идее «рационального общества», где разум не ограничивается сферой научной и технической деятельности, а должен стать принципом управления людьми и вещами.

Рационализация, воспринимавшаяся как единственный принцип организации индивидуальной и коллективной жизни, была тесно связана с секуляризацией. Философы Просвещения считали, что произвол религиозной морали следует заменить познанием законов природы, которое будет выполнять критическую антирелигиозную функцию. Уже в политической философии Т. Гоббса и Ж.-Ж. Руссо отражена идея, согласно которой социальный порядок создается свободным решением индивидов, выраженным в общественном договоре. Таким образом, политический порядок находит обоснование без обращения к религиозным принципам, социальный порядок, а не религиозный или психологический, становится основанием и добра, и зла. Как пишет Турен, идея о том, что общество является источником ценностей, что

добро — это то, что полезно обществу, а зло — то, что вредит ему, образует существенный компонент классической идеологии модерна. Кроме того, мысль Гоббса и Руссо о том, что свободное решение об общественном договоре должно быть выражением общей воли, отмечает Турен, лежит в основе всех социологий, определяющих функции общества, а также социальное действие через тот вклад, который они вносят в социальную интеграцию и в способность социальных институтов контролировать индивидуальные интересы и страсти. Так постепенно складывается одна из масштабных моделей «репрезентации социальной жизни», согласно которой сердцевину этой жизни образует соответствие между системой и акторами, между институтами и процессами социализации. Общество и занимаемое в нем индивидом положение служат опорой в объяснении и оценке человеческого поведения.

Таким образом, понятие общества в классической социологии приобрело самодовлеющий характер. Для классиков социальной мысли его жизнь базируется на интериоризации норм и ценностей, вырабатываемых социальными институтами, на взаимосвязи институтов, заставляющих эти нормы и ценности соблюдать, с институтами, занимающимися социализацией. В свою очередь, индивид все в большей степени определяется своим положением, которому соответствуют роли, являющиеся поведенческими ожиданиями со стороны других индивидов. В целом, социальные факторы и институты рассматриваются с точки зрения того, какой вклад они вносят в функционирование социальной системы, способствуют ли они или препятствуют общественному прогрессу. Человек — это, прежде всего, гражданин.

Итак, согласно Турену, марксистская социология, функционализм, структурализм опираются, по преимуществу, на следующие основные принципы:

- слияние некоего типа общества и «смысла истории» в понятии современного общества;

- отождествление социальной системы с национальным государством, в силу чего центральное место приобретает понятие института;
- замена действующих лиц общества статистическими ансамблями, которые определяются уровнем или формой социального участия и знаками внутренней логики функционирования общественной системы [2, с. 12].

Турен полагает, что общественная мысль индустриальной эпохи разработала три фундаментальные темы, на которых основывается социологический анализ: социальная система, общественные конфликты, культурные ориентации действия. Их символами стали имена Дюркгейма, Маркса и Вебера, хотя вклад каждого из них не может быть сведен к одной из названных тем. «Но последние до сих пор еще не могли непосредственно объединиться, ибо общество, в котором они проявились, еще не было способно к самоанализу» [2, с. 55]. Турен называет две идеи, господствовавшие в обществе и бывшие чуждыми социологии.

Первая из них состояла в том, что смысл общественной ситуации надо искать вне нее, в метасоциальном мире, который одни называют ценностями, другие — природой. Так, Вебер, задумываясь над причинами экономического и политического успеха западного мира, а значит, над причинами капитализма, рационализации и секуляризации, обратился к — в данном случае религиозным — ценностям и увидел во всяком коллективном действии столкновение между этикой долга и этикой ответственности. Маркс зрелого периода анализировал не только капиталистическую систему. Он исследовал фундаментальные потребности, потребительную стоимость, образ общества, свободного от капиталистической эксплуатации, установив, таким образом, противоречие между природой и обществом, что представляет, по Турену, лишь пролетарскую интерпретацию общего дуализма, буржуазной трактовкой коего был анализ Вебера. Наконец, Дюркгейм, настаивая больше, чем кто-либо другой, на идее систем-

ности общества, сделал из общества сущность, силу, которая гораздо более тяготеет над действующими лицами, чем цель их взаимоотношений.

Вторая идея, которая тормозила рождение социологического анализа, заключалась, по мнению Турена, в эволюционизме и связанной с ним философии истории. Общество определялось его местом в эволюции, в отношении к той или другой форме прогресса, смысл эволюции рассматривался как центральный принцип интерпретации. «Еще сегодня, — пишет Турен, — когда общественная мысль тех стран, которые сами себя считают современными, рассматривает остальной мир, она делит его на страны позднего капитализма, слаборазвитые страны и, наконец, коммунистические страны, перспективой которых является неизбежное слияние с современными западными странами. Считается при этом, что в мире утвердятся универсальная модель, несмотря на то, что многие страны следуют явно другими путями эволюции» [2, с. 50].

Весь XIX век мечтал о современности, прогрессе, лучшем будущем. Сегодня становление «новой» социологии немислимо без осознания наследия Дюркгейма, Маркса, Вебера и других социально-философских мыслителей. Но это в то же время необходимо преодолеть те недостатки, которые характерны для классической социологии, присущей культуре индустриальной эпохи.

Причины кризиса классической социологии. Антисоциология

В первой половине XX в. произошло коренное разрушение оснований классической социологии на Западе. С чем это было связано? Что обусловило кризис классической социологической мысли? Можно сказать, что, отчасти, это произошло в результате интеллектуальной и теоретико-методологической критики. Однако главными причинами выступают все-таки общественно-исторические перемены, события и процессы, характерные для этого времени. Турен, как и многие другие ученые, приходит к выводу, что кризис социологии отражает, пре-

жде всего, кризис общества, его изменение и трансформацию, переход к новому типу общества.

Действительно, вопреки социальным идеалам демократии, свободы и справедливости, вопреки принципам социализма вера в идею модернизации и рационализации оказалась серьезно подорвана вследствие великого кризиса, подъема фашизма и роста концентрационных лагерей в Советском Союзе и Европе. Как пишет Турен, «разочарование Европы хорошо передают такие выражения, как «кризис прогресса», «закат разума» [2, с. 12]. С другой стороны, история XX в. дала основания для вывода о невозможности, ошибочности смешения социальной системы и государства. В это время во многих странах мира свершились национально-освободительные революции, социальные революции, произошел подъем коммунистических или националистических, индустриализаторских и авторитарных государств. Планета не была более во власти буржуазии, контролирующей государство. Вследствие этого социология утрачивает доверие к фигуре действующего лица в качестве исторического персонажа. Ключевую роль начинают играть политические режимы, субъекты политической власти. При этом явно слабеет роль пролетариата, буржуазии, национально-этнических групп, наций. Отныне они предстают «идеологическими конструкциями или марионетками», управляемыми национальными политическими структурами власти и международными организациями финансистов и политиков.

Итак, вследствие происходящих радикальных изменений «критическая социология обнаружила позади порядка — силу, позади консенсуса — репрессии, открыла в модернизации иррациональность, в общих принципах — частный интерес» [2, с. 13]. Угнетенные классы, колонизованные нации, недовольные цензурой люди творчества и клейменые в качестве аномальных и маргиналов действующие лица отбросили претензии нового общества на универсализм и самоотождествление со справедливостью и свободой. Но в результате этого развилась не столько другая социология, сколько

антисоциология, разрушающая постулаты классической социологической мысли. Постепенно стала исчезать идея общества, под сомнение была поставлена даже сама идея общественной деятельности и общественных проблем. Философы, отмечает Турен, часто талантливо стали призывать к разрушению социального, которое они рассматривают как сферу неподлинности и необходимости, и взывать к антисоциальной свободе, носителем которой выступают то ли индивид, то ли политическое действие, руководствующееся философскими принципами [2, с. 14]. Такое разрушение социального, по Турену, доводит до крайности движение секуляризации: теперь уже в обществе видят нового идола, требующего человеческих жертв и нуждающегося в свержении. Многие желают абсолютного триумфа рынка и индивидуального интереса, связанного с освобождением желаемого и воображаемого, всегда подавлявшихся нормами социальной жизни. Другие, напротив, страшатся заката общественного человека. «Социальное», замененное политикой, с одной стороны приняло форму тотальной власти, которая пожирает социальную жизнь, с другой стороны — форму групп давления и аппаратов решения, которые сталкиваются на политическом рынке. Так, в результате поражения Майского движения наступил долгий период оледенения, когда, особенно во Франции, политика стала отождествляться с индустриализацией, очень далекой от всякого настоящего социального проекта [2, с. 21]. «Это холодный мир, из которого исключено действующее лицо со всеми его верованиями, проектами, общественными отношениями, с его способностью к чисто социальному действию» [2, с. 13]. «Преподаватели и социальные работники, — пишет Турен, — убежденные в своей бессилии перед лицом неравенства и расслоения, поддерживаемых общественным строем и его идеологией, замкнулись в словесном радикализме. Последний прикрывал очень кстати отсутствие у них инициатив, даже позиций корпоративной защиты. Социология вся целиком разложилась, превратившись в дискурс, интерпретировавший дискурсы, в идеологию, критикующую идеоло-

гии, — слепую по части поведения и фактических ситуаций» [2, с. 21]. Другими словами, идеологические конструкции вытеснили социологический анализ. Они не столько описывали и объясняли социальную реальность, сколько давали возможность выражению беспокойства, охватившего большинство интеллектуалов, да и общество в целом. Такое видение общества, доходящее в своей критике до антимодернизма, во многом выражает социокультурную позицию по отношению к миру новых технологий и потребления.

Формы разложения классической социологии

Какие же формы приняло разложение классической социологической мысли, согласно Турену? Потому как соответствие между актором и системой уже не представлялось чем-то «естественным», оно было заменено другими представлениями, устраняющими идею общества как центральной системы регуляции институтов и поведений и в целом критикующими классическую социологию. Между двумя противоположными, но взаимодополнительными формами кризиса социологии, из которых одна представляет действующее лицо вне всякой системы, а другая — систему без действующего лица, существует и третье течение, свидетельствующее, по мнению Турена, также о кризисе классической социологии, но на этот раз сводящее объяснение поведений к игре взаимодействий.

Первая форма, в целом, может быть названа функционалистской. По Турену, она развила до крайности эволюционистские темы, утверждая, что «общественное поведение действующих лиц не может быть, фактически, объяснено их принадлежностью к системе, а связано, скорее, с их неустойчивой позицией и стратегией, меняющейся по воле непрерывных и многочисленных влияний» [2, с. 26]. Функционализм развивался в двух направлениях. Во-первых, это элитистская концепция, которая представляет действующих лиц в поиске оптимальных, по возможности, менее дорогих решений: слабые «игроки» в силу недостаточности ресурсов

принуждаются к оборонительной стратегии, тогда как сильные или более богатые могут рисковать и проявить себя предприимчивыми и склонными к новшествам. Во-вторых, это концепция, отождествляющая действующее лицо с потребителем, стремящимся достигнуть на рынках наибольшего удовлетворения при наименьшей цене. «Это выражение крайнего индивидуализма, стремящегося казаться совершенно либеральным, но являющегося подозрительным в благоприятствовании всем манипуляциям, к каким могут прибегнуть те, кто влияет на спрос» [2, с. 26].

Вторая форма разложения классической социологии сформировалась в противоположность вышеуказанным позициям: это концепция системы, «в которой отрицается влияние действующего лица на правило, на то, что не является даже законом» [2, с. 27]. Кризис функционалистской социологии повлек за собой такое развитие критических и пессимистических анализов общественной организации, при котором она (организация) отныне воспринималась только как система репрессии, принудительной интеграции или исключения. Указанный характер понимания социальной реальности, как отмечает Турен, во многом обусловлен тем, что исчезали объединявшие общественный опыт и бывшие основанием его ценностей принципы, на которых ранее основывались интеллектуалы, ослаблялись прежние формы борьбы и соответствующие идеологии. В данном случае речь идет о течениях мысли, более или менее связанных с марксизмом, которые и привели к развитию вышеуказанной позиции. Однако, с этой точки зрения, общество представляло собой уже не столько столкновение общественных классов, сколько пространство, которому присуща своя логика господства, утвердившаяся как под влиянием определенной идеологии, так и репрессивных аппаратов в строгом смысле слова. В этом плане, согласно Турену, наиболее влиятельными в современных французских общественных науках являются работы М. Фуко.

В соответствии с третьей формой кризиса классической социологии в социальном про-

странстве, не организованном более институциональными и интериоризированными нормами, действующие лица становятся актерами в точном смысле слова. Турен пишет: «Они играют социальные роли, не имея потребности в них верить, они стоят друг против друга, стремясь несомненно к своим преимуществам, но часто поддерживая также отношения, основанные на недоразумении, уклонении и т. д. Успех этнометодологии и блестящего труда Эрвинга Гоффмана хорошо показывает эту атмосферу постфункционалистского разочарования [2, с. 27].

Последствия разрушения классической социологии

Турен выделяет два рода последствий и значений разрушения классической социологии, отношения между которыми имеют сложный характер. Во-первых, финализм, ориентированность на некую законченность представлений об обществе, его справедливом устройстве, функционировании и развитии уступает место более глубокому и разностороннему научному анализу общественных отношений. «На руинах связанных между собой эволюционизма и функционализма вырастает такой анализ культуры, экономики и даже общественных систем, который исключает всякое обращение к природе общества или к смыслу истории» [2, с. 13]. В этом плане общество перестает быть объектом социологии, и она обращается к изучению специфики поведения людей, общественным отношениям и взаимодействиям.

Во-вторых, как отмечает Турен, разрушение устаревшей концепции социального действия влечет за собой, по крайней мере, в течение первого периода общий отказ от идеи социального действия и прямое применение к изучению современных обществ понятий, заимствованных из исследований наименее сложных живых существ, объектов естествознания. Ограниченность такого подхода критикует, наряду с Туреном, и Э. Морен.

Таким образом, полагает Турен, нет больше признанной модели анализа действующих лиц общества. И социология в точном смысле

больше не существует: классическая социология разрушена, а чисто критическая социология может разрушиться очень скоро.

Пути выхода из кризиса: создание новой социологии

Ибо именно на такой общественной сцене, загроможденной тяжеловесными аппаратами и механизмами давления, пробитой насквозь призывами к идентичности, пересеченной любовными и азартными играми, нам предстоит выполнять задачу, которую бы некоторые могли счесть невозможной, задачу реконструкции представления об общественной жизни (А. Турен)

Пути выхода социологии из кризиса Турен связывает с необходимостью создания новой социологии — социологии действия, вследствие чего главными глубоко взаимосвязанными целями для него становятся переосмысление общественных трансформаций, реконструкция социологического мышления и языка, разработка и применение нового метода конкретных социологических исследований — социологической интервенции.

Осознание современной социальной реальности

Как мы уже отмечали, кризис классической социологии, согласно Турену и другим ученым, находится в тесной связи с глубокими изменениями общества, с переходом к новому типу общества. К какому же обществу осуществляется переход, каковы его наиболее характерные черты, что составляет его сущность?

С точки зрения Турена, это общество можно назвать сверхиндустриальным, или программированным. Переход к нему означает движение к обществу более открытому — такому, которое побуждает людей, товары и идеи циркулировать в гораздо большей мере, чем это делали предыдущие общества. Сверхиндустриальное общество действует более глобально на управленческом уровне, используя для этого две основные формы. Во-первых, это нововведения, т.е. способность производить новую продукцию и генерировать новые идеи как результат инвестиций в науку и технику. Более того, в таком обществе инвестиции производят

в большей степени не материальные блага и даже не «услуги», а блага символические, способные изменить ценности, потребности, представления. Так, индустриальное общество изменяло средства производства, постиндустриальное изменяет цели производства, т. е. культуру [2, с. 86]. Во-вторых, самоуправление становится проявлением способности использовать сложные системы информации и коммуникаций. Программированное общество способно создавать модели управления и производства, организации, распределения и потребления, причем во всех сферах общественной жизни: от информации до здоровья, от научных исследований до урбанизации. В результате подобное общество на всех уровнях своего функционирования представляется не продуктом естественных законов или культурной специфичности, а результатом воздействия общества на самого себя, итогом систем социального действия [2, с. 87]. Общество более не определяется в зависимости от метасоциальных гарантов порядка, будь то Бог, Разум или Смысл истории. Турен использует понятие «историчности», подразумевая под ним способность современного общества конструировать себя, самовоспроизводиться, исходя из культурных моделей и используя конфликты и общественные движения. Особо актуальным, считает французский социолог, это становится в современных условиях, когда всепоглощающая власть аппаратов управления, производства и распределения благ (материальных и символических), языков, информации становится тотальной, когда она проникает во все сферы жизнедеятельности человека и начинает господствовать в них. Именно поэтому «призыв к историчности не может более означать призыва к участию в общественной системе, а только к освобождению от нее, призыва к приложению сил, а только к дистанцированию» [2, с. 9].

Турен, как и многие другие ученые, признает, что индустриальное общество находится в состоянии культурного ценностного кризиса, за которым можно усмотреть фундаментальные сдвиги в способе управления, производства, распределения, обмена и потребления, в струк-

туре и организации общественной жизни в целом. С одной стороны, такое общество мобильно, коммуникационно, способно к самоорганизации, культурным и управленческим нововведениям, однако, с другой стороны, оно более опасно, непредсказуемо. Вследствие системных кризисных изменений не удивительно, по мнению Турена, появление движения контркультуры, ставящей под сомнение доминирующие ценности и идеалы индустриализации, рационализации и роста и потребовавшего глубокой трансформации всех сфер общества.

Анализируя современное общество, Турен вместе с тем отстаивает идею, что само понятие «общество» должно быть исключено из социологического анализа общественной жизни вместе с понятием «эволюции». При этом он считает возможным и необходимым описать другой тип анализа, в центре которого находится идея социального действия, идея социального субъекта или действующего лица, ориентации которого детерминированы совокупностью социальных условий. «Самая главная особенность классической социологии заключается в том, что, создавая из больших исторических ансамблей носителей собственного смысла, она сводила анализ общественного действия к поиску позиции действующего лица в системе. Социология действия отбрасывает такое объяснение действующего лица посредством указания на его место в системе. Напротив, она видит во всякой ситуации результат отношений между действующими лицами, имеющими определенные культурные ориентации и включенными в социальные конфликты» [2, с. 17]. Главные свойства человеческого субъекта заключаются в том, что он обеспечивает иерархию форм своего поведения, более ценит научное знание по сравнению с мнениями и слухами, инновацию и инвестицию по сравнению с рутинной, добро по сравнению с общественными соглашениями. «История современности является историей роста роли сознания в противовес закону государя, обычаю, корысти, невежеству, страху. Общественное движение, коллективное поведение, включенные в конфликт в целях управления историчностью, существу-

ют лишь в том случае, если действующее лицо обладает способностью подняться выше простых требований и даже политических переговоров, чтобы осознать себя и утвердиться скорее в качестве производителя, чем потребителя общественной ситуации», — отмечает Турен [2, с. 19]. Другими словами, действующее лицо способно регулировать и организовывать формы своей деятельности в той мере, в какой оно лично проживает историчность, т. е. способно освободиться от форм и норм *воспроизводства* поведения и потребления, чтобы участвовать в *производстве* культурных моделей.

Итак, изменяется и власть, и само общество, следовательно, можно «ожидать почти всюду появления новых действующих лиц и новых общественных конфликтов» [2, с. 29]. Социология должна изучать эти действующие лица (классы или общественные движения) и их конфликты, что, по мнению Турена, будет способствовать развитию общества нового типа. В центр анализа Турен помещает культурные ориентации, или культурные цели, которые являются общими для социальных действующих лиц. Последние, однако, конфликтуют друг с другом из-за управления этими культурными целями, стремясь использовать их или в интересах новаторского правящего класса, или, наоборот, в интересах тех, кто подчинен его господству. Таким образом, социологии действия необходимо отказаться от господствовавшей в классической социологии XIX в. идеи, согласно которой общество является механической или органической системой, а следовательно, и от поиска «законов общественной жизни», какой бы природы они не были — законами разума или законами прибыли. Необходимо перейти поэтому к анализу системы *действия*, которая в определенной степени уравнивает структуру и действующего субъекта, порядок и изменение. Сегодня, по мнению французского социолога, «становится все более необходимым защищать другую социологию, придающую центральную роль идее общественного движения и созидающую новую профессиональную практику, стремящуюся понять действующее лицо вместе с его самосознанием» [2, с. 119].

Это такая социология, для которой люди сами делают свою историю, зная, что они ее делают, будучи в то же время замкнуты в круг различных идеологий и социальных норм.

Следует отметить, что будущее социальных движений Турен связывает с приобретающим все более радикальный характер движением женщин и возможной его связью с движением за права детей [3, с. 8].

В целом, Турен выделяет две главные для социологии задачи. Первая, самая, по его мнению, важная, касается мирового уровня и заключается в поиске и поддержке всех форм возрождения общественной жизни в тоталитарных государствах, усилия которых по разрушению общества никогда не были ни полными, ни окончательными. Другая большая задача социологии заключается в необходимости обнаружить и проанализировать в тех обществах, где механизмы функционирования и социального изменения сохранили достаточно автономии по отношению к государственной власти, новые действующие лица, новые конфликты и особенно новые цели [2, с. 30-31]. Соответственно, это требует зачастую трудного разрыва с прежними способами мышления, поскольку велик соблазн адаптировать вчерашний язык к сегодняшним реалиям. Другими словами, необходима своеобразная реконструкция социологического мышления и социологического языка. Кроме того, необходимо, чтобы развивались новые способы исследований, которые позволили бы взглянуть в лицо социальному действию, изучить действующих лиц не только по их поступкам, но и соответственно их пониманию этих поступков, выделить помимо поведений ответа на существующий социальный порядок поведения, посредством которых создается, преодолевая конфликты, общество [2, с. 119]. Создание новых общественных движений и трансформация социологического анализа, считает Турен, неотделимы друг от друга.

Отказ от подходов, противоречащих социологии действия

Социологии, отмечает Турен, чужды и даже противоположны все подходы, в основе кото-

рых лежит отказ от анализа отношений между действующими лицами общества [2, с. 43]. Это относится как к подходам, сводящим смысл действия к сознанию действующего лица, так и к тем, которые объясняют его «ситуацией» последнего. «Социология все потеряет, — пишет Турен, — если даст основания думать, что она многообразна, лишена общих для всех своих сторонников принципов» [2, с. 43]. Напротив, нужно, чтобы она отчетливо заявила о себе как о «реляционистском» анализе, равно далеком и от субъективизма, и от объективизма. В этих пределах в центр социологического анализа Турен и ставит социологию действия. Как мы уже отмечали, необходимо, по мнению Турена, освободиться от чуждой для социологии противоположности между объективными причинами и интенцией или волей субъекта, а также признать, что в обществе постоянно взаимодействуют, противопоставляются, смешиваются система отношений между действующими лицами (включающая культурные инновации и социальные конфликты) и система приведения их в порядок (феномены политической власти и идеологических категорий).

Вследствие этого Турен выделяет несколько, по его мнению, противоречащих принципам социологии действия подходов: 1) оценивать ситуацию или социальное поведение с точки зрения несоциального принципа — деспотизма, рациональности или сочетания их обоих; 2) сводить социальные отношения к взаимодействию; 3) разделять систему и действующие лица; 4) спрашивать себя о степени значения той или иной категории социальных фактов — экономических, политических, идеологических (эти категории, по мнению Турена, являются только остатками метасоциальных уровней (политики, экономики, культуры), призванных прошлыми обществами для представления себе реальности и границ их воздействия на самих себя; социология должна постоянно их разрушать и заменять результатами своей собственной деятельности, т. е. категориями общественных отношений); 5) рассматривать общество как дискурс правящего класса. В своем анализе Турен рас-

сматривает и некоторые другие подходы, которые следует избегать.

Метод социологии действия: социологическая интервенция

Главным методом социологии действия, который позволит «по ту сторону социального потребления» раскрывать механизмы конфликтного производства общества, т.е. сосредоточивать внимание на самих действующих лицах, взятых в их конкретном существовании, является метод социологической интервенции. В чем состоит суть его реализации?

Согласно идее Турена, необходимо почти экспериментальным образом создавать такие искусственные ситуации, в которой члены (действующие лица) группы интервенции, также созданной исследователем, смогут в большей степени, чем в обычной повседневной жизни, воспринимать себя в качестве производителей истории, способных оспаривать и изменять свое положение, осознавать свои цели и свое понимание тех конфликтов, в которые они оказываются вовлечены в процессе достижения данных целей. Эти действующие лица, включенные в группы интервенции, не прекращают своей повседневной деятельности, но вместе с тем остаются активистами-аналитиками внутри группы. Кроме того, активной является роль самого исследователя: он должен непосредственно вмешиваться в деятельность группы, чтобы позволить действующим лицам понять самый высокий смысл общественного движения и тем самым помочь им «подняться с одного на другой уровень социальной действительности и перейти от поведения ответа и адаптации к поведению проекта и конфликта» [2, с. 79].

На практике, как отмечает Турен, создание групп интервенции сталкивается с большими трудностями, во многом связанными с сопротивлением со стороны этих групп. Кроме того, «создание таких групп предполагает наличие у исследователей позиции, которая не может быть нейтральной» [2, с. 80]. Для установления необходимого отношения между действующими лицами и исследователями нужно, чтобы

последние воспринимались как стоящие на защите не действующего лица и его идеологии, а их возможного смысла. «Каким бы не было изучаемое действующее лицо, исследователь должен искать самое высокое из возможных значений его действия, его роль как производителя истории», — пишет Турен [2, с. 80].

Развитие деятельности групп происходит в несколько этапов. При этом механизм исследования предполагает интервенцию нескольких ученых в нескольких группах и на нескольких этапах, часто отделенных друг от друга не одним месяцем.

На первом этапе группа по возможности самостоятельно выбирает себе собеседников или другую группу. Необходимо, чтобы «каждая группа была бы составлена таким образом, чтобы в ней были представлены главные направления борьбы или рассматриваемого действия» [2, с. 80]. В будущем, по мнению Турена, целесообразно проведение более весомой процедуры, предполагающей изучение действующих лиц, включенных в социальные отношения, например, наниматели и наемные рабочие, колонизаторы и колонизованные, государственные руководители и диссиденты и т. д.

После встреч с собеседниками исследователи проводят «закрытые» заседания, во время которых группы комментируют только что прошедшие встречи, анализируя, таким образом, свои действия. Первой же целью исследователя является развитие сознания действующего лица. Объединяясь, группы действуют как группы-свидетели. Дискуссии воспроизводят те дебаты, которые могут происходить в ходе борьбы или коллективного действия. Далее, как отмечает Турен, «надо преобразовать эти группы-свидетели в группы-лица посредством поворота, состоящего в установлении дистанции по отношению к практике и в выработке общих ее интерпретаций» [2, с. 81.]. Другими словами, необходимы некое абстрагирование, взгляд действующих лиц на себя и на ситуацию со стороны и последующий идеологический анализ, направленный на понимание социального действия, вокруг которого велись дебаты. После этой процедуры следует конверсия, осуще-

ствляемая исследователем: ему необходимо представить группе образ общественного движения, который придает действию самый высокий смысл. Цель дальнейшей исследовательской деятельности — осознать, как группа восприняла выдвинутую исследователем гипотезу, т.е. выяснить, какая данная гипотеза вызвала реакции в группе; сделала ли она более понятными отношения между членами группы; позволила ли она по-новому интерпретировать их прошлое действие, их историю; позволит ли она группе разработать программу действия и ответить на возникшие вопросы.

После проверки верности гипотез в непосредственно изучаемой группе их необходимо предложить другим группам. Как отмечает Турен, это составляет важную часть так называемой перманентной социологии. При этом следует отметить, что гипотезы могут быть и отвергнуты группами интервенции, что подтверждается исследовательской практикой Турена.

В целом, метод интервенции может применяться при изучении оппозиционных или народных движений и проведении исследований на уровне правящего класса, особенно в среде руководителей больших организаций, будь они индустриальными или неиндустриальными, частными или государственными; при анализе поведения индивидуального отклонения или даже безумия и др.

Метод интервенции, по мнению французского социолога, направлен на защиту и развитие гражданского общества и правового государства, демократии. Этот метод, имеющий, согласно Турену, несомненно, научную ценность, нацелен на то, чтобы помочь людям самим творить свою историю в тот момент, когда общество уже не в состоянии созидать самого себя.

В своем анализе кризисного состояния социологии Турен приходит к выводу о необходимости создания новой социологии — социологии действия, которая позволит посредством реконструкции социологического мышления и социологического языка в соответствии с реалиями времени найти подлинное объяснение

современной социальной реальности. Турен показывает, что становление сверхиндустриального, программированного общества — процесс глубоко противоречивый и далеко не эволюционный. Социология, кризис которой сопровождается кризисом индустриального общества, должна отказаться от эволюционизма и рационалистической концепции модернизации. Социология действия Турина ориентирована на целостность в сочетании теории и практики, нацелена на формирование различных общественных движений и активные социальные преобразования. Это особенно значимо, считает Турен, в современных условиях, когда общество все в большей мере способно к самоизменению во многом благодаря знаниям, становящимся своеобразной производительной силой. В этой ситуации возрастает значимость знаний о самом обществе или, точнее, о социальном действии, социальных отношениях, конфликтах и движениях, в которых все большую роль играет интеллектуальное сообщество.

По мнению ряда критиков, несмотря на гуманистическую направленность работ Турина, они не отражают в полной мере ту реальность, которая была задана хозяйственной и культурной системами индустриального общества, что вместе с тем не снижает научной значимости трудов французского социолога. Творчество Турина высоко оценивается как зарубежными,

так и отечественными социологами. Помимо «Возвращения человека действующего» им опубликовано большое количество других научных трудов, посвященных различным аспектам современного общества, проблемам и противоречиям, в том числе процессу развития личности, роли и месту системы образования, трудовым отношениям, демократии, значению информации и знания в современной экономике, консьюмеризму и др. Работы Турина имеют важное значение для анализа современной российской действительности.

Научно-исследовательская деятельность А. Турина и других ученых побуждает социологическое сообщество к развитию социологии, чтобы она не только не отставала от развития общества, но и могла адекватно и комплексно подходить к объяснению социальной реальности и решению существующих в ней проблем.

Список литературы

1. *Кимелев Ю. А.* Ален Турен. Критика модерна // Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3. Философия. 1999. № 1. С. 20-36.
2. *Турен А.* Возвращение человека действующего // Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998.
3. *Турен А.* Социология без общества // Социологические исследования. 2004. № 7.

A. TOURAINE ABOUT CAUSES OF SOCIOLOGY CRISIS AND WAYS OF ITS OVERCOMING

Anatoly G. Antipiev, Yulia S. Markova

Perm State National Research University, 15 Bukirev str., Perm, Russia, 614990

The article is dedicated to views of A. Touraine, modern French sociologist. Analyzing causes of sociology crisis and ways of its overcoming A. Touraine comes to the conclusion about the necessity of creation of new sociology, which he names actionalism. His conception is aimed at reconstruction of sociological thinking and sociological language, development of new approaches of research according to time realities.

Keywords: classical sociology, sociology crisis, actionalism, programmed society, sociological intervention.

УДК 352.075:15

К ПРОБЛЕМЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОТКРЫТОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

С.Е. Гасумова

В статье проведён анализ проблем информационной открытости власти на муниципальном уровне, представлены результаты экспертизы соответствия Интернет-ресурсов органов местного самоуправления в Пермском крае требованиям законодательства РФ и результаты опроса специалистов о проблемах информирования граждан через сайты. Предложены рекомендации по решению выявленных проблем.

Ключевые слова: информация; информирование граждан; информационная открытость; Интернет-ресурсы; информатизация.

Постановка проблемы исследования

Население малых городов и сельских поселений в российской «глубинке» зачастую становится очень чётко депривированным в удовлетворении потребностей, социально некомпетентным, граждански неактивным. Во многом эта проблема обусловлена информационным неравенством, информационным расслоением общества, которые сегодня продолжают оставаться характерными для России социальными явлениями. Они возникают из-за разного уровня социально-технического и экономического развития внутри страны, в первую очередь в городах и сельской местности, неравномерного процесса информатизации и разных возможностей социальных групп в доступе к информационным технологиям и информации (критерии доходов, место жительства, уровень образования, возраста и другие причины).

Органам местного самоуправления в таких условиях необходимо активизировать человеческий потенциал муниципальных районов, создать условия для вовлечения граждан в общественную, политическую, трудовую деятельность, в том числе посредством современных информационных технологий. С одной стороны, такие технологии позволяют успешно решать перечисленные задачи. Но с другой

стороны, ни население, ни сами работники муниципалитетов, как правило, не готовы пользоваться современными информационными технологиями. Имеются в виду и мотивационная готовность, и отсутствие соответствующих знаний и умений и, главное, необходимых технических возможностей.

Информационный разрыв между городом и селом очевиден при сравнительном анализе данных Всероссийской переписи населения 2010 г. о городском и сельском населении [1] и данных Фонда «Общественное мнение» о структуре пользователей Интернета по типам населённого пункта на начало 2011 г. [2] Так, в России доля городского населения в общей численности составила 73,7%, сельского — 26,3%. При этом из 50,3 млн (или 43% населения), являвшихся пользователями сети Интернет, городские жители составляют 83%, а сельчане — лишь 17%. Для примера, ровно столько же — 17% пользователей сети Интернет проживали только в Москве и Санкт-Петербурге, где их насчитывалось 12 и 5% из общего числа соответственно.

Интересно, что ситуация с «интернетизацией» малых городов с численностью населения менее 100 тыс. чел. резко и существенно отличается в лучшую сторону от ситуации в сельской местности. Её можно оценить как про-

грессивную: в малых городах проживают 25% (четверть) всех «интернетчиков» при том, что жители этих городов составляют лишь 19% (менее пятой части) населения России. Очевидно, что необходимая информационно-техническая инфраструктура в таких городах уже создана, несмотря на относительно небольшое количество потребителей, что выгодно отличает их от сельских поселений.

Итак, на селе только каждый пятый-шестой житель является пользователем сети Интернет. Очевидно, что подобная ситуация складывается и с другими современными средствами информирования (СМС-рассылки, информационные терминалы, пункты коллективного доступа в Интернет, справочная печатная продукция для распространения в общественных местах и т.п.). Это существенно затрудняет процесс информирования населения небольших муниципальных образований органами власти.

С другой стороны, анализ официальных документов свидетельствует о том, что российское законодательство, являясь достаточно прогрессивным, содержит многочисленные гарантии доступа граждан к информации [3]. Прежде всего, согласно ч. 4 ст. 29 Конституции РФ, каждый имеет право свободно искать и получать информацию любым законным способом [4], хотя об этом мало кому известно. По данным Института развития свободы информации, лишь 55% населения России знают о том, что право на доступ к информации закреплено в законодательстве, 28,4% находятся в неведении и 16,6% убеждены, что такого права нет. А это значит, что почти половина россиян в случае нарушения этого права попросту не осознают произошедшего и не смогут грамотно защитить свои права. Характерно, что только 11,1% россиян полагают, что их право на доступ к информации соблюдается полностью, 61,7% — что соблюдается частично и 14% — что не соблюдается [5].

В соответствии с ч. 2 ст. 24 Конституции РФ органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами,

непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом [6]. То есть именно на орган власти, который обладает информацией, непосредственно затрагивающей права и свободы конкретного лица, возложена конституционная обязанность не только ознакомить это лицо с такой информацией по его запросу (реактивный способ), но и создать такие условия, при которых это лицо будет уведомлено о том, что в органе власти имеется такая информация (проактивный способ). И эта норма должна выполняться органами местного самоуправления даже самых малых и слабо развитых территориальных образований.

Кроме того, мало кому известно, что в соответствии со ст. 8 федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» граждане имеют право: не обосновывать необходимость получения запрашиваемой информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления; обжаловать в установленном порядке акты и (или) действия (бездействие) этих органов, их должностных лиц, нарушающие право на доступ к информации об их деятельности; и даже требовать возмещения вреда, причинённого нарушением права на доступ к информации [7]. Кстати, в помещениях органов власти, нарушающих право граждан на информацию, общественные организации предлагают посетителям, к примеру, приклеивать протестные стикеры (рис. 1).

Рис. 1. Стикер «Не удовлетворён качеством власти» (Пермский Центр гражданского анализа и независимых исследований, 2010)

С 1 января 2010 г. законодательство России обязало абсолютно все органы власти, включая органы местного самоуправления, размещать информацию о своей деятельности на официальных сайтах в сети Интернет [8]. Чёткий перечень такой информации содержит 29 пунктов, причем обязательно содержится указание адресов электронной почты, по которым пользователем информацией может быть направлен запрос и получена запрашиваемая информация. Больше того, в местах, доступных для пользователей информацией (в помещениях государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных библиотек, других доступных для посещения местах), в целях обеспечения права неограниченного круга лиц на доступ к информации должны специально создаваться пункты подключения к сети Интернет (ст. 10, 13 федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»).

Что происходит на практике? К сожалению, приходится констатировать, что в настоящее время на муниципальном уровне эти требования законодательства пока выполняются далеко не в полном объёме. Интересно, что впервые обязанность размещать информацию в сети Интернет была введена в России в 2003 г. только для Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти. Однако даже они зачастую лишь в принудительном порядке на основании судебных решений создавали либо дорабатывали содержание своих сайтов. К примеру, в 2004 г. суд обязал Министерство труда и социального развития (в настоящее время — здравоохранения и социального развития) привести в соответствие с законодательством содержание официального сайта. В марте 2005 г. решением суда по иску Института развития свободы информации Федеральная служба по труду и занятости и Федеральное агентство по здравоохранению и социальному развитию были обязаны разместить на своих сайтах всю необходимую информацию [9]. Основным аргументом органов власти в неисполнении требований законодательства являлось отсут-

ствие в штатном расписании специалистов по ведению сайтов. Сегодня эта же проблема ярко проявилась на муниципальном уровне.

Как отмечают эксперты, к сожалению, даже, создав собственные сайты, большинство органов власти ограничиваются формальным исполнением нормативов: заводят доменное имя, размещают там эмблему службы и фотографию её здания, пускают по левой колонке несколько ссылок с не требующей обновления информацией. Получается, что вместо социально значимой информации органы власти зачастую стремятся распространить информацию о своей социальной значимости. Кроме того, на сайтах часто отсутствует либо не оперативна обратная связь; отсутствуют интерактивные разделы, в рамках которых посетители могли бы общаться и решать текущие проблемы (гостевая книга, конференция, форум); контент не соответствует потребностям и интересам целевой аудитории пользователей и отсутствует оперативное администрирование.

Налицо противоречие между прогрессивно формирующимися, декларируемыми в официальных документах гарантиями доступа граждан к информации и создания Интернет-ресурсов органов власти всех уровней — с одной стороны, и отсутствием реального механизма обеспечения реализации этих гарантий — с другой, вызывающее, судя по эмпирическим данным, резко негативную оценку населением собственных информационных прав и свобод.

Очевидно, что отсутствие у большинства граждан возможностей реализовать своё конституционное право искать и получать информацию, необходимую им в повседневной жизни, существенно сдерживает их общественную активность и позволяет недобросовестным деятелям создавать антиобщественные настроения. Это говорит о том, что гарантии доступа к государственным информационным ресурсам на практике зачастую приобретают декларативный характер и требуют разработки более действенного механизма их реализации. Большинство граждан России пока не имеют возможностей ознакомиться с информацией, опреде-

ляющей их права и обязанности и регулирующей их поведение в повседневной жизни с минимальными затратами сил, времени и средств.

Для стимулирования этого процесса в Пермском крае Уполномоченным по правам человека реализуется проект Всемирного банка «Расширение открытости и гражданской активности на местном уровне (2010–2011 гг.)». Одно из направлений проекта — «Информирование населения: современные механизмы, способы и средства». В рамках проекта нами были проведены исследование соответствия содержания сайтов органов местного самоуправления Пермского края требованиям законодательства РФ и опрос ответственных за ведение сайтов специалистов администраций о проблемах информирования населения в их районах.

Описание и интерпретация результатов эмпирических исследований

Целью первого проведенного исследования было выявление степени соответствия содержания сайтов органов местного самоуправления четырёх муниципальных районов Пермского края требованиям законодательства РФ, а точнее — требованиям ст. 13 федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», включающим 29 пунктов [10]. Исследование проведено на примере четырёх небольших, дотационных муниципальных районов Пермского края: Кизеловского (численность населения 32,2 тыс. чел.), Косинского, приравненного к территориям Крайнего Севера (7,9 тыс. чел.), Оханского (17 тыс. чел.), Суксунского (20,8 тыс. чел.).

Экспертиза контента сайтов администраций этих районов (или аудит сайтов) проводилась с использованием четырёх экспериментальных групп численностью 10 чел. Группы, сформированные из студентов двух факультетов (юридического и философско-социологического) Пермского государственного университета, были распределены по районам и получили задание найти обязательную для размещения информацию (29 пунктов) на сайте определённого органа местного самоуправления. Полученные

сводные данные по каждой группе (району) и сравнительный анализ сайтов всех четырёх участвующих в эксперименте муниципальных районов позволили оценить соответствие содержания сайтов законодательству РФ, зафиксировать отсутствие на них определённых сведений, сформулировать вероятные причины трудностей формирования именно этих сведений в систематизированной, формализованной электронной форме и дать рекомендации по решению выявленных проблем и преодолению информационной «закрытости» органов местного самоуправления.

Отметим, что исследование проводилось в несколько этапов (развитие сайтов оценивалось в динамике) с октября 2010 по июнь 2011 г. В настоящей статье представлены только итоговые данные по состоянию на июнь 2011 г. Соответственно заметим, что на момент проведения финального этапа экспертизы требования ст. 13 федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», вступившие в силу с 1 января 2010 г., действовали уже в течение 1,5 лет.

Кроме того, поясним, что в начале эксперимента в ноябре 2010 г. устный неформализованный опрос специалистов, ответственных за ведение сайтов в четырёх участвующих в проекте Всемирного банка муниципальных районах, показал, что они впервые от экспертов проекта услышали о том, что сайты органов местного самоуправления вообще должны соответствовать каким-либо законодательным требованиям. Это крайне показательный факт, поскольку на тот момент упомянутый закон действовал уже в течение 11 месяцев, однако муниципальные служащие не подозревали о его существовании. Очевидно, что это может быть и недоработкой региональных властей. Целесообразно было проинформировать глав администраций инструктивным письмом о новшествах в законодательстве либо издать постановление и установить определённые сроки для приведения содержания сайтов органов местного самоуправления Пермского края в соответствие с новыми законодательными требованиями.

Итак, по состоянию на июнь 2011 г. результаты сравнительного анализа сайтов следующие. На всех сайтах присутствуют лишь 3 из 29 обязательных требований, что составляет около 10%. Очевидно, эту информацию легче всего формировать, поскольку она имеется во всех районах в готовом, систематизированном виде в электронной форме:

- 1) наименование и структура органа местного самоуправления (п. 1а ст. 13);
- 2) нормативные правовые акты, изданные органом местного самоуправления (п. 2а ст. 13);
- 3) тексты официальных выступлений и заявлений руководителей и заместителей (п. 6 ст. 13).

Далее необходимо акцентировать внимание на той информации, которая чаще всего отсутствует на сайтах муниципальных образований. На всех исследованных сайтах полностью отсутствует следующая информация:

- 1) порядок обжалования муниципальных правовых актов (п. 2е ст. 13);
- 2) порядок поступления граждан на муниципальную службу (п. 8а ст. 13);
- 3) условия и результаты конкурсов на замещение вакантных должностей муниципальной службы (п. 8г ст. 13);
- 4) номера телефонов, по которым можно получить информацию по вопросу замещения вакантных должностей в органе местного самоуправления (п. 8д ст. 13).

Итак, констатируем, что 4 из 29 пунктов, т. е. около 14% обязательной для размещения информации, нет ни на одном из проанализированных сайтов. Органам местного самоуправления необходимо целенаправленно провести сбор, формализацию этих сведений и формирование их в электронной форме для размещения в сети Интернет.

Оставшиеся 22 пункта, или 76% информации, размещены не на всех сайтах. На большинстве сайтов (3 из 4 районов) отсутствуют:

- 1) перечни информационных систем, банков данных, реестров, регистров, находящихся в ведении органа местного самоуправления,

подведомственных организаций (п. 1е ст. 13);

- 2) установленные формы обращений, заявлений и иных документов, принимаемых органом местного самоуправления к рассмотрению в соответствии с законами и иными нормативными правовыми актами, муниципальными правовыми актами (п. 2д ст. 13);
- 3) информация о результатах проверок, проведенных органом местного самоуправления, подведомственными организациями в пределах их полномочий, а также о результатах проверок, проведенных в органе местного самоуправления, подведомственных организациях (п. 5 ст. 13);
- 4) обзоры обращений лиц, а также обобщенная информация о результатах рассмотрения этих обращений и принятых мерах (п. 9в ст. 13).
- 5) сведения о вакантных должностях муниципальной службы, имеющих в органе местного самоуправления (п. 8б ст. 13);
- 6) квалификационные требования к кандидатам на замещение вакантных должностей муниципальной службы (п. 8в ст. 13).

На половине сайтов (2 из 4 районов) не представлены:

- 1) перечень территориальных органов, сведения об их задачах и функциях, а также почтовые адреса, адреса электронной почты (при наличии), номера телефонов справочных служб указанных органов и представительств (п. 1в ст. 13);
- 2) перечень подведомственных организаций (при наличии), сведения об их задачах и функциях, а также почтовые адреса, адреса электронной почты (при наличии), номера телефонов справочных служб подведомственных организаций (п. 1г ст. 13);
- 3) сведения о предоставленных организациям и индивидуальным предпринимателям льготах, отсрочках, рассрочках, о списании задолженности по платежам в бюджеты бюджетной системы РФ (п. 7в ст. 13).
- 4) статистические данные и показатели, характеризующие состояние и динамику раз-

вития экономической, социальной и иных сфер жизнедеятельности, регулирование которых отнесено к полномочиям органа местного самоуправления (п. 7а ст. 13);

- 5) порядок и время приёма граждан (физических лиц), в том числе представителей организаций (юридических лиц), общественных объединений, государственных органов, органов местного самоуправления, порядок рассмотрения их обращений с указанием актов, регулирующих эту деятельность (п. 9а ст. 13);
- 6) фамилия, имя и отчество руководителя подразделения или иного должностного лица, к полномочиям которых отнесены организация приёма лиц, указанных в п. 9а ст. 13 ФЗ, обеспечение рассмотрения их обращений, а также номер телефона, по которому можно получить информацию справочного характера (п. 9б ст. 13).
- 7) перечень образовательных учреждений, подведомственных органу местного самоуправления (при наличии), с указанием почтовых адресов образовательных учреждений, а также номеров телефонов, по которым можно получить информацию справочного характера об этих образовательных учреждениях (п. 8е ст. 13).
- 8) тексты проектов муниципальных правовых актов, внесённых в представительные органы муниципальных образований (п. 2б ст. 13).

На большинстве сайтов (3 из 4 районов) размещена следующая информация:

- 1) административные регламенты, стандарты муниципальных услуг (п. 2г ст. 13).
- 2) сведения о полномочиях органа местного самоуправления, задачах и функциях структурных подразделений указанных органов, а также перечень законов и иных нормативных правовых актов, определяющих эти полномочия, задачи, функции (п. 1б ст. 13);
- 3) информация об участии органа местного самоуправления в целевых и иных программах, международном сотрудничестве, а также о мероприятиях, проводимых органом местного самоуправления, в том числе

сведения об официальных визитах и о рабочих поездках руководителей и официальных делегаций органа местного самоуправления (п. 3 ст. 13);

- 4) информация о состоянии защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций и принятых мерах по обеспечению их безопасности, о прогнозируемых и возникших чрезвычайных ситуациях, о приёмах и способах защиты населения, а также иная информация, подлежащая доведению органом местного самоуправления до сведения граждан и организаций в соответствии с федеральными законами, законами субъектов РФ (п. 4 ст. 13);
- 5) сведения об использовании органом местного самоуправления, подведомственными организациями выделяемых бюджетных средств (п. 7б ст. 13).

Из представленных данных очевидно, что большая часть обязательной для размещения информации (90%) вызывает затруднения у органов местного самоуправления либо при формировании, либо при размещении в сети Интернет. Вероятно, причинами может быть как отсутствие ведения подобной информации в местной администрации, так и незнание специалистами, ответственными за Интернет-ресурс, требований законодательства о размещении подобных сведений.

Итак, итоги соответствия требованиям законодательства Интернет-сайтов четырёх муниципальных районов Пермского края выглядят следующим образом: Суксунский район — на 72%, Косинский район — на 52%, Кизеловский район — на 48%, Оханский район — на 28% (рис. 2).

Таким образом, в среднем содержание исследованных сайтов муниципальных районов Пермского края удовлетворяет законодательным требованиям ровно наполовину (на 50%). При этом очевидно, что полученные по районам показатели сильно варьируются от 28 до 72%. Это свидетельствует о влиянии на них целого ряда факторов (переменных величин), связанных далеко не только с уровнем экономического развития. Вероятно, что важное значение

имеют личность руководителя, его заинтересованность во введении инноваций, подбор кадров и др.

Подчеркнём, что лидер среди исследованных сайтов — сайт Суксунского района в процессе участия в проекте Всемирного банка «Расширение открытости и гражданской активности на местном уровне» в период с ноября 2010 по май 2011 г. был существенно доработан. На нем появилась ранее отсутствовавшая информация по 7 из 29 пунктов обязательных

для размещения сведений. Следовательно, подобная положительная динамика развития сайта, возникшая в результате взаимодействия с экспертами проекта, теоретически была возможна и в других трёх районах, однако этого не произошло. Динамика в других районах составила от 3 до 5 пунктов (из ст. 13 федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления») [11].

Рис. 2. Степень соответствия содержания сайтов муниципальных районов Пермского края требованиям законодательства РФ, % выполненных требований

Вообще, полученные невысокие результаты в большинстве районов неудивительны. В рамках проекта нами было проведено также письменное анкетирование специалистов администраций, ответственных за ведение сайтов и информирование населения, и специалистов Центров правовой информации на базе муниципальных библиотек (всего 7 чел.) о проблемах информирования граждан на местном уровне. Результаты оказались буквально ошеломляющими. Выяснилось, что даже эти специалисты

считают информирование населения о деятельности органов местного самоуправления через сайты наименее эффективным способом (см. рис. 3).

Так, они упорно предпочитают информировать население о своей деятельности «традиционными способами», чаще всего через публикации в местных печатных СМИ. Именно публикации в местных печатных СМИ и письма гражданам считаются специалистами администраций самыми эффективными способами ин-

формирования населения на местном уровне. Часто организуются специальные мероприятия (встречи с гражданами), информирование на рабочем месте, ведомственные тиражные газеты, информационные стенды и персональное консультирование в приёмных. В районных

муниципалитетах абсолютно не используются автоинформаторы и рассылки СМС-сообщений, практически не применяются информационные терминалы в органах власти и общественных местах.

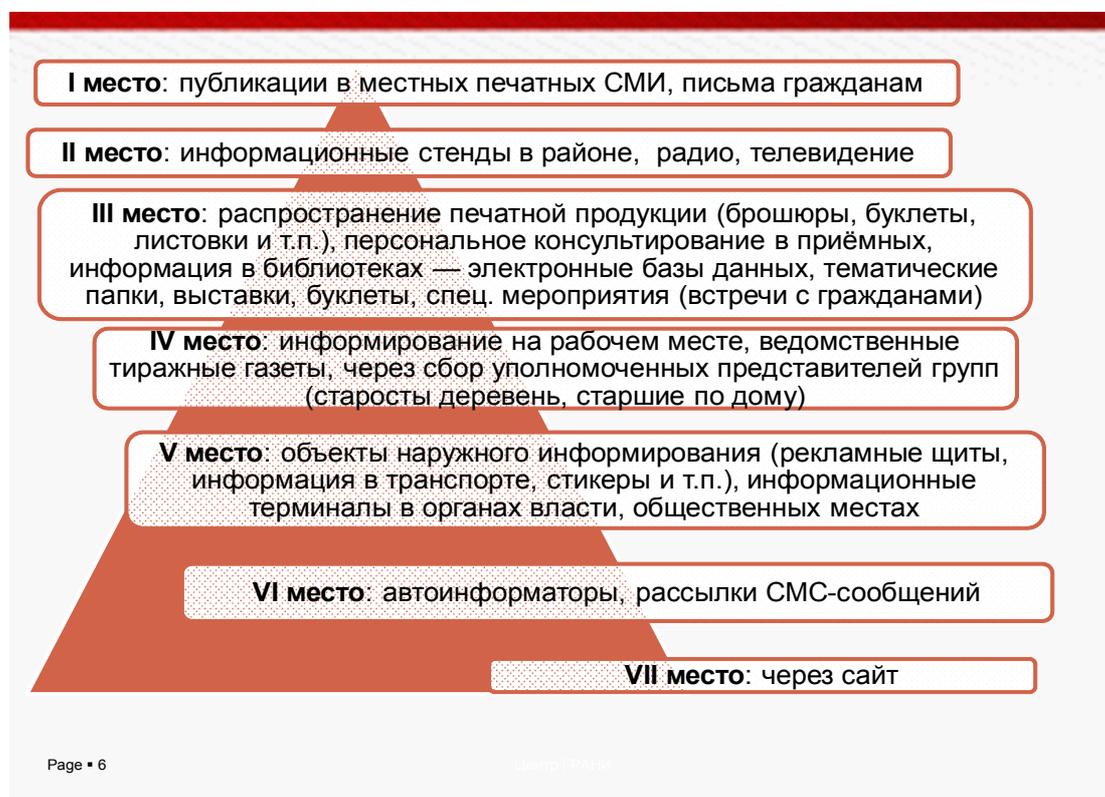

Рис. 3. Оценка эффективности различных способов информирования населения специалистами районных администраций и центров правовой информации муниципальных библиотек

Как отмечалось, по мнению представителей администраций и центров правовой информации, наименее эффективно информирование граждан через сайт, а также с помощью автоинформаторов и рассылок СМС-сообщений. Таким образом, современные, технологичные способы информирования стали аутсайдерами и по их применению заняли последние места в рейтинге эффективности. Специалисты муниципалитетов пока не видят потенциала во внедрении новых технологий информирования, скорее всего предполагая их низкую доступность населению.

Отчасти это обусловлено низким уровнем информатизации администраций муниципальных образований, который значительно варьируется предположительно в зависимости от

размеров и уровня социально-экономического развития территорий. Например, выявлены случаи, когда в районных администрациях вообще отсутствует доступ в Интернет и нет ни одного работника, имеющего навыки работы в сети Интернет. Зафиксирована потребность в обучении специалистов органов местного самоуправления навыкам работы с информационно-правовыми системами «Консультант», «Гарант» или «Кодекс» (см. табл. 1).

Результаты анализа обеспечения доступа населения к сети Интернет на территории районов также крайне негативные. В части территорий он обеспечен только через пункты коллективного доступа (ПКД) на почтах, в части — только на базе муниципальных библиотек, а в части он полностью отсутствует. Во всех рай-

онах вообще нет Интернет-клубов и Интернет-кафе, а также нет возможности для граждан бесплатно пользоваться доступом на сайты органов власти в самих органах и организациях социальной сферы на территории района.

Неудивительно, что и формы обращений граждан в органы местного самоуправления в

«глубинке» пока также сохраняются традиционные: большая часть (немногим больше половины) — в письменной, чуть меньше половины — в устной форме и лишь 1,5% — в электронной в некоторых муниципальных образованиях, где более активно ведутся официальные сайты местной администрации.

Таблица 1. Оценка уровня информатизации администраций муниципальных образований Пермского края специалистами органов местного самоуправления

Критерии уровня информатизации	Средние показатели	Выявленные минимальные и максимальные показатели
Общее количество персональных компьютеров	21	От 4 до 50
Компьютеры с выходом в Интернет	7,5	От 0 до 18
Компьютеры с установленными информационно-правовыми системами («Консультант», «Гарант» или «Кодекс»)	6	От 1 до 12
Работники, имеющие навыки работы в сети Интернет	4	От 0 до 10
Работники, имеющие навыки работы с информационно-правовыми системами («Консультант», «Гарант» или «Кодекс»)	3	От 1 до 5

Таблица 2. Рейтинг органов, учреждений и организаций на территории муниципальных районов Пермского края, активно работающих в сети Интернет

Место в рейтинге	Объект оценивания (орган, организация, учреждение)	Оценка активности по 5-балльной шкале, средний балл
1	Администрация района	4
2	Образовательные учреждения	3
3	Пенсионный фонд	3
—	Библиотеки, ТУ Министерства социального развития Пермского края и учреждения социального обслуживания населения, учреждения здравоохранения, общественные приёмные и общественные организации	0

В контексте оценки Интернет-пространства муниципальных районов показательно, что большинство экспертов убеждены, что в их территориях вообще нет органов, учреждений или организаций, активно работающих в сети Интернет, т. е. размещающих информацию о своей деятельности, информирующих население по вопросам жизнедеятельности, принимающих электронные обращения граждан. Часть специалистов отметили довольно активную работу по ведению сайта администрации в своих районах (поставив за неё среднюю оценку 4 балла по 5-балльной шкале), и в единичном случае были выделены как активные образовательные учреждения и Пенсионный фонд (оценки по 3 балла). Нулевая Интернет-активность, по мнению экспертов, — у библио-

тек, ТУ Министерства социального развития Пермского края и учреждений социального обслуживания населения, учреждений здравоохранения, общественных приёмных и общественных организаций (см. табл. 2).

И наконец, негативным фактором является то, что абсолютное большинство из опрошенных специалистов администраций и центров правовой информации не имеют возможности улучшить информирование населения в своих районах. Единственное предложение, причём ценное, поступило, как ни парадоксально, от самого маленького по численности и отстающего в благоустройстве Косинского района. Оно заключается в «доработке сайта администрации, вменении в обязанности специалистов активно участвовать в работах по ведению сай-

та и с обращениями граждан, открытии на территории района Интернет-клубов и Интернет-кафе».

Выводы

Результаты проведённого анализа дают основания утверждать, что пока на уровне небольших муниципальных районов в российской «глубинке» гражданам практически не предоставляются возможности электронного правительства, а законодательные требования к обеспечению доступа к информации о деятельности органов местного самоуправления путем размещения этой информации на Интернет-сайтах выполняются не в полном объёме. В Пермском крае, как показало проведённое выборочное исследование, содержание сайтов местных администраций соответствует в среднем 50% требований законодательства Российской Федерации. Напомним, что этот результат был достигнут отчасти благодаря реализации проекта Всемирного банка «Расширение открытости и гражданской активности на местном уровне (2010–2011 гг.)» Уполномоченным по правам человека в Пермском крае Т.И. Марголиной. В других регионах России ситуация может быть более плачевной.

Итак, в современных условиях пока целесообразнее говорить об уровне и факторах информационной «закрытости» органов местного самоуправления небольших муниципальных образований, а не информационной открытости. Выявлено, что в процессе информирования населения муниципальным служащим не хватает, кроме технических средств, как ни парадоксально, во-первых, знаний в области законодательства Российской Федерации (в частности, требований к содержанию сайтов органов местного самоуправления); во-вторых, знаний и умений в области информационных технологий; в-третьих, внутренней информации от аппарата управления муниципальным районом (например, отчётов о проделанной работе за предыдущий квартал и т. п.), что свидетельствует о недостаточно эффективно налаженных каналах передачи актуальной, полной информации о деятельности внутри органов местного

самоуправления. В-четвёртых, обнаружено незнание специалистами, ответственными за ведение сайтов, других направлений информирования населения в их администрации. Это дает основания зафиксировать проблему отсутствия единого подхода к наделению специалистов определённых должностей функциональными обязанностями по информированию населения. Так, обязанности по ведению официальных сайтов, за неимением специальной должности или компетентного служащего, зачастую бывают возложены, к примеру, на специалиста отдела кадров или по договору подряда переданы школьникам старших классов — детям муниципальных служащих.

В целом, нами выявлено существенное отставание в формировании информационной открытости местных органов власти и внедрении современных способов информирования населения в небольших муниципальных районах на примере Пермского края. По существу, значительная часть из обозначенных проблем зависит не столько от отсутствия соответствующей инфраструктуры и низкого уровня информатизации сельской местности, сколько от недостаточной компетентности и мотивационной готовности муниципальных служащих внедрять новые, современные технологии информирования населения.

Список литературы

1. О предварительных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года: доклад Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1404.htm (дата обращения: 22.12.2011).
2. Интернет в России: бюллетень Фонда «Общественное мнение» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fom.ru> (дата обращения: 15.12.2011).
3. См.: Конституция РФ. М.: Проспект, 2011; Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 06.04.2011, с изм. от 21.07.2011) // Справочная правовая информационная система «Консультант плюс». Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от

- 09.02.2009 № 8-ФЗ (ред. от 11.07.2011) // Справочная правовая информационная система «Консультант плюс»; Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 18.07.2011) // Справочная правовая информационная система «Консультант плюс»; и др.
4. Конституция РФ. М.: Проспект, 2011. Ч.4. С.29.
 5. О доступе к информации о деятельности органов власти в Российской Федерации: Национальный доклад 2009 г. / Институт развития свободы информации, Фонд свободы информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.svobodainfo.org> (дата обращения: 12.12.2011).
 6. Конституция РФ. М.: Проспект, 2011. Ч. 2. С.24.
 7. Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 09.02.2009 № 8-ФЗ (ред. от 11.07.2011) // Справочная правовая информационная система «Консультант плюс». М., 2011.
 8. Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 09.02.2009 № 8-ФЗ (ред. от 11.07.2011) // Справочная правовая информационная система «Консультант плюс». М., 2011.
 9. *Телехов М.* Парад эмблем: почти все органы федеральной исполнительной власти обзавелись сайтами // Российская газета. 2006. 27 янв.
 10. Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 09.02.2009 № 8-ФЗ (ред. от 11.07.2011) // Справочная правовая информационная система «Консультант плюс». М., 2011.
 11. Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 09.02.2009 № 8-ФЗ (ред. от 11.07.2011) // Справочная правовая информационная система «Консультант плюс». М., 2011.

TO A PROBLEM OF AN INFORMATION OPENNESS OF LOCAL GOVERNMENTS

Svetlana E. Gasumova

Perm State National Research University, 15, Bukirev str., Perm, Russia, 614990

In this article the analysis of problems of information openness of authorities at municipal level is carried out, the results of examination of conformity of local government's Internet resources in the Perm region to the requirements of the legislation of Russian Federation and also the results of poll of experts about problems of informing of citizens through sites are represented. Some recommendations on the decision of the revealed problems are offered.

Key words: information, informing of citizens, information openness, Internet resources, informatization

УДК 316.1/2:32

ВИЗУАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ О ВЛАСТИ

Е.А. Алтынцева

В статье исследуются визуальные представления российских интеллектуалов о власти при помощи проективной методики «Психологический рисунок».

Ключевые слова: визуальное; интеллектуалы; власть; психологический рисунок; креативный класс.

В современном мире, в частности в России, граждане обычно получают информацию о власти и её проявлениях посредством электронных СМИ, среди которых особую роль играют новостные ТВ-передачи и интернет-ресурсы. И те, и другие создают визуальный образ власти, поскольку передают контент с помощью видеоряда, картинки. В этих условиях визуальная характеристика образов власти приобретает особое значение, так как дает важную информацию о бессознательных характеристиках восприятия власти.

Следует отметить, что исследования визуальных представлений о власти российского социума уже неоднократно проводились, в частности под руководством Е. Б. Шестопал. Вместе с тем очевидно, что само по себе восприятие власти, как часть общественного мнения и сознания — постоянно изменяющийся феномен. Эта его характеристика позволяет обратиться к вопросу о том, как воспринимают власть российские граждане, в частности люди, чья профессиональная деятельность связана с интеллектуальным трудом. Мы сознательно ограничили группу респондентов представителями интеллектуальных профессий, в частности преподавателями пермских вузов. Такая выборка обусловлена тем, что профессорско-преподавательский состав является частью нового общественного класса — креативного класса, т. е. той части общества, которая определяет не только развитие отдельных компаний и процветание городов и регионов, но и буду-

щее как России, так и всего мира. Отметим, что одной из основных характеристик креативного класса является независимое мышление [3, с. 85]. Поэтому нам необходимо понять, какой образ власти имеют те, кто влияет на конструирование будущего.

Сбор материала проводился в декабре 2011 г. после выборов в Государственную думу VI созыва и в период выдвижения кандидатов в президенты РФ. Этот период отличается повышенным вниманием к политическим процессам, отдельным политическим деятелям и партиям, когда политика и властные отношения оказываются в фокусе внимания избирателей. Вместе с тем интересно показать, какой себе представляют власть «думающие» люди в период, когда не думать о власти и политике невозможно.

После оглашения результатов выборов 4 декабря 2011 г. по всей России прошли митинги и демонстрации несогласных с этими результатами. Активную роль в этом движении играло студенчество и профессорско-преподавательский состав вузов¹, в связи с чем попытаемся ответить на следующие вопросы: какой себе представляют нынешнюю власть

¹ Серьезных социологических исследований относительно состава участников протестных акций декабря 2011 г. пока нет, но есть данные анализа профилей участников социальных сетей, включенных в группы участников протестных акций, в частности, см.: [2].

российские интеллектуалы, почему желают её изменить, какие их мысли и идеи касательно власти могут перенять студенты.

Цель исследования — выявить и проанализировать совокупный образ власти, существующий в восприятии российских интеллектуалов.

Объект исследования — феномен власти в России.

Предмет исследования — визуальные представления о власти российских интеллектуалов.

Метод, применяемый в нашем исследовании, часто используется в работах Е. Б. Шестопал под названием «Психологический рисунок власти» [4, с. 84]. Данная методика позволяет фиксировать сразу два рода объектов: во-первых, личностные характеристики респондента; во-вторых, отношение респондента к исследуемым объектам действительности. Применение этой методики дает возможность проанализировать именно бессознательное восприятие власти. Основная проблема использования этого метода заключается в интерпретации полученных результатов и их стандартизации.

Применим уже апробированную С. В. Гуреевым [1] 4-уровневую процедуру анализа собранного материала:

- 1) типизация рисунков;
- 2) содержательный, тематический анализ;
- 3) символический анализ;
- 4) эмоциональный анализ.

Для конструирования выборки был применен «метод снежного кома». Было опрошено 54 респондента: получено 4 отказа и 50 изображений. Большую часть респондентов составили преподаватели 12 факультетов и ученые ПГНИУ, относящиеся к разным возрастным группам обоих полов. Подчеркнем, что в исследовании не принимали участие сотрудники кафедры политических наук, которые могли исказить общую картину исследования, поскольку в своей профессиональной деятельности непосредственно соприкасаются с изучением феномена власти.

Задание для респондентов звучало следующим образом: «Изобразите власть».

Итак, первый этап — типизация рисунков (и выделение доли каждого типа). Весь массив изображений можно поделить на четыре типа. Первый тип — метафорический рисунок (от греч. *metaphora* — перенесение), т. е. рисунок, который выражает идею при помощи перенесения свойств одного предмета (явления) на другой на основании признака, общего или сходного для обоих сопоставляемых членов. Этот тип рисунков в нашем исследовании является самой многочисленной группой — 48 % всех изображений. Это обстоятельство связано, на наш взгляд, с тем, что понимание феномена «власть» проще всего передать через сравнение с более понятными предметами. Чаще всего понятие «власть» в нашем случае пытаются объяснить через силу или принуждение, изображая «сжатый» кулак (подобных изображений 8 %, рис. 1). Кроме того, власть пытаются ассоциировать с тем, что не имеет «обратной связи», не отвечает, безразлично к просьбам; то, от чего ничего не дождешься, — это такие изображения (16 %), как пенёк с табличкой «Не беспокоить!» (рис. 2), сломанный телевизор с надписью «No signal» (рис. 3), гроб, «кукиш».

Второй тип — персонифицированные (от лат. *persona* — лицо и *facio* — делаю) изображения, т. е. рисунки, представляющие феномен «власти» через образ человека или животного, наделенного определенными качествами. Такие изображения составляют 26 % (см. рис. 4). При этом всего на 6 % этих рисунков изображены люди, на остальных (20 %) представлены животные или волшебные существа. Отметим, что выбираются сильные и хищные существа, такие как волк, медведь, осьминог, паук и дракон (рис. 4). Это связано, на наш взгляд, с тем, что власть ассоциируют с мощью.

Третий тип рисунков (14 %) можно назвать символическими, так как используется известное изображение, символизирующее государственную власть либо в Пермском крае, либо в России. К этому типу будут отнесены следующие рисунки: флаг РФ (8 %), кремль (4 %) и здание Законодательного Собрания Пермского края (2 %) (рис. 5). Такие рисунки выражают, скорее всего, не конкретную идею, а образную

ассоциацию. Присутствие такого рода изображений говорит о том, что власть чаще всего ассоциируется либо с государством в целом, либо с отдельными региональными государственными структурами.

Четвертый тип — аморфные рисунки (12 %). Попавшие в этот тип изображения характеризуются присутствием некоего рода клякс

(рис. 6), линий и т. п.. На наш взгляд, это может означать следующее: во-первых, возможно, что люди, которые рисовали подобное, ассоциируют власть с нечто таким же размытым и непонятным; во-вторых, можно предположить, что у человека отсутствует какое-то комплексное представления о власти, возможность выразить свои представление через что-то другое.

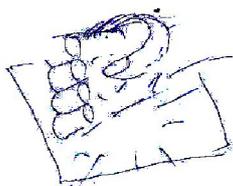

Рис. 1

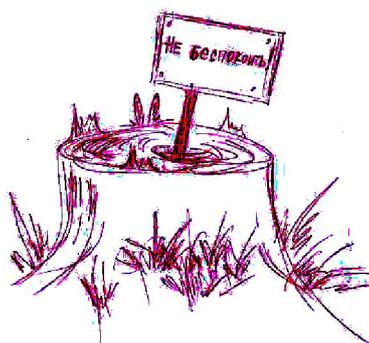

Рис. 2

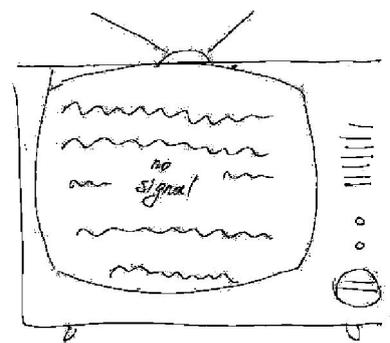

Рис. 3

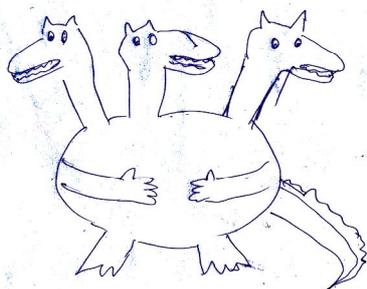

Рис. 4

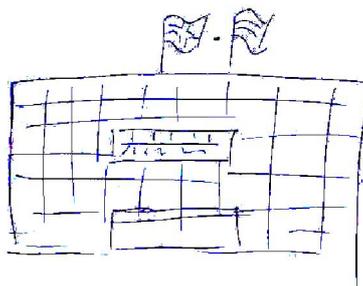

Рис. 5

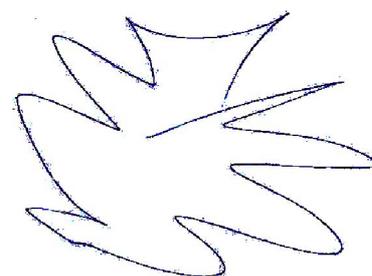

Рис. 6

Подобная типизация позволила сделать некоторые предварительные выводы. Во-первых, большое количество рисунков метафорического (48 %) показывает о том, что, так как большинство респондентов жили ещё в СССР, то можно предположить, что они опасаются изображать власть напрямую, пытаясь это сделать посредством ассоциаций через обыденные предметы. Во-вторых, присутствие рисунков символического типа позволяет сделать вывод, что для многих власть приравнивается к государству. В-третьих, наличие рисунков аморфного типа говорит о том, что у некоторых людей образ власти остается не сформированным.

Следующий этап — тематический или содержательный анализ. Он заключается в интерпретации идей, представленных в изображениях, при этом рассмотрим темы, которые присутствуют во многих рисунках.

Во-первых, тема оторванности общества (народа) от элиты, в руках которой сосредоточена власть. Данная тематика затрагивается в 28 % рисунков. Выражается это чаще всего в изображении иерархических пирамид (14 %), где власть находится в точке её вершины, а простые люди — в основании (рис. 7). При этом подобные рисунки дополнены письменными комментариями: «Высшая власть, элита. Неприкасаемая и не сменяемая в России»,

«Власть в тоталитарном обществе», «Власть — хозяин. Доминирование над основной массой людей — подчинение, рабство, слуги». Таким образом, власть изображается через противопоставление элит и народа, что говорит о том, что в сознании людей власть существует чаще всего через отношения подчинения.

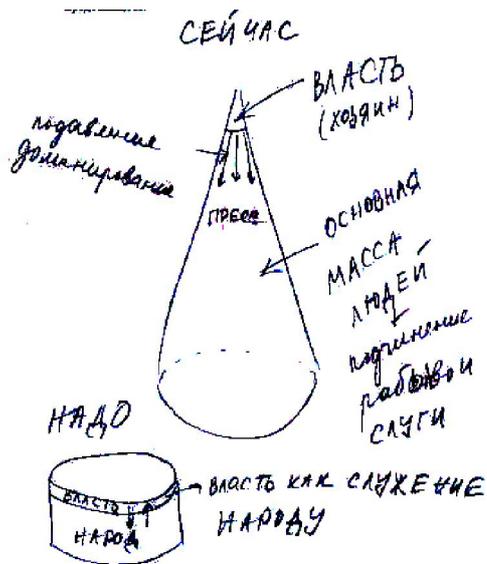

Рис. 7

Во-вторых, тема власти, как сила показана в 8 % рисунков, где изображены стиснутые кулаки, которые либо ударяют по какой-то поверхности, либо просто направлены в сторону, что говорит о понимании власти только при помощи кнута и никак иначе.

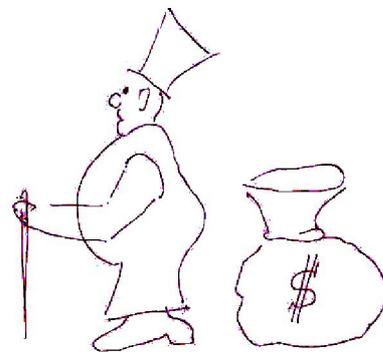

Рис. 8

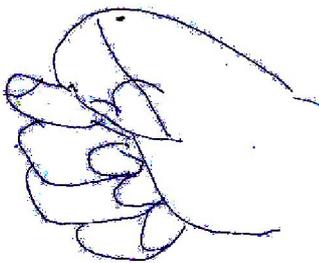

Рис. 9

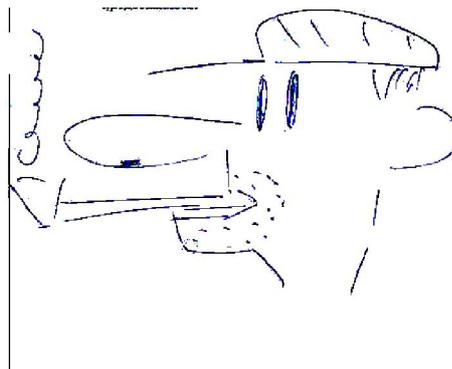

Рис. 10

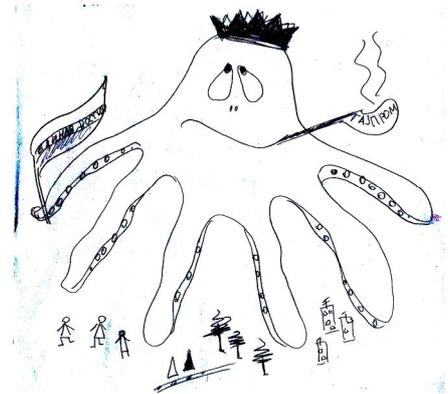

Рис. 11

В-третьих, тема власти, как государственная власть, но не работающая на народ, т. е. не выполняющая своей прямой функции, а предпочитающая скорее откеститься от него. Власть, которая безучастна к жизни населения. Подобная тема присутствует в 10 % рисунков, на которых власть либо показывает народу

«фигу» (рис. 8), либо «клаксон». Возможно, это связано с тем, что люди, рисующие подобные изображения, возлагали какие-то надежды на возможности власть обладающих, которые те не оправдали.

Таким образом, тематический анализ полученных изображений позволяет предположить,

что в сознании российских интеллектуалов преобладают мнения о реализации власти через силу, оторванность от общества, равнодушие к судьбам народа.

Третий этап в анализе изображений — символический. Он заключается в выделении чаще всего присутствующих в рисунках символов и их последующем анализе.

Чаще всего феномен «власть» стараются изобразить через влияние на людей, поэтому на 16 % рисунков они присутствуют, но представляют собой плохо прорисованные фигурки без органов чувств, это говорит о том, что простой народ не играет никакой существенной роли во властных отношениях, они испытывают только влияние элит и ничего больше.

На 6 % рисунков изображен такой символ, как кривая корона, что можно трактовать следующим образом: корона — всё-таки символ власти, но её нарочитая кривизна говорит о пренебрежительном или даже презрительном отношении к власти.

Символы, обозначающие деньги, есть на 8 % рисунков — это мешок денег (рис. 9), обозначение доллара, говорят о том, что в сознании людей власть часто сопряжена с возможностью обладать большими денежными ресурсами.

Символы, связанные с Российской Федерацией, имеются на 20 % рисунков — это изображение В. В. Путина, московского Кремля (4 %), флага РФ (8 %), нефти (6 %), «Единой России» (4 %), говорят о том, что о власти респонденты чаще всего мыслят в региональном масштабе, сопрягая феномен «власти» с деятельностью своего государства.

Последний этап анализа изображений — эмоциональный анализ. При использовании этого метода в психологических науках обычно учитывается прорисованность или схематичность в изображении деталей рисунков, использование определенной цветовой палитры и т.д. В нашем случае это невозможно, так как времени на рисунок было не много, и все они выполнены ручкой. На наш взгляд, при данном виде анализа можно принять во внимание невербальное проявление эмоций, которые при-

сутствуют в рисунках. Можно предположить присутствие чувства разочарованности во власти у респондентов, так как на 20 % рисунков можно угадать высмеивание и чувство пренебрежения к власти через образы мужчины в кепке и с папиросой (рис. 10), осьминога с сигаретой с надписью «Газпром» (рис. 11), через толстяка с мешком денег, дракона в образе Змея Горыныча и т. д. Отметим, что основной массив изображений лишен эмоциональной окраски.

Таким образом, после проведенного 4-уровневого анализа полученных изображений можно сделать выводы о визуальных представлениях российских интеллектуалов о власти.

Во-первых, проведя типизацию всех рисунков, нам удалось выяснить, что у многих респондентов образ власти остается неясным или не до конца сформированным; для многих власть олицетворяется с государственными структурами Российской Федерации; власть чаще всего изображается с помощью метафорического и персонифицированного рисунка, что говорит о том, что людям проще объяснять этот феномен при помощи обычных предметов.

Во-вторых, тематический анализ всего массива изображений дал возможность предположить, что, по мнению респондентов, власть может реализовываться следующими способами: через силу, государственное управление, вмешательство и управление жизнью простого населения. Преобладает мнение, что власть принадлежит только верхушке социальной пирамиды, т. е. в этом случае можно говорить о существовании правящей элиты.

Итак, анализ изображений показывает, по мнению респондентов, власть присутствует только в связи с нашим государством, они полностью сливают воедино феномен «власть» с властью государственных деятелей, хотя на деле власть присутствует и во многих повседневных взаимоотношениях.

В-третьих, символический анализ изображений позволяет понять, какие объекты чаще всего сопряжены с властью в понимании респондентов. Присутствие на рисунках изображений людей, которые схематичны, на наш

взгляд, показывает, что обычные люди являются только объектом влияния власти, что власть распространяется, сами они властью не обладают и повлиять на властные решения никак не могут. Наличие символов, обозначающих Российскую Федерацию, подтверждает, что респонденты мыслят о власти преимущественно в контексте государства.

В-четвертых, эмоциональный анализ даёт понять, что по отношению к власти люди либо не испытывают эмоций или хорошо их скрывают, либо испытывают чувство разочарованности, презрительности. С уверенностью можно утверждать, что позитивных эмоций люди, пытающиеся визуализировать власть, не испытывают.

Образ власти, который мы сформировали по визуальным представлениям российских интеллектуалов, получился однозначно негативным. Возможно, подобные результаты исследования связаны с тем, что сбор материала проводился после результатов выборов, с которыми многие были не согласны, что повлияло на доверие и отношение к властным структурам. Мы считаем, что для уточнения и корректировки образа власти у российских интеллектуалов нужно провести такие же срезы в другие периоды времени, а также исследования других групп, составляющих креативный класс: деяте-

лей искусства, культуры, бизнеса и др. Отметим, что применяемая методика анализа рисунков, конечно, не совершенна, так как часто носит интуитивный и субъективный характер, поэтому в будущем для уточнения данных нужно использовать другие методы, такие как интервью, анкетный опрос, фокус-группы.

Получившийся образ власти, который для многих респондентов реализуется только через государственные структуры, даёт понять, что диалог государства, бюрократии и «думающих» групп общества, современных российских интеллектуалов оказывается относительно затрудненным.

Список литературы

1. Гуреев С. В. Анализ рисунков в социологических исследованиях // Социологические исследования. 2007. № 10. С. 132-139.
2. Кто же все-таки был на Болотной и на Сахарова? Анализ профилей 20 000 участников митинга [Электронный документ]. URL: <http://basilisklab.com/boloto-analis-posetitelei.html> (дата обращения: 14.01.2012).
3. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Издательский дом «Классика XXI», 2007. 421 с.
4. Шестопал Е. Б. Политическая психология. М.: Аспект Пресс, 2007. 427 с.

VISUAL REPRESENTATIONS OF THE RUSSIAN INTELLECTUALS ABOUT AUTHORITY

Ekaterina A. Altinceva

Perm State National Research University, 15, Bukirev str., Perm, Russia, 614990

The summary: In article visual representations of the Russian intellectuals about authority by means of a projective technique « Psychological figure » are investigated.

Keywords: visual; intellectuals; authority; psychological figure; creative class.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия «Вестника Пермского университета» (Серия «Философия. Психология. Социология») принимает к публикации научные статьи, содержащие оригинальные авторские идеи и результаты исследований.

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже).

Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Объем статьи до 1 п.л. (40000 знаков с пробелами). Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле.

Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Не допускается создание рисунка с помощью функции «Рисование». Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка».

В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

При цитировании библиографические ссылки оформляются в круглых скобках с обязательным указанием страниц источника цитирования: (автор, год, страница). Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Источники в списке литературы располагаются в алфавитном порядке. Обязательно указывается: *для книг* — фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; *для журнальных статей, сборников трудов* — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; *для материалов конференций* — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

В конце статьи допускается указание на программу, в рамках которой выполнена работа, или наименование фонда поддержки.

Статья должна сопровождаться индексом УДК, а также краткой аннотацией (не более 10 строк) и ключевыми словами (не более 10 слов) на русском и английском языках.

К статье прилагается информация об авторе (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, телефон, адрес электронной почты.

К статье прилагается рецензия научного руководителя (для аспирантов и соискателей).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается.

Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Материалы необходимо отправлять по адресу: avnut@inbox.ru

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2012

Выпуск 1 (9)

Редактор *Н.И. Стрекаловская*

Корректор *Л.В. Цветкова*

Компьютерная верстка *Д.Г. Трунова*

Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 30.03.2012. Формат 60X84/8. Усл. печ. л.13. Уч.-изд.л. 10,7.

Тираж 500 экз. Заказ

Редакционно-издательский отдел Пермского государственного

национального исследовательского университета

614990. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография

Пермского государственного национального исследовательского университета

614990. Пермь, ул. Букирева, 15